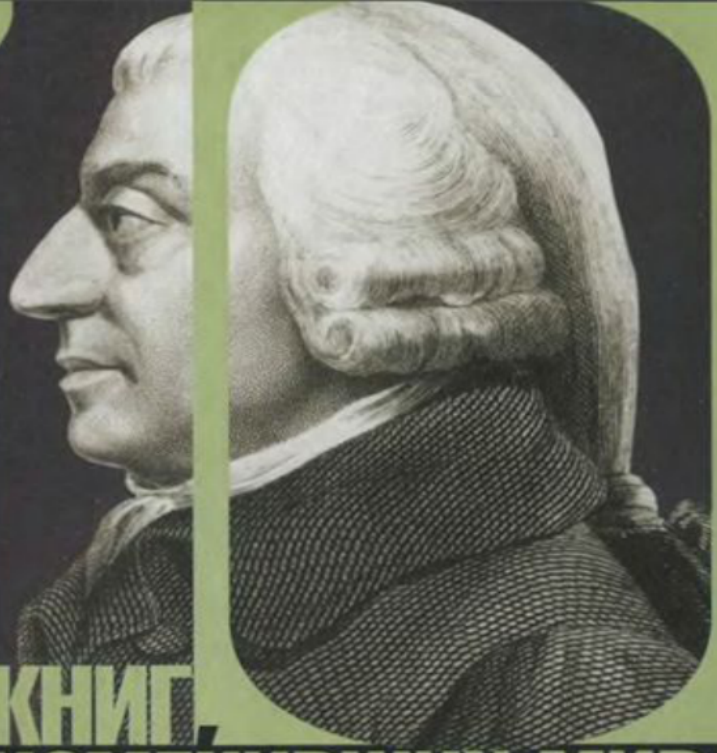
10 КНИГ, ИЗМЕНИВШИХ МИР

АДАМ СМИТ О БОГАТСТВЕ НАРОДОВ



10 КНИГ, ИЗМЕНИВШИХ МИР

АДАМ СМИТ О БОГАТСТВЕ НАРОДОВ

П. ДЖ. О'РУРК

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«О богатстве народов» Адама Смита. Книга, изменившая в начале XIX века представления о мировой экономике. Она произвела настоящий эффект разорвавшейся бомбы среди современников — и продолжает служить поводом для оживленных дискуссий даже в наши дни. Ею восхищались, ее осуждали… Почему же теория Адама Смита встретила столь неоднозначное отношение? И почему правоту многих ее тезисов, казавшихся некогда фантастическими, доказало впоследствии время? На эти вопросы дает в своей книге оригинальные и исчерпывающие ответы известный публицист Патрик Дж. О'Рурк.

-
- Предисловие
- Глава 1. ПОГРУЖЕНИЕ В «ИССЛЕДОВАНИЕ О ПРИРОДЕ И ПРИЧИНАХ БОГАТСТВА НАРОДОВ»
-
-
- Глава 2. ПОЧЕМУ «БОГАТСТВО НАРОДОВ» ТАКОЕ ДЛИННОЕ?
- Глава 3. «ТЕОРИЯ НРАВСТВЕННЫХ ЧУВСТВ», В КОТОРОЙ АДАМ СМИТ ПРЕДПРИНЯЛ ПОПЫТКУ РАСЧИСТИТЬ АВГИЕВЫ КОНЮШНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
    - Глава 4. «БОГАТСТВО НАРОДОВ», КНИГА I КАК ЦЕННОСТЬ СВОБОДЫ ДЕЛАЕТ ЛУЧШЕЕ В ЖИЗНИ БЕСПЛАТНЫМ
    - Глава 5. «БОГАТСТВО НАРОДОВ», КНИГА 2 «О ПРИРОДЕ КАПИТАЛА, ЕГО НАКОПЛЕНИИ И ПРИМЕНЕНИИ» ДА БУДЕТ АДАМ СМИТ ТВОИМ РЫНОЧНЫМ ГУРУ
    - Глава 6. «БОГАТСТВО НАРОДОВ», КНИГА 2, ПРОДОЛЖЕНИЕ. АДАМ СМИТ: СПИКЕР, НЕ МОТИВИРУЮЩИЙ ПАРЛАМЕНТ
    - Глава 7. «БОГАТСТВО НАРОДОВ», КНИГА 3 «О РАЗЛИЧИЯХ В РОСТЕ БОГАТСТВА У РАЗНЫХ НАРОДОВ», ИЛИ СПАСИБО ВЛАСТЬ ИМУЩИМ ЗА ИХ ГЛУПОСТЬ
    - Глава 8. «БОГАТСТВО НАРОДОВ», КНИГА 4 «О СИСТЕМАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ» АДАМ СМИТ В РАЗДУМЬЯХ НАД ПРОБЛЕМОЙ КИТАЙСКОЙ ТОРГОВЛИ
    - Глава 9. «БОГАТСТВО НАРОДОВ», КНИГА 4,

ПРОДОЛЖЕНИЕ: АДАМ СМИТ, ПРОТИВНИК ИДЕОЛОГИЙ
- Глава 10. АДАМ СМИТ, БЛАГОДЕТЕЛЬ АМЕРИКИ
- Глава 11. «БОГАТСТВО НАРОДОВ», КНИГА 5 «О ГОСУДАРСТВЕННОМ БЮДЖЕТЕ» АДАМ СМИТ И ТОПИ БЮРОКРАТИИ
-
- Глава 12. НЕНАПИСАННАЯ КНИГА АДАМА СМИТА
-
- Глава 13. АДАМ СМИТ СОБСТВЕННОЙ ПЕРСОНОЙ
-
- Глава 14. АДАМ СМИТ НА НЕБЕСАХ
- Приложение. ФИЛОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ АДАМА СМИТА

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

В надежде, что он вырастет в мире, в котором нравственная составляющая «Богатства народов» будет так же ценна для повседневной практики, как и экономическая, я посвящаю эту книгу Эдварду Клиффорду Келли О'Рурку

Предисловие

Автором замечательной идеи о создании этой серии книг был Тоби Мукой, глава компании «Атлантик букс» в Лондоне. Ему же пришло в голову (и тут не мне судить, насколько эта идея была хороша) предложить мне написать одну из них. Как бы ни восприняли мою работу читатели — я благодарен за сам опыт ее создания. Хотя должен признать, что этот опыт зачастую напоминал экстремальное погружение на дно таких интеллектуальных глубин, где я и на поверхности-то еле держусь на плаву.

Также я благодарен Моргану Энтрекину, руководителю транснациональной компании «Грув/ Атлантик», чей издательский совет («перепиши все, от начала до конца») был хоть и не принят, но оценен мной по достоинству. Дело в том, что с Давних пор, с 1983 года, мы с Морганом состоим в гражданских взаимоотношениях, закрепленных в нормах законов большинства государств… как союз писателя и издателя. И нужно сказать, что Морган, каким бы ни было его мнение, всегда издавал мои книги — как говорится, на свой страх и риск.

Глава 3 этой книги, посвященная смитовской «Теории нравственных чувств» — в немного измененной форме, но все же — появлялась в печати и прежде, в качестве статьи в «Уикли стандард». Я в огромном долгу перед этой прекрасной публикацией, которая в течение более десяти лет заставляла меня двигаться дальше и не останавливаться на достигнутом — не только в исследовании «Теории нравственных чувств», но и во всем остальном.

Также я в большом долгу перед институтом Катона в Вашингтоне, округ Колумбия, где так уверенно, горячо, и в то же время беспристрастно не только пропагандируют свободу личности — что все мы так любим, но и настаивают на необходимости личной ответственности — что мы признаем с куда меньшей охотой. Катон возглавляет президент Эд Крэйн, исполнительный вице президент Дэвид Боаз делает большую часть работы, я — научный сотрудник — не делаю никакую, будучи слишком несдержанным в суждениях, но отнюдь не таким продуктивным, как подобает моему высокому званию… Старший сотрудник Катона Том Палмер, подлинный знаток Адама Смита, провел для меня ознакомительный экскурс в «Богатство народов». Это он отметил по поводу Смита, что когда тот приводил в пример убитых бобров и оленей при рассмотрении природы ценности, то и понятия не имел, о чем говорит. Палмеру также

принадлежит замечание о том, насколько иронична меркантилистская политика в попытке применить к собственной стране в мирное время те же методы, какие страна применяла бы к вражескому государству во время войны.

Несколько лет назад в Катоне проходил курс лекций о развитии гражданского общества, и скоро эти лекции будут выпущены на дисках и кассетах. Четыре лаконичные и блистательные записи целиком посвящены «Богатству народов», и слушать их — по мнению авторитетных источников (каковым, без сомнения, является моя жена) — гораздо более приятно, чем меня.

Джули Мариотти, с ее знаниями в области лингвистики и французской культуры восемнадцатого века, обеспечила меня доступным переводом письма Дэвиду Гэррику от мадам Риккобони. А надо отметить, что даже для человека, сведущего во французском (а не только для меня), это послание — едва поддающаяся расшифровке словесная путаница из устаревшей грамматики и давно забытого сленга.

Благодаря Джеймсу Кегли, трюкачу по ту сторону объектива, читатели имеют возможность видеть фотографию меня в интеллигентном и презентабельном виде (уж не знаю, как это ему удалось).

Многие моменты этой книги я обсуждал с теми людьми, к кому неизменно обращаюсь за компетентной помощью относительно всего, что лежит за пределами моего понимания: это Энди и Денис Фергюсон, Ник и Мэри Эберштадт, Михаель Леннер и Тина О'Рурк. Причем последняя персона из названных, будучи замужем за автором, была вынуждена продолжать эти обсуждения и день и ночь. Я благодарю всех вас за терпение и мудрые советы.

Также мудрыми мыслями со мной поделились Эд Крэйн, Дэвид Боаз, Ричард Старр, Филип Терзиан, Ричард Пайпс, Чарльз Мюррэй, Крис Демут, Тоби Лестер и Коллин Мерфи.

Должен отдать честь Дэвиду Бруку за упоминание в одной из его блестящих колонок в «Нью-Йорк тайме» (им следовало бы отдать ему целую полосу) о том, что основы принципов свободного рынка были известны еще со времен Альберта Магнуса в тринадцатом веке. И еще один поклон — Роберту Самуэльсону за его регулярные отчеты о проводимом анализе в сфере экономики. В 2005 году в «Вашингтон пост» Самуэльсон выразил в одном предложении все аргументы Адама Смита против всезнаек от управления и экономического планирования: «Чем меньше мы понимаем экономику, тем более успешно она работает».

Доктор Уильям С. Фройнд, который в течение многих лет был главным экономистом Нью-Йоркской валютной биржи, рассказал мне одну шутку, которую я счел небесполезным держать на уме: «Экономист — как тот парень, у которого в арсенале есть сотня способов заниматься любовью и нет любовницы».

На некоторую сухость и тяжеловатость мысли Адама Смита я как-то пожаловался Питеру Хуберу, юристу и исследователю права. Питер ответил, что тот, кто способен высказать что-то блистательное и оригинальное, может быть настолько занудным, насколько ему заблагорассудится. Это заставило меня поразмыслить еще раз над своими способностями и над тем, что и мне следует включить в эту работу хоть пару светлых крупиц собственных мыслей — надеюсь, хотя и не могу уверять, что мне это удалось.

В чем могу заверить, так это в бесконечной благодарности Тине О'Рурк и Кэтлин Родес за их помощь в исследовании и за труд, который они приложили, чтобы загрузить результаты этого исследования в компьютерные недра.

Закончить это предисловие я хотел бы упоминанием события, которое, однако, не заслуживает нисколечко благодарности: в 1903 году в Кембридже было проведено разделение дисциплин, изучавшихся прежде в совокупности, а именно — экономики и этики. Рановато, не правда ли?

Он захватил только то, что был способен вместить его поверхностный ум, но истинная суть смитовской мысли осталась незамеченной. Даже когда речь идет о таком простом деле, как одолжить у кого-то шляпу — надо принимать во внимание, что твоей голове она может быть не по размеру.

Джон Рэй, биограф Адама Смита, о другом авторе, пытавшемся разобраться в его работах

Глава 1. ПОГРУЖЕНИЕ В «ИССЛЕДОВАНИЕ О ПРИРОДЕ И ПРИЧИНАХ БОГАТСТВА НАРОДОВ»

Нет ни малейшего сомнения в том, что «Богатство народов» — книга, изменившая мир. Однако эти изменения заняли долгое время. Двести тридцать один год спустя после публикации описанные Адамом Смитом практические истины только начинают раскрывать полностью свои действенные силы. И там, где применение истины на практике наиболее важно, — среди советников Европейского Союза, Всемирной Торговой Организации, Международного Валютного Фонда, Британского Парламента и Американского Конгресса — уроки Адама Смита все так же зачастую оказываются невостребованными.

Простые принципы Адама Смита.

Смит осветил все тайны экономики одной вспышкой: «Потребление — единственное завершение и цель всего процесса производства». В этом нет ни секрета, ни загадки, ни метафизики. Экономика — просто-напросто стратегия жизнеобеспечения, и ничего более.

В «Богатстве народов» сформулированы три основных экономических принципа, их смысл раскрыт в ясных рассуждениях и приведены многочисленные примеры. Так что даже интеллектуал, который так и норовит уличить автора в противоречиях и бессмыслице, поймет идеи Смита без труда. Экономический професс зависит одновременно от трех независимых факторов: личного интереса, разделения труда и свободы торговли.

В преследовании собственных интересов нет ничего изначально плохого — это фундаментальное положение было одним из лучших смитовских прозрений. Для читателя двадцать первого века это вряд ли звучит как новость, скорее так же привычно, как все, что передают в новостях. Похоже, сегодня стало привычным, что альтруизм — это привилегия богатых и знаменитых, а быть знаменитостью — определенно предмет личного интереса. Ну, можно конечно привести в пример Боба Гелдофа, который стал знаменитым именно потому, что занимался организацией благотворительных мероприятий. Но по

большей части, как мы знаем из истории, следование идеалам, мудрости и вере требовало отказа от эгоцентризма, обуздания амбиций и даже принесения себя в жертву.

Однако, как и произведения Адама Смита, это смирение имело предназначение и цель. Большинство людей не были властны над своими материальными обстоятельствами, и даже — если они были рабами или крепостными — над своими телами. Но нечеловеческие условия средневековья дали возможность развитию духовных практик их преодоления, как, например, аскетизм.

Адам Смит жил в то время и в том месте, когда заурядные граждане уже могли пользоваться некоторой свободой и средствами для преследования личных материальных интересов. В первой книге «Богатства народов», глава «О заработной плате», Смит отметил в ироничном, почти саркастическом тоне: «Следует ли считать такое улучшение положения низших слоев народа выгодным или невыгодным для общества?»

Если в девятнадцатом веке процветание низших слоев народа не считалось очевидным благом, то это только потому, что их мнение, в сущности, никого не интересовало. Конечно, и в современном мире есть места, где оно по-прежнему никого не интересует. Но по крайней мере стремление народа к улучшению жизненных условий не считается чем-то из ряда вон выходящим, причудой или кощунством. Вопрос заключается в том, как этого достичь.

Ответ на этот вопрос — разделение труда. Ответ, казалось бы, очевидный, но почему-то он не пришел на ум никому из ученых теоретиков до Адама Смита. Принцип разделения труда был в ходу чуть ли не с начала времен. Когда первородный Адам трудился в поте лица, а Ева занималась пряжей — ну разве это не то самое разделение? Женщины страдают родовыми муками, в то время как их мужья потеют в поле или, скажем, болтаются по окрестным лесам, добывая пропитание.

Однако библейского Адама не считают первым философом, открывшим, что разделение является сущностной характеристикой труда, а проще говоря — что где есть труд, там будет и его разделение, а вот Адама Смита можно по праву назвать первым, кто осознал значение, смысл и далеко идущие следствия использования принципа разделения труда. Фактически Адам Смит изобрел сам термин «разделение труда» в том смысле, в каком мы понимаем его сейчас.

Какой-нибудь щуплый тип, наделенный технической фантазией, затачивает копья. Храбрый олух-здоровяк идет с копьем на мамонта. А третий, одаренный тонкой душевной

организацией и художественными наклонностями, рисует все это на стенах пещеры. Один делает одно, другой — другое, но все они заинтересованы в одном и том же.

Отсюда и возникла торговля. Теоретически торговля может быть хорошим делом, по крайней мере, в ее сути нет ничего, что бы этому противоречило. Но торговля такая, какой мы ее знаем, и порой она может быть чрезвычайно эффективной в том виде, в каком есть. Торговля — это факт.

По мнению Адама Смита, свободная торговля взаимовыгодна по определению. У одного есть что-то, но он хочет получить нечто другое, в то время как это другое есть у того, кому нужно первое. Но такие сделки могут быть весьма неразумными. Созерцание пещерных рисунков не стоит трехсот фунтов мамонтятины. Выгода может быть, по случаю, односторонней. И вот наш бедный художник месяцами набивает пузо до отвала, в то время как храбрый олух, став меценатом нового искусства стоит, завороженный, в пещере Ласко… А как же тот хитрый точильщик копий? Уж он-то наверняка отхватил свой кусок. А впрочем, какое наше дело? Уверен, они прекрасно справились без нас.

Почему разбор простых принципов Адама Смита это не разбор его жизнеописания.

В общеисторическом масштабе неприкосновенность фактов личной жизни — идея из разряда новинок. Поэтому, разумеется, как и все то, во что нам заказано совать нос, чужая личная жизнь представляется нам чрезвычайно интересной. Но у современников Адама Смита истории частной жизни вовсе не вызывали такого повышенного спроса, и раз уж эта книга посвящена ему как мыслителю, она написана по-старомодному: сначала — идеи, потом — их автор. Адам Смит внес значительный вклад в построение мира, где среди высших ценностей стоят индивидуальность, независимость и самореализация личности, но его идеи не были порождены таким миром. Он принадлежал иной традиции мысли, более отвлеченной, в которой главной ценностью был не человек, но наука как таковая.

Если идеи кого-то из наших современников потрясают весь мир, мы хотим знать об этом человеке все. Джулия Чайлд прославилась на весь мир своими кулинарными рецептами. Как вы полагаете, она развивала свой талант, черпая из сокровищницы мировой кулинарной мысли? Или это мама открыла ей секрет толстого, сочного омлета с кусочками сыра и канадским беконом? (Ну, и моя мама готовила что-то подобное, я, помнится, отдавал это тайком собаке.) Какие аспекты природы питания, психологии и экспериментального познания открыли

нам идеи Джулии Чайлд? Очень странные вопросы — подумаете вы. Но в былые времена идеи зарождались в лоне других идей, и одна школа мысли порождала другую. Мыслители не мыслили о самих себе, и их аудитория не мыслила о мыслителях как таковых. Все были заняты отвлеченными идеями. Дугалд Стюарт, первым написавший и опубликовавший в 1858 году биографию Адама Смита, снабдил свое необычайно краткое изложение комментарием о том, что «история жизни философа может содержать лишь немногим более, чем история его мысли».

Другая причина, по которой рассуждения Адама Смита разбираются здесь прежде его жизнеописания — то, что сама его жизнь была, в противоположность современным знаменитостям, куда менее насыщена событиями, но более богата интеллектуально и более интересна в этом смысле. Он был академиком, далеким от радикальных настроений. Придерживался компромиссных, умеренно-реформистских политических взглядов, можно было бы сказать — близких либеральной партии вигов, если бы Смит был вообще был заинтересован участием в политической жизни. Со временем он пополнил число правительственных бюрократов. Однако, несмотря на все это, нечто особенное, и по-своему революционное в его мысли — я бы описал это настроение смитовской излюбленной фразой «нашего дела это не касается» («It's none of our business») — в конце концов перевернет саму основу той системы власти, которую политические и религиозные авторитеты возводили и укрепляли тысячелетиями. Есть страны, в которых эта мысль уже сработала, где жизнь серьезно изменилась с тех пор, как самый жестокий и жадный тип встал во главе дружины разбойников, или наделенный сверхъестественными способностями шарлатан Провозгласил свою безграничную власть волей магической силы.

Но, в каком-то смысле, это является прямым делом власть имущих — вмешиваться в дела остальных. Правительства и священники не могут не накладывать определенные ограничения на преследование личных интересов, разделение труда и свободу торговли. Успешное достижение гражданами собственных интересов может обернуться прямой угрозой всей системе власти. Они рассуждают при* мерно так: дай людям возможность выбирать работу по душе — и они тут же потребуют права и свободы: ну уж нет; а что касается торговли — поймать на месте преступления, и дело с концом!

Ограничения по-настоящему действенны только тогда, когда на страже их соблюдения стоят силы, обладающие реальной властью принуждения. Пользуясь нашим доисторическим

примером, принуждение в наиболее свободном применении, если можно так выразиться, — это когда я получаю и заточенные копья, и мамонтятину, и настенную роспись, и саму пещеру, а ты получаешь копьем в лоб.

Принудительные ограничения нарушают главный принцип взаимной выгоды, и это разрушает процесс торговли, что в свою очередь делает неэффективным разделение труда, что в конечном итоге пресекает все возможности удовлетворения личных интересов.

Ограничь торговлю, хоть из самых честных побуждений, — и ты уже занес ногу для «большого скачка вперед», по стопам Мао Цзэдуна. Ограничь те или иные экономические прерогативы — результат будет идентичным. Ограничь три основных принципа разом — и ты уже Мао собственной персоной.

Непростые принципы Адама Смита

Во всех своих работах Адам Смит отстаивает принципы свободы с точки зрения нравственности. Но все аргументы за свободу, изложенные в «Богатстве народов», на удивление прагматичны. Смит был противником большинства существующих форм экономических ограничений: пошлин, правительственных поощрений, привилегий, квот, контроля цен, монополий, картелей, гильдий, требующих повышения зарплаты профсоюзов, фиксирующих зарплату работодателей, ну и, конечно же, рабства. Он был даже против системы лицензирования докторов, полагая, что это может обернуться обогащением шарлатанов под прикрытием закона, в то время как в условиях свободного рынка мошенникам не нашлось бы места под солнцем по причине естественной конкуренции. Но — дабы не позволить грубой силе править в царстве беззакония — Смит настаивал на ключевой роли личных, нравственных ограничений.

В словах куда более печальных и честных, чем те, что мы привыкли слышать от экономистов, Смит заявил: «Сохранение мира и порядка в обществе важнее облегчения жизни нуждающихся». Без экономической свободы число нуждающихся только увеличивается, что влечет необходимость введения все более строгих ограничений для предотвращения бунтов, и следствием будет тотальное лишение свободы.

Смит осознавал, что принцип экономической Свободы обладает определенными недостатками. В частности, он был обеспокоен последствиями крайностей в разделении труда: «Человек, который проводит всю свою жизнь, выполняя несколько

простых операций… чаще всего становится настолько глупым и невежественным, насколько это Вообще возможно для человеческого существа». (Да, с этим не поспоришь: привести в пример хотя бы всех этих политиков, которые только и делают, что пожимают руки и воспроизводят заученные фразы.) Но все же разделение труда стоит того. Специализация на любом производстве повышает уровень производительности. (И политиканская специализация по крайней мере оставляет надежду, что они не займутся чем-то другим, и их глупость и невежество не причинят еще больший ущерб экономическому росту.)

Еще более сложные принципы Адама Смита.

Проведенная Смитом логическая демонстрация того, как производительность возрастает благодаря личной заинтересованности, разделению труда и свободной торговле, опровергла тезис (до сих пор столь милый сердцу левых) о том, что обогащение одного человека непременно ведет к. обнищанию другого. Богатство — не пицца. Если я отрезал себе слишком много кусков, это не значит, что тебе остается жевать картонку.

Доказав, что богатству народа теоретически нет предела, Смит также показал, что неверно полагать, будто богатство — это лежащая мертвым грузом куча добра. Богатство должно быть распределено естественным образом в товарах и услугах; другими словами, богатство — это то, что в ходу на кухне и в конюшнях замка, а не то, что хранится в башне в железных сундуках. Смит описывает специфику этого распределения в первом предложении вступления к «Богатству народов»; «Годичный труд каждого народа представляет собою первоначальный фонд, который доставляет ему все необходимые для существования и удобства жизни продукты, потребляемые им в течение года». Смит, таким образом, одной строкой создал концепт валового внутреннего продукта. Без понятия ВВП современные экономисты вообще оказались бы не удел и просто стояли бы молча, нацепив для приличия галстуки и молясь, чтоб их миновала чаша отвечать на вопросы на телевидении.

Если само богатство не привязано к определенной форме, то такова и его мера — деньги. Сами по себе деньги не имеют никакой ценности. Спросите об этом любого малыша, кому случалось проглотить монетку, и он вам подтвердит. Не говоря уже о тех, кому случалось переживать инфляцию. Но не будем забывать, что в восемнадцатом веке деньги все еще изготовляли,

по большей части, из драгоценных металлов. Поэтому рассуждения Смита о сущности денег могли произвести слегка обескураживающий эффект на читателей, несмотря на то, что им был известен пример наводненной золотом, но погрязшей в нищете Испании. Золото, определенно, стоит столько золота, сколько оно весит. Но вовсе не столь очевидно, что оно стоит чего-то еще. Это почти как если бы Смит сначала доказал, что все мы можем иметь больше денег, а потом доказал бы, что за деньги нельзя купить счастье. И это правда. Счастье купить нельзя. Его смежно взять в аренду.

Принципы Адама Смита: их принципиальный эффект.

«Богатство народов» было опубликовано, по забавному совпадению, в тот же самый год, в который 4-го дня июля месяца величайшая капиталистическая нация объявила свою независимость: 1776. И образованным жителям Великобритании проект Соединенных Штатов Америки представлялся, вне всякого сомнения, гораздо более странным, безрассудным и парадоксальным, чем любые идеи Адама Смита. «Богатство» не было легким чтением даже по стандартам восемнадцатого века, но, тем не менее, книга незамедлительно возымела определенный успех. Первое издание было распродано за шесть месяцев, шокировав тем самым его издателя. Кроме этого, никаких свидетельств шокирующего воздействия сочинения Смита на современников история не сохранила.

Например, никого не повергало в смущение положение Смита о том, что первостепенную роль в экономике играет личный интерес. То, что личные интересы движут миром, негласно признано с тех пор, как мир пришел в движение — маленький секрет, известный каждому. Да и беспокойство от мыслей о том, что деньги являются воображаемой материей, уже было доставлено читающей публике сочинениями доброго друга Смита, Дэвида Юма, четвертью века раньше. На самом-то деле, о вымышленной сущности денег было известно еще с классических времен. За двести лет, разделяющих правления Нерона и Галлиена, имперские фантазеры снизили содержание серебра в римских монетах от ста процентов до нуля.

И тем не менее, несмотря на то, что «Богатство народов» не заставило народы застыть во вдохновенном изумлении, что-то в этой книге подточило зубцы в механизмах мысли века Просвещения. И это что-то по-прежнему действенно и так и скрежещет на уме; я говорю так, потому что сам чувствую это — и

особенно остро, когда на повестке дня встает вопрос о защите собственных интересов.

Боже мой, нет, я не эгоист. Я беспокоюсь об окружающей среде и о тех, кому повезло меньше, чем мне. Особенно о тех несчастных, кто плевать хотел на загрязнение, глобальное потепление и исчезновение видов. Я очень беспокоюсь о них, и я надеюсь, что они проиграют следующие выборы. И может быть тогда нам улыбнется счастье видеть в государственных учреждениях добрых, заботливых, неэгоистичных людей. Которые не позволят строительной компании загородить прекрасный вид на океан из моего окна.

И давайте наконец признаем тот факт, что «низшие слои народа» зачастую имеют много, ну слишком много денег. Возьмите хотя бы Бритни Спирс. Или я приведу вам пример получше — толстосумы, покупающие дворцы у пляжа, «чтобы было куда приехать отдохнуть на выходные», с гаражом на четыре баржи и кухней от Марты Стюарт, на которой они готовят так же часто, как сама Марта моет посуду. Вы можете думать, что уж вы-то точно не «низшие слои», потому что заколачиваете приличные бабки, но вся правда о том, насколько это «невыгодно для общества», выясняется, если я вдруг ненароком поцарапаю ваш «хаммер», просто потому что он занимает не меньше трех парковочных мест. Мне знаком такой тип людей. Вы работаете весь день, восемьдесят или сто часов в неделю, в какой-нибудь специализированной отрасли чего-нибудь, в которой никто другой не разбирается, на Уолл-стрит, или в какой-нибудь гламурной корпорации юридических фирм, или продаете оборудование для операционных комнат дорогих клиник. Вы считаете, что человек должен научиться гармонично сочетать работу, жизнь и семью, чтобы стать гармоничным, ну, это… человеком. И поэтому мы с моей женой планируем выращивать все продукты питания (а знаете ли вы, что брюква может храниться целый год!), пользоваться только законными и оплаченными услугами Интернета, обогревать дом с помощью экологически чистой энергии из таких обновляющихся источников, как ветер от сквозняков из-под двери, и вязать одежду для детей из органической шерсти овцы, выращенной в гуманных условиях в нашем собственном саду. И детям будет тепло и приятно, ну, разве что немного Колко, и если их будут дразнить на улицах, то это только закалит характер.

Ну ладно, я признаю, что полное освобождение рынка было бы благом для экономики. Но ведь в мире есть вещи и помимо денег. Подумайте о том, какая опасность и вред подстерегают общество на этом пути. Без государственного контроля большие

шишки — владельцы компаний — могли бы запросто обманывать инвесторов и присваивать миллионы! Снятие ограничений на торговлю вредоносными веществами могло бы стать прямой дорогой к пропаганде и повсеместному употреблению табака, алкоголя, наркотиков. Без закона об обязательном лицензировании медиков врачом мог бы называть себя каждый хиромант, костоправ и приверженец ароматерапии. Если бы не было профсоюзов, тридцать тысяч человек по-прежнему были бы рабами зарплаты на «Дженерал моторс» и тянули лямку беспросветной монотонной работы. И если бы не было различных соглашений о розничной продаже бензина, разные компании могли бы занижать цену на сколько им угодно, и мне пришлось бы объезжать весь город в поисках самой дешевой заправки и потратить на это больше бензина, чем я мог бы купить на разницу в цене.

Представьте также ущерб развивающемуся миру. Мегатонны дешевой американской поп-музыки в формате mp3 не дадут ни малейшего шанса пробиться на рынок каким-нибудь виртуозным перуанским флейтистам. Многие виды работ требуют защиты, чтобы обеспечить рабочие места для жителей конкретного региона или сообщества. Например, моя работа — придумывать шутки, пародии и остроумные комментарии. А где-то в Мумбаи есть парень, и моложе и смешнее, который готов работать за меньшие деньги. Он может занять мое место. Но он может высмеивать все, что ему угодно. А кто будет бранить мою жену? А тещу с тестем? А кто будет подкалывать моих друзей? Неизвестно кто, живущий за тридевять земель, может дать волю своему чувству юмора и болтать все, что ему вздумается. Он может, например, взять за образец одну из тех забавных и трогательных историй, которые я пишу примерно раз в год, о приключениях детей на Манхэттене под Рождество. И мы получим детей, размазанных по витринам магазинов, затоптанных поделкой в Рокфеллер-центре и порубленных в кусочки на катке Центрального Парка ордами выходцев с Ближнего Востока, европейцев и японцев. И возможно, даже наш дорогой мумбаец не устоит перед искушением состряпать нелепые вирши типа:

В Нью-Йорке в святки собрались
Уроды на параде,
Глядя на них, пришла мне мысль
Пожертвовать Аль-Каиде.

Вот и получится, что естественный и свободный поток товаров и услуг свободно обратится другим — потоком грязи мне в лицо.

И это еще не все. Совокупность товаров и услуг есть валовый

внутренний продукт. Хорошо. Я вращаюсь в тех же внутренностях моего государства, как и любой из моих соотечественников — где мой продукт? Как получается, что поток товаров и услуг вымывает мои карманы, а не пополняет? Конечно, я понимаю — деньги не есть истинная Ценность. Истинная ценность — это любовь. И именно поэтому я хочу иметь на банковском счету серьезный и весомый залог любви, ну, или хотя бы чего-то близкого — секса. Да чего там говорить, я вас всех могу поиметь как мне угодно — взгляните на мой банковский счет! И если деньги ничего не значат, какого черта тогда Алан Гринспен выбился в такие большие шишки? Может, он просто сидел в офисе и разгадывал кроссворды? Ах, он успешно руководил денежной политикой, ну, понятно…

На самом деле, никто не принимает аксиомы Адама Смита как неопровержимую данность — конечно, если эта данность не заключается в хорошей прибыли, больших ежегодных премиях, дешевой рабочей силе на стройках, повышении производительности и текущей политике Системы Федерального Резерва. Так же, как и Американская Федерация Труда и Конгресс производственных профсоюзов, как Франция и как сумасбродные любители уличных забастовок всех мастей, мы готовы спорить с Адамом Смитом и его принципами. Но чтобы этот спор был подобающе интеллигентен, мы должны прежде всего рассмотреть и обдумать как следует всю совокупность его аргументов. И какова бы ни была пропорция «за» и «против», «Богатство народов» — слишком значимый труд, чтобы оставить его без внимания, если мы хотим серьезно разобраться в сущности экономики.

Глава 2. ПОЧЕМУ «БОГАТСТВО НАРОДОВ» ТАКОЕ ДЛИННОЕ?

Итак, настроившись на чтение, мы усаживаемся в любимое кресло, берем в руки нетленный опус Адама Смита, и сразу понимаем — да, вот это весомый труд. И торжественно открываем первую из многих, очень многих страниц «Исследования о природе и причинах богатства народов». И тут же ловим себя на том, что представшее перед нами количество повергает нас в большее интеллектуальное смущение, чем, по нашему предположению, способно качество текста, каким бы оно ни оказалось. Это случается с большинством читателей большинства великих сочинений (чаще всего в последнюю ночь перед экзаменом). И даже я, дерзающий считать себя поклонником классической литературы и принципов свободного рынка, почувствовал это смущение, приступая к «Богатству народов», в имеющемся у меня издании занимающему девятьсот страниц, плюс вступление, плюс предисловие издателя и приложение.

Мне доводилось слышать, что средний возраст — отличное время, в том плане, что можно опять и по-новому насладиться классическими произведениями, и теперь, сорок лет спустя после окончания колледжа, я могу проверить это на собственном опыте. Я, надо предположить, способен зрело вдохновиться «Диалогами» Платона, с высоты прожитых лет переоценить «Потерянный рай» и, будучи уже не мальчиком, но мужем, серьезно поразмышлять над «Богатством народов» Адама Смита. Кстати, интересно, а я вообще его читал? Что-то не могу ничего припомнить… Возможно, еще одна положительная черта среднего возраста — то, что краснеешь больше от рома, чем от досады, и теперь я могу наконец, признаться, что прочитать сей труд в студенческие годы у меня была кишка тонка. Эх, что уж там говорить, если на выпускном зачетном семинаре по творчеству Джордж (а) Элиот (а)? мне хватило наглости спросить: «А чего этот “Миддлмарч” такой длинный?»

Одна из причин, по которой Смит был так неэкономен на слова, — как раз экономическая. В первом издании «Богатство народов» стоило 1 фунт 16 шиллингов за книгу. А «обычная заработная плата» в то время, по собственной оценке Смита, составляла 10 шиллингов в неделю. И поэтому потребители, даже обеспеченные потребители такой интеллектуальной роскоши как книги, хотели получить за свои деньги нечто весомое.

Труд, выпущенный Институтом Катона в 1997 году, изложил

главные идеи «Богатства народов» на семи с половиной страницах. Дэвид Боаз, исполнительный вице-президент Катона, написал во введении, как полагается, о том, что читателю, без сомнения, стоит насладиться оригинальным сочинением в полном объеме. «Нет, нет, нет, только не Богатством народов!» — сказал на это Том Палмер, старший научный сотрудник Катона и главный его эксперт по Адаму Смиту.

Смит сумел возвести экономику в ранг научной дисциплины, внеся ясность в ту неуправляемую свистопляску, какой предстает взгляду экономика в реальном действии. Но значит ли это, что в таком случае экономика должна заниматься также и проблемами всех остальных научных дисциплин? Представьте себе, какие вопросы психологии, социологии, политологии и инженерных технологий оказываются вовлечены, когда, выходя из супермаркета, вы обнаруживаете у своего пятилетнего малыша неоплаченного Крошку Пони? Так вот, Адам Смит был рад отстраниться от чисто экономических материй так же, как вы и ваш рыдающий малыш. Вот, например, одно из таких отступлений — несмотря на прошедшие 230 лет, оно прекрасно описывает и объясняет, почему Анжелина Джоли зарабатывает такое огромное количество денег:

«Существуют такие очень приятные и прекрасные таланты, которые обеспечивают их обладателям своего рода восхищение, но использование которых в целях заработка признается… своего рода общественной проституцией… Непомерное вознаграждение актеров, оперных певцов, танцовщиков и пр. объясняется этими двумя причинами: редкостью и красотой талантов и плохой репутацией, связанной с использованием их указанным образом».

Вот такого рода замечания и делают 892 с половиной страницы «Богатства народов» заслуживающими чтения. По крайней мере — некоторые из этих страниц. Том Палмер не ошибался насчет того, что корпеть над настоящим, вдумчивым прочтением этой книги — титанический труд. Не все из смитовских отступлений посвящены оперным певцам н танцовщикам, скачущим под музыку Монтеверди. Есть, например, шестидесятисемистраничный пассаж о колебаниях стоимости серебра в течение последних четырех веков — призванный разрушить миф о том, что каждый товар имеет определенную фиксированную стоимость. Но для тех, кто не заинтересован в историографии валют, это все равно что читать «Вестник садовода и огородника» на языке урду.

Еще одной причиной, побудившей Смита написать столь объемный труд, могло быть желание опубликовать все плоды его многолетних размышлений: к моменту окончания работы над

«Богатством народов» ему было уже пятьдесят три, и он не был уверен, что здоровье позволит ему написать другую книгу. И он действительно не написал другой. Том Палмер назвал это «эффектом лавины — он накопил критическую массу идей и при первом же шансе обрушил все».

Восемнадцатый век был временем, когда ценилась ясность выражения мысли — передышкой между напыщенным пафосом предшествующей эпохи и романтической чепухой последующей. Но стиль эпохи Просвещения, несмотря на ясность был весьма пространным: отклонение от темы, если оно было не лишено своего смысла, не считалось недостатком сочинения. И неторопливое чтение считалось одним из приятнейших способов проведения досуга. Да, что ж поделать, в 1700-х надо было как-то выживать без телика.

Эдмунд Берк, который сам мог запросто вставлять размышления любого рода в свои сочинения, в письме Адаму Смиту как-то отметил: «В некоторых местах вы рассуждаете над теми же вопросами, что и господин Локк, разве что в гораздо более пространном изложении. Как бы то ни было, я вменяю это исключительно щедрости вашего стиля выражения, который несомненно более предпочтителен, чем сухая, стерильная манера, к которой так склонны сторонники скучного педантизма».

Общее образование было сравнительно новой вещью во времена Смита, а уж сухая стерильная манера современных учебников по экономике и подавно не была изобретена. Стиль печатного слова был более близок разговорной речи. И речи, даже ученые, были по-прежнему источником развлечения. Сегодня ни один уважаемый ресторанный критик не Дал бы дополнительную звезду заведению, которое накрывает обед из пяти блюд за двадцать минут. По этой же причине, в восемнадцатом веке одаренных красноречием — в том числе и писателей — не жаловали за краткость. Краткость — блистательная черта остроумной шутки, но «Богатство народов» не было шуткой. Да и вообще, любовь к краткости — недавняя мода.

Смит имел богатый опыт выступлений на публике. Он начинал свою карьеру с прилично оплачиваемых лекций для заинтересованных в «интеллектуальном совершенствовании». В течение тринадцати лет он преподавал в университете Глазго в чине профессора, сначала логику, потом философию морали. Чтение лекций было его основной деятельностью. В 1760-х метод преподавания серьезно отличался от современного — забросить в аудиторию пару-тройку «сложных философских вопросов», и потом сидеть сложа руки, радоваться спровоцированной дискуссии и говорить: «Мои студенты научили меня большему,

чем я научил их». Смит придерживался более традиционных, формализованных методов: я знаю, о чем говорю, о чем говорил и о чем буду говорить.

По свидетельству одного из его учеников, Джона Миллара, также впоследствии ставшего преподавателем в Глазго, манера Смита была «ясной, доходчивой, и бесстрастной… по ходу углубления в тему, он оживлялся, будто оттаивал, и его речь лилась, как быстрый, легкий поток». Как мы сегодня сказали бы, он позволял себе выговориться. Те прочитанные в Глазго лекции сохранились только в воспоминаниях и двух неполных тетрадях студенческих конспектов. Но есть другое свидетельстве тому, что многие идеи, изложенные впоследствии в «Богатстве народов» он формулировал в свои> лекциях: частные беседы с коллегами. Один из друзей Смита вспоминал: «Часто, уже после получаса нашей беседы, я восклицал: “Сэр, вы наговорили на целую книгу!». Так что местами текст Смит? мог бы произвести впечатление, что читаешь мате риалы из архива прослушки ФБР, если б не глубин; мыслей и отсутствие нецензурных выражений.

«Наговорил на целую книгу» — подходящий комментарий еще и потому, что Смит, вероятнее всего, не писал, а диктовал. Он жаловался, что не любит писать от руки: немногочисленные записки и запоздалые ответы на письма — тому свидетельство. Естественное многословие, присущее устной речи, сделало «Богатство» длиннее, чем оно могло бы быть, но нам не следует жаловаться. Большинство писателей склонны слишком много говорить, и, к сожалению, многие растрачивают свой талант на пустую болтовню вместо сочинений. Талант Смита отражен во всем блеске на страницах его работы, в противоположность, скажем, критику Сэмюэлу Джонсону, чьи сочинения довольно скучны и невзрачны, а самые блистательные высказывания стали известны только благодаря подхалиму Босуэллу, который в течение многих лет с обожанием записывал беседы доктора Джонсона, слышанные за день в клубе или при частных встречах.

В защиту смитовского многословия можно привести и то, что он стремился уточнять и пояснять каждую свою мысль, чтобы добиться желаемого оттенка смысла и не допустить разночтений. Ведь предметом исследования Смита была конкретная, окружающая нас реальность, а не какие-нибудь старческие бредни о прихотях скучающих богачей. Кроме того, он умел строить свои длинные речи из коротких предложений, и где он ставил точку — там ищи законченную смысловую формулировку. Вот пример из упомянутого выше пассажа о серебре:

«Труд — всегда нужно помнить об этом — является реальной ценой, уплаченной за все предметы. Не на золото или серебро, а

только на труд первоначально были приобретены все богатства мира».

Можно сократить эту цитату до «труд… является реальной ценой… предметов». И тогда мы поймем, что «…», возможно, и есть та самая изюминка, которая делает эту цитату столь проницательной. И возможно даже, именно такого рода проницательные обороты «Богатства народов» разожгли пламя из искры помыслов Карла Маркса. Читая Смита в оригинале, несложно заметить, что марксистская «теория стоимости труда» была не таким уж великим открытием. Тот же аргумент о зерне — Смит приводит его через триста страниц: «Реальная стоимость всех прочих товаров окончательно определяется… средней денежной стоимостью зерна». Тем самым Смит заключает, что работа, переведенная на единицы хлеба насущного, представляет собой практический индекс для определения того, насколько значимы для нас прочие вещи по сравнению с хлебом. Каждому в жизни приходится принимать решения типа постричь ли газон самому или заплатить за это соседскому мальчику, принимая во внимание вероятность того, что он может запросто наехать себе на ногу газонокосилкой, и его родители подадут на вас в суд, и тогда вам придется искать вторую работу, чтобы оплачивать адвоката. По сути, марксизм предлагает нам то, что никто не будет делать, если у него есть выбор — и все промарксистские режимы в конце концов испытали это на практике.

Труд, затрачиваемый на прилежное чтение «Богатства народов», достойно возмещается почерпнутыми светлыми мыслями. И внимательный читатель может обнаружить здесь еще одну ценность — то, чего меньше всего ожидаешь, читая экономические или любые другие академические тексты — смитовское чувство юмора. Вот пример, в — котором Адам Смит опровергает мнение о том, что народ должен избегать импорта товаров, предназначенных для потребления, и вместо этого делать вложения в золотые и серебряные деньги, потому что деньги — прочная и надежная ценность:

«Ничто, следовательно, как принято полагать, не может быть более невыгодным для любой страны, чем торговля, состоящая в обмене предметов длительного пользования на то, что иссякает в потреблении быстро. Но мы, как бы то ни было, не считаем, что торговля невыгодна, если она состоит в обмене производственного оборудования Англии на вина Франции; а производственное оборудование — предмет пользования весьма и весьма длительного, и как мы видим, если бы не постоянный вывоз этого оборудования из страны, то за все года его использования в совокупности в стране наблюдался бы

невероятный прирост котелков и сковородок».

Что «Богатство народов» возмещает не всегда, так это труд, с которым приходиться преодолевать пассажи, в которых Смит пытался сформировать само поле своих рассуждений. Особенно там, где Смит, одинокий первопроходец, предпринимает первые шаги в возделывании девственных прерий эконометрики. В восемнадцатом веке не было такой вещи, как надежные статистические данные.

Чтобы подтвердить свои теории конкретными числами, Смиту приходилось скрупулезно самому собирать необходимую информацию и проверять ее достоверность, приводить многочисленные примеры и сравнения. И мы должны следовать за ним сквозь все эти дебри и смиренно внимать букве текста даже там, где Смит, как самый занудный в мире бакалейщик, застревает на развешивании всех этих оливок, мяса, хлеба, процентов и т. д.

Смиту даже приходилось проводить графический анализ данных без, как это ни удивительно, самих графиков. В виде графиков, наглядно, статистические данные впервые представил шотландский коллега Смита, Вильям Плейфэйр, в 1786 году, уже после того, кау Смит внес в «Богатство народов» последние исправления и дополнения. На самом деле, Смит знал Плейфэйра лично как младшего брата своего близкого друга. Но увы, один гений не распознал другого. Точнее, они оба не распознали друг друга. Джереми Бентам как-то сказал об экономике Плейфэйра: «Девять десятых из этого — сомнительного качества предписания». Возможно, Плейфэйр как мыслитель не имел достаточной прозорливости, но все-таки жаль, что Смит не обратил внимания на изобретение младшего коллеги. Тогда сотни страниц «Богатства народов», которые читатели просматривают по диагонали, можно было бы сократить до нескольких, которые читатели могли бы просто пропускать.

Помимо графиков, была еще одна вещь, неведомая Смиту: жаргон. В те годы экономическая наука была еще слишком молода, чтобы создать свою «феню», или как принято теперь выражаться, «профессиональный сленг». И если местами Смит изъясняется в пространных и малопонятных выражениях, то это потому, что его времени была недоступна роскошь кратких, отточенных и обкатанных терминов, которые сегодня привычно используют, когда речь идет о вещах, действительно сложных для понимания (возможно, включая и те случаи, когда сам автор не понимает, о чем говорит). Смит был вынужден разъяснять и пояснять свою мысль снова и снова, пока предмет (как и читательское терпение) не будет исчерпан.

Как бы то ни было, эта книга должна была быть длинной. Того требовала сама эпоха. Будь я мультипликатором, я бы изобразил Просвещение как великий момент в интеллектуальной истории, когда у людей, таких как Адам Смит, над головами загорались лампочки — ну, разве что тогда еще не было электрических лампочек… Так или иначе, они поняли, что физический мир не был окутан непроницаемой и темной пеленой божественной тайны, постигаемой лишь в святейших медитациях. Другими словами, они поняли, что нельзя исследовать вещи, не исследуя их. Что если осветить естественные механизмы лучиками наблюдения и мысли, можно понять, как они работают. Вселенная поддавалась объяснению. И мыслители Просвещения видели своей наиглавнейшей жизненной задачей объяснить ее.

А объяснять необъяснимый и загадочный мир — задача не из легких. Возьмем в качестве иллюстрации два примера смитовских объяснений, о которых уже упоминалось выше: 1) что деньги не Имеют объективной ценности; 2) что деньги — это понятие, имеющее субъективную ценность: если один человек меняется чем-либо с другим, значит, это выгодно им обоим. Растолковывая все это, автор вовсе не держит нас за идиотов. Но вот каждый современный директор компании изо всех сил пытается объяснить и внушить нам первое, и когда мы хотим взять новую машину в зачет старой, каждый менеджер по продаже автомобилей пытается убедить нас во втором.

Все объяснения начинаются кратко. Но потом Смит начинает впутывать нас в бесконечные пояснения, уводит в пугающей длины интеллектуальные лабиринты, и нам ничего не остается, кроме как надеяться, что он выведет нас к светлому и вожделенному сокровищу понимания сути дела.

Вообще, все объяснения начинаются кратко, за исключением объяснений для суда. И «Богатство народов» можно назвать таким документом судебного разбирательства. Можно даже сказать, что Адам Смит составил девятисотстраничный иск. Иск против политики меркантилизма. Меркантилизм был основной экономической стратегией того времени, если можно назвать «стратегией» действия, мотивированные преимущественно сиюминутной выгодой. Фактически он заключался в наборе директив относительно торговли, торговых пошлин, выгодных для власти налоговых сборов в сочетании с общим непониманием сущности наличных денег, движения капиталов и финансов государства. Меркантилисты полагали, что наилучший способ обогащения нации — это увеличение экспорта и ограничение импорта товаров. Смит же пытался втолковать им, в предельно краткой формулировке, что импорт — это как рождественское

утро, а экспорт — как январский счет, счисляемый с банковской карты.

В иске «Богатства народов» обвиняемыми были все власть имущие, политики и богатые торговцы. А также присяжные, судьи, чиновники и сам суд. Но, как ни удивительно, меркантилисты не бросились составлять оправдательные речи. Уильям Питт-младший, состоявший в чине премьер-министра в течение последних лет жизни Смита, принял во внимание свидетельства против и инициировал некоторые реформы, предложенные в «Богатстве». А вот Александр Гамильтон, главный строитель системы американского протекционизма, этого не сделал. И сегодня, больше двух веков спустя — когда неомеркантилисты правят Китаем, противники глобализации добились повсеместного признания на Земле, и камень брошен в огород всемирной кофейной компании '»«Старбакс», потому что они не стимулируют «устойчивое развитие» производителей кофейных зерен, — беспристрастные судьи все еще отсутствуют.

А тем временем нетленная работа Смита продолжает свидетельствовать. «Богатство народов» — больше чем объяснение, анализ или набор аргументов. Это проповедь. Смит знаменит своей благосклонностью к политике невмешательства властей в торговлю и якобы полным доверием «невидимой руке» капиталистического прогресса. Но он знал, что эта рука может крепко зажать в кулак: «Люди, торгующие одними и теми же товарами, редко встречаются друг с другом… но если они встречаются, это, как правило, заканчивается заговором против общественности».

Смит понимал, что никакая налаженная, процветающая и ориентированная на потребителя экономика не может изменить человеческую натуру: «Присущая человеку гордыня заставляет его стремиться к превосходству во всем, и ничто не оскорбляет его так, как вынужденность снисходить со своими нуждами к нижестоящим». Признайтесь честно, что мы испытываем подобные чувства каждый раз, когда просим оплатить наши услуги или товары.

Смит верил в то, что свободный рынок может сделать мир лучше. В одной из бумаг, адресованной научному сообществу, Смит писал, что для прогресса требуется «не намного больше… чем мирная жизнь, необременительные налоги и терпимость представителей правосудия». Но эти три условия — как тогда, так и сейчас — по-прежнему остаются самыми недостижимыми в мире вещами.

Смит проповедовал против неизбежного давления власти и привилегий власть имущих, которые везде и всегда, где только

возможно, будут дорываться до наших заработков. «Исследование о природе и причинах богатства народов» возвело прочные стены в защиту свободы и честного предпринимательства. А стены могут быть по праву названы прочными только по прошествии веков… Ведь никто еще не изобрел такие стены, которые способны изменить несгибаемое намерение крыши обрушиться нам на голову.

Глава 3. «ТЕОРИЯ НРАВСТВЕННЫХ ЧУВСТВ», В КОТОРОЙ АДАМ СМИТ ПРЕДПРИНЯЛ ПОПЫТКУ РАСЧИСТИТЬ АВГИЕВЫ КОНЮШНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

У этой серии — «Книги, изменившие мир» — есть альтернативный, ненапечатанный подзаголовок: «Книги, которые, давайте признаем, вы никогда не прочтете целиком». Уильям Кристол, издатель «Уикли стандарт» и человек гораздо более эрудированный, чем я, говоря о таких бессмертных произведениях, пользуется очень хорошим выражением: «Я читал в них». К счастью, мы можем прочитать кое-что в «Богатстве народов». Первую же книгу Адама Смита мы, к несчастью, не читаем вовсе. Но «Богатство» нельзя понять по-настоящему, не вникнув прежде в смысл «Теории нравственных чувств», опубликованной в 1759 году.

Адам Смит посвятил большую часть своей карьеры единственному философскому проекту — Улучшению жизни. Современный читатель, вероятно, не устоит перед искушением саркастически рассмеяться… если только он не носит обувь марки Биркеншток. На самом деле, это сумасшедший труд. Однако многие из нас взялись за не менее сумасшедший труд по воспитанию детей. Почему? Ну, вероятно к этому нелегкому предприятию нас склонили, если можно так выразиться, радости зачатия. Вообще, многие затеи начинаются «на ура». И у Смита, если опять же можно так выразиться, был интеллектуальный роман с девственной идеей улучшения. Проект всестороннего усовершенствования повседневной жизни так же очаровывал умы восемнадцатого столетия, как сегодняшние предложения сделать жизнь проще и заблокировать рассылки спама на электронную почту.

Смит руководствовался намерением понять и показать другим, каким образом созидаются нравственные, экономические и правительственные системы, и как, через понимание принципов работы этих систем, люди могут улучшить этические, материальные и политические условия жизни. (Вот уж, казалось бы, роскошный повод поразглагольствовать… Представьте себе, что могут наговорить по данному вопросу современные мыслители — такие, как Герберт Маркузе, Ньют Гингрич, или Эл

Франкен.) К счастью, Смит обладал талантом излагать глубокие мысли, не внушая читателю непреодолимую неприязнь. Его секрет, надо полагать, заключался в том, что, будучи убежденным идеалистом, он никогда не пересекал ту тонкую грань, которая разделяет идеализм и склонность к тону прорицающего мечтателя. Слит не претендовал на создание «учебника для общества». Он понимал, и хотел, «чтобы другие тоже поняли: если общество строят невежественные и некомпетентные граждане, им не поможет никакой учебник. «В действительности, — писал он в “Богатстве народов”, — ожидать, что свободная торговля будет полностью восстановлена в Великобритании, также абсурдно, как ожидать, что там будет основана Океания или Утопия».

Эти образы, созданные еще до эпохи Просвещения, и приведенные Смитом в качестве примера абсурда, оказались, как как мы знаем из истории, слишком провидческими… Утопия — это выдуманный в шестнадцатом веке Томасом Мором остров, где люди жили одной коммуной, с общим имуществом; название Утопия — это игра слов: на древнегреческом eutopos означает «хорошее место», а outopos — «несуществующее место». Океания — такая же вымышленная страна, плод фантазии Джеймса Харрингтона, жившего столетием позже, и раздумывавшего над вопросами еще более маловероятной социальной политики, при которой богатым фермерам будет отказано в дотациях на вельское хозяйство и введены строгие ограничения уроков выработки. Одиннадцатое издание Британской энциклопедии называет книгу Харрингтона «безнадежно скучной».

Сочинения же Адама Смита вовсе не безнадежны. В книге третьей «Богатства народов» есть двадцатистраничный пассаж, посвященный законам о зерне, читать который, честно говоря, непростое испытание. Но под конец внимание заскучавшего не на шутку читателя захватывает то, с каким Неожиданным смирением и спокойствием Смит Постулирует свой идеал. Он методически доказал, что британские законы о зерне, а именно запреты на его вывоз, были грубейшей ошибкой и несправедливостью (и я имею полное право подтвердить это — потому что семьюдесятью годами позже последствия этих законов заставили мою голодающую семью эмигрировать из Роскоммона). И после этого Смит не продолжает свою речь гневными обвинениями, как можно было бы ожидать от человека, доказавшего свою правоту. Вместо этого, он приходит к спокойному заключению: «Мы могли бы сказать о них то же, что было сказано о законах Солона, — что возможно, они не самые лучшие, но они лучшие из того, что интересы, предрассудки и нравы этого времени были способны принять».

Не будь этого смирения, чтение философского проекта Адама Смита было бы таким же мрачным предприятием, как жизнь в реалиях философского проекта Ким Джонг Ила — Северной Корее. Здравый подход Смита простирался на все его идеалы и идеи, на отношение к другим и к самому себе. В одном из своих ранних эссе, «История астрономии», Смит писал, что он «пытается представить все философские учения как плоды работы творческого воображения, стремящегося привести к единству разрозненные и беспорядочные явления природы». Он критиковал себя за то, что слишком во многом соглашается с физикой сэра Исаака Ньютона, «используя язык, выражающий ее [физики] связующие принципы… как если бы они были реальными взаимосвязями, которыми пользуется сама Природа, чтобы привести в соответствие различные свои движения». Чтобы по-настоящему осознать, насколько Смит был прав, человечеству пришлось ждать прихода Эйншейна.

Адам Смит намеревался опубликовать три «плода творческого воображения»: «Теорию нравственных чувств», «Богатство народов», и третью книгу, посвященную юриспруденции, в частности, такой творчески вымышленной и воображаемой связи, как связь закона и управления (Государством. Этому последнему проекту так и не суждено было реализоваться — перед самой смертью Смита, черновики и рабочие заметки сгорели. Кто знает, возможно тому была своя причина… Многие идеи Смита о законах и государственном управлении довольно ясно изложены в «Нравственных чувствах» и «Богатстве». И в студенческих записях лекций по юриспруденции, которые он читал в 1760-х, вы не обнаружите почти ничего нового относительно идей, уже высказанных Смитом в своих книгах. Что ж, положимся на его мудрость, превосходящую нашу. Как говорится, от добра добра не ищут. Книга о законах и государстве — это, как ни крути, политическое сочинение. А политические сочинения, как нам небезызвестно, оборачиваются для народа, в самом лучшем случае, выслушиванием предвыборных речей, Наборами на проведение кампаний и обязанностью голосовать за дураков, — да и от этого, пожалуйста, увольте. Как заявил сам Смит в «Теории нравственных чувств», — «чтобы следовать всем законам справедливости, нам часто достаточно просто сидеть и ничего не делать».

В соответствии с «Теорией», наше чувство справедливости возникает, можно сказать, из такого ничегонеделания. Потому что нравственность — самое первое и самое главное порождение человеческого разума.

Смит начинает «Нравственные чувства» с размышления о

загадке, лежащей в самой основе стремления к благоденствию: «Какую бы степень эгоизма мы ни предположили в человеке, природе его, очевидно, свойственно участие к тому, что случается с другими, участие, вследствие которого счастье их необходимо для него, даже если бы оно состояло только в удовольствии быть его свидетелем». Как полагает Смит, источник этого участия — симпатия. Он использует это слово в наиболее общем смысле — как сочувствие, общность, взаимное понимание. Мы — симпатизирующие существа. Мы все обладаем этим чувством, которое даже самые убежденные циники не смогут причислить к разновидностям боязни или скупости. И это не любовь. Ведь кто-то может любить и без всяких дружеских чувств, как например, Джон Хинкли, который «доказал» свою любовь к Джоди Фостер.

Такого рода симпатия дает нам способность и даже желание разделять чувства людей, которые, возможно, вообще не способны любить. Мы все равно сопричастны их чувствам, плохим или хорошим. Как в тех самых ток-шоу на телевидении, мы сопереживаем незнакомым нам людям и персонажам. И даже самые обыкновенные вещи приносят нам больше удовольствия, если кто-то разделяет наши чувства. Как писал Смит, «даже самая заурядная шутка кажется нам более смешной, если кто-то из наших друзей смеется над ней громче или дольше, чем, по нашему мнению, она того заслуживает».

Эта симпатия, как говорит Смит, полностью создана воображением, и не имеет ничего общего, как большинство наших эмоций, с производными нашего чувственного опыта. Ведь мы не чувствуем в полной мере ту боль, которую переживает другой, какой бы сильной она ни была. «Наши чувственные ощущения, — пишет Смит, — не способны перенести нас за пределы собственной персоны». Воображение порождает симпатию и дает этому чувству силу.

Люди обладают творческим талантом ставить себя на место другого, представляя, что чувствует другой. Этот талант присущ даже очень поверхностным и легкомысленным людям. Тем, которых мы называем актерами.

Но эта симпатия — ни для кого, ни для людей, ни для животных, ни для Клинтонов — не может быть основанием нравственности. В противном случае, мы бы считали святым любого, кто просто смотрит телик днями напролет. «Он не должен удовлетворяться бездеятельной, пассивной благожелательностью, — пишет Смит, — и при этом воображать себя покровителем человечества просто потому, что он сердечно желает процветания всему миру».

Воображение, способное дать нам представление о том, что

чувствуют другие люди, должно быть Способным на большее: дать нам представление, правы или неправы эти люди в своих чувствах. И тут возникает проблема обоснования собственной правоты. Ибо, так или иначе, симпатии к себе у нас всегда более чем достаточно. Мы склонны приписывать другим различные недостатки, но как пишет Смит, «мы не готовы подозревать кого-либо в недостатке самолюбия… И это, без сомнения, является слабой чертой человеческой природы». Нравственность не может быть просто набором благих пожеланий, или сводом указаний «как надо».

Наше воображение должно взять на себя дополнительную задачу — создать метод, по которому мы можем оценивать с точки зрения справедливости как собственные чувства и поступки, так и чувства и поступки других. Адам Смит дал этому внутреннему моральному судье особое имя — «Беспристрастный Наблюдатель». Возможно, этот термин был аллюзией на популярный в начале восемнадцатого века публицистический журнал Джозефа Аддисона и Ричарда Стила «Наблюдатель», название которого намекало на то, что речь в нем ведется от лица некоего «Г-на Наблюдателя», стоящего в стороне от «активной общественной жизни». На самом-то деле, это было как если бы сегодня о своей непричастности к общественным делам заявила Опра Уинфри. Так же, похоже, и «Наблюдатель» Смита — выступает в качестве рефери на внутреннем ток-шоу. Конечно, Смиту было далеко до современных медиа-технологий, но, к счастью, и медиа не зашли настолько далеко в следовании принципам разделения труда, чтобы взять на себя производственный процесс нашего воображения.

Если бы Беспристрастный Наблюдатель Адама Смита выпускал ток-шоу, они, конечно, были бы посвящены вопросам посерьезней: типа «Сегодня в программе: философы-утилитаристы выступают в защиту христианской любви!» Впрочем, что-то подобное есть на общественном телевидении, и «Теорию нравственных чувств» можно было бы сравнить с такими программами, но только при условии, что их ведущий должен обладать не меньшим интеллектом, чем Зигмунд Фрейд.

Да-да, именно так. Ибо, помимо всего прочего, Смит описал принципы действия супер-эго задолго до Фрейда, и его описание настолько же более утонченно, насколько и более проницательно. И к тому же, Смит обошелся без забавных кличек, которые подходят разве что героям комиксов. Более того, он связал деятельность сознания со свойствами более благородными и разумными, чем то, что заставляет пуделя забираться на вашу ногу.

Итак, мы представляем Беспристрастного Наблюдателя в качестве субъекта, обладающего полным знанием о сути намерений, переживаний и обстоятельств каждого. И раз сам Наблюдатель является произведением воображения, он не обладает индивидуальностью и не имеет собственных эгоистических интересов, которые могли бы повлиять на его суждения. Смит полагал, что когда в нашем сознании формируются нравственные нормы, мы соотносим наши естественные симпатии с мыслями и действиями, которые могли бы ожидать от Беспристрастного Наблюдателя, который так же не чужд симпатий (в смитовском смысле), но тем не менее объективен и всезнающ.

«Если наши пассивные, естественные чувства почти всегда такие низменные и корыстные, то как же получается, — спрашивает Смит, — что наши активные принципы ориентированы на благородство и щедрость?» Причина тому — «Тот, кто обитает у нас в груди… великий судья и арбитр нашего поведения». Взгляд на вещи с точки зрения Беспристрастного Наблюдателя указывает нам, что мы должны научиться контролировать свои чувства и поведение. Всякий, кто хоть раз видел, как ведут себя маленькие дети или пьяные, без труда поймет, о чем тут идет речь. А что касается их самих — то первые просто еще не получили, а вторые временно забыли указания своего внутреннего судьи.

Спасибо нашей воображаемой симпатии, что мы счастливы, когда счастливы другие, и грустим, когда грустят наши близкие, надеясь, что это взаимно. Но сопереживать порой бывает очень тяжело. Мы должны подстрекать и всячески настраивать наше воображение, чтобы поставить себя на место кого-то, чьи переживания в данной ситуации мы не понимаем и не разделяем — и скорбеть вместе с другом о смерти его старого, глупого и прыгавшего у нас на ноге пуделя. И наоборот — мы должны контролировать наши собственные эмоции, когда другие не чувствуют в того, что чувствуем мы — и вежливо смеяться, сев прямо в последнюю, прощальную какашку, которую пудель хитро подложил на кресло в гостиной.

Как считал Адам Смит, «мудрый и добродетельный человек» с помощью воображения создает «идею должного и безупречного». Эта идея «шаг за шагом формируется в его сознании из наблюдений за характером и поведением — как собственными, так и других людей. Это медленная, постепенная, и прогрессирующая работа великого внутреннего кумира». Если бы, как писал Смит, Беспристрастный Наблюдатель не был способен научить нас «защищать слабых, усмирять жестоких, и карать

преступников», то тогда «человек входил бы в собрание, как в клетку с львами». Или детишками. Или пьяными. Или в студию ток-шоу.

То, что Смит определил главенствующую роль воображения в формировании нравственных чувств, раскрывает несколько аспектов нравственности.

Нравственность возникает как результат определенных усилий. Нравственность не заключается в наборе правил поведения, и никакие эзотерические тексты сами по себе не могут сделать вас высоконравственным человеком. Даже если вы прочли всю Библию и можете пересказать ее страница за страницей, это еще не значит, что вы способны на моральные поступки. Смит отметил: «В десяти заповедях нам наказано почитать отца и мать. А вот о любви к детям ничего не сказано». Бог не указал на это, потому что он вовсе не считает нас полными идиотами, лишенными воображения. Симпатия к собственным детям разумеется сама собой. К родителям, вроде бы, тоже, но… кстати, ты навещал маму в субботу? Или на этой неделе была моя очередь?

Воображать — это труд. Воображение, которое описывает Адам Смит, это совсем не одно и то же со способностью, которую мы имеем в виду, называя фантазерами столь симпатичных нам детей. В «Теории нравственных чувств» вовсе нет ничего такого, что напоминало бы фиолетовых в горошек и неплотоядных тиранозавров на детском телевидении. И если следовать такому воображению и петь хором «Дино будет твоим другом, ты в него только Поверь», то вероятно, в лучшем случае получится такой же бред, как в упомянутой уже Океании. Говорят, что Ким Джонг Ил — большой поклонник кино и анимации, и вероятно, ведет свою фантазийную, волшебную жизнь в компании большой коллекции дисков с фильмами.

Воображение Смита — активное, требующее усилий и дисциплины, то, что позволило раскрыть талант таким людям как Эйнштейн или Ньютон. «Власть над собой — не только большая добродетель сама по себе, но и все другие добродетели, похоже, сияют ярче в ее свете», — пишет Смит. И добавляет: «Но в обыденной морали добродетели нет. Добродетель — это совершенство».

Концепция созидающего воображения — общая идея, связывающая симпатию «Теории нравственных чувств» с материальным сотрудничеством «Богатства народов». Разделение труда и ведение торговли требует от воображения не меньших усилий. Симпатия и сотрудничество — две стороны, менее и более сознательная, того единого целого, что позволяет

цивилизации существовать. Они являются «естественными принципами», которые «заставляют человека проявлять участие к судьбам других».

Смит видел нравственный потенциал в обоих случаях — и когда мы проявляем участие к судьбе другого, и когда преследуем собственный интерес. Когда мы дарим кому-нибудь бутылку виски, мы знаем, что выгоду от этого получил не только одаренный нами, но обязательно и кто-то еще. И даже если мы выпиваем эту бутылку в гордом одиночестве, все равно кому-то это выгодно — как минимум, производителю и владельцу магазина. И когда на следующий день мы чувствуем себя довольно разрозненно и беспорядочно, мы не осознаем этого, пока не заставим себя включить «творческое, созидающее воображение, стремящееся привести к единству разрозненные и беспорядочные явления природы». Вот этот механизм ненамеренного принесения выгоды Смит и имел в виду, когда говорил о «невидимой руке». Между прочим, впервые это понятие появилось не в «Богатстве», а именно в «Теории нравственных чувств».

И если мы не выполняем ту сложную работу. Которой требует от нас симпатическое воображение, мы оставляем себя произвол того, что Смит называл «самым омерзительным и самым ужасным из всех положений, — полную неразличимость чести и позора, порока и добродетели». Негодяи кажутся чрезвычайно изобретательными только чрезмерно скучающим обывателям. Бесспорно, корпоративные скандалы последних лет могут казаться результатом хитроумного замысла и коварных планов малого гения. Но когда все метаморфозы со счетами и финансами всплывают на поверхность из загадочных глубин — обнаруживается весьма прозаичная Картина — просто-напросто чья-то лапа на кассе.

Полицейские, прокуроры, бармены, родители — в общем, все, кому пришлось повидать немало дурных дел, могут, я уверен, присоединиться во мнении к характеристике, которую Ханна Арендт дала преступлениям Адольфа Эйхмана: «банальность зла». Банальность — основа криминального» Мышления, будь то мелкие воришки или нацисты высшего эшелона.

Считать «Богатство народов» оправданием Аморальной алчности — большая ошибка. «Богатство» выстроено на фундаменте разработанной этической теории, что в высшей степени разумно и справедливо, и по замыслу Смита, предложенные в нем идеи должны были стать следующим шагом на пути улучшения жизни. В «Теории нравственных чувств» Смит приводит такой комментарий: «Возлюби ближнего как самого

себя — великий закон христианского мира». Заметьте, между процитированными словами Библии и работой Смита есть определенная симметрия: «Теория нравственных чувств» посвящена любви к ближнему, а «Богатство народов» — второй половинке этого уравнения, любви к себе.

Вам кажется странным, что священная мудрость учит заботе о себе? Но даже мысля строго логически, мы придем к выводу, что это необходимо. В «Теории» Смит настаивал, перефразируя Зенона, что каждый из нас «во имя общего блага в первую очередь обязан позаботиться о своем благополучии» и поэтому «наделен свойством любить себя». Если я буду нищим, босым, голодным и ненавидящим себя — какая от меня польза ближнему? В «Богатстве» Смит утверждал, что для того, чтобы иметь возможность заботиться о себе, нам прежде всего необходима свобода. «Теория нравственных чувств» показывает, как воображение позволяет нам заботиться о других людях. «Богатство народов» показывает, как воображение позволяет нам добыть насущный хлеб и позаботиться, чтоб на нем было масло.

Наша одаренность воображением может свидетельствовать о сказанном в Библии (Бытие 1:26): «И создал Бог человека по образу своему». Речь здесь явно идет не о внешности. Возможно, способность к творческому воображению является единственным сущностным свойством, отличающим человека. Животные определяют с помощью чувств все то же, что и человек, и даже больше. Возможно, животных занимают те же самые мысли что и нас (по крайней мере с девяти до пяти: когда ланч?) Животные могут любить. Ибо всем известно, что импульс, подобный боли, пронзающей влюбленное сердце, проходит и через сердце амебы — или что там есть у одноклеточных — в момент, предшествующий делению. Но животные, чье полное безразличие к пороку и добродетели более чем очевидно, когда пудель запрыгивает в порыве страсти на вашу ногу, не могут нравственно симпатизировать. Только люди обладают моралью. И животные не способны к сотрудничеству, достаточному д ля построения цивилизации. Если только муравейник не соответствует вашему представлению об Акрополе. «Никто, — писал Адам Смит в “Богатстве”, — никогда не видел собаку, совершающую честный и свободный обмен костью с другой собакой».

Смит не думал, что все люди добры по своей природе, так же точно как не думал, что все люди по природе богаты. Но он был убежден, что мы способны достичь и того и другого, если обладаем достаточной свободой для приложения усилий. Прочитанные вместе, «Теория нравственных чувств» и «Богатство народов» могут стать замечательным руководством по

организации — если не общества, то по крайней мере собственной жизненной стратегии.

Смит никогда не претендовал на то, что его философский проект будет истиной в последней инстанции. В примечаниях к первой части «Теории» Смит подчеркнул, что «данное исследование не касается вопросов истинности, если можно так Выразиться, но касается жизненных фактов». Смит хотел показать, в той мере в какой было способно его творческое воображение, только то, что он называл «планом и системой, зарисовки которых создала природа». Однако похоже, что по проекту Адама Смита работает инженерия самого Святого Духа.

Глава 4. «БОГАТСТВО НАРОДОВ», КНИГА I КАК ЦЕННОСТЬ СВОБОДЫ ДЕЛАЕТ ЛУЧШЕЕ В ЖИЗНИ БЕСПЛАТНЫМ

Принимая во внимание необъятность смитовской мысли и его склонность к отступлениям, можно удивиться тому, насколько «Богатство народов» хорошо структурировано. Смит разделил «Богатство» на пять книг. Он знакомит нас со своими экономическими идеями в книгах первой и второй. Книга первая посвящена вопросам производства и распределения, а вторая рассматривает капитал и прибыль. Книга третья — это экономическая история Западной Европы, показывающая различные аспекты производства, распределения, капитала и прибыли в их развитии и становлении, и как их эволюция вызвала, если можно так сказать, глобальное потепление в климате повседневной жизни. Книга четвертая — опровержение других экономических идей, и в частности — детально разработанное, последовательное и неумолимое опровержение меркантилизма. И, наконец, в книге пятой Смит предпринял попытку непосредственно предложить государственному руководству решения некоторых проблем. Но… что поделать — раз государственное руководство только и кормиться нерешенными проблемами (а как же иначе ему оправдать свое существование?), то вопрос об их действительном решении на повестке дня, очевидно, не стоит. Возможно, по этой, а возможно и по другим причинам, книга пятая организована весьма непоследовательно.

Необходимо еще раз отметить, что Адам Смит не был создателем той дисциплины, которую он обосновал в своих книгах. То, что мы называем экономикой, было изобретением Франсуа Киснея и французских физиократов, с которыми Смит был прекрасно знаком. Физиократы, однако, здорово перемудрили, и ничего хорошего из этой путаницы не вышло. Кисней, который был медиком при дворе Луи XV, нарисовал наиподробнейшую экономическую таблицу — невообразимую зигзагообразную схему с тысячей пометок, похожую то ли на кроссворд, то ли на доску для игры в нарды. Возможно, эта таблица и отвратила Смита от создания каких бы то ни было графиков и схем. Предполагалось, что эта таблица должна показывать, каким образом сельское хозяйство является источником всего экономического прогресса, почему торговля и промышленность никому не приносят пользы и как все — от

камзолов до гвоздей — в действительности растет на фермах. Раз еда является основой жизнедеятельности, значит, сельское хозяйство должно быть основой мироздания — в таком духе учили физиократы.

Для Киснея и его придворных коллег мотивом проведения экономических исследований было, вероятно, нечто среднее между желанием воскликнуть «Да здравствует Франция!» и необходимостью скоротать время, ожидая пока королевским особам понадобятся оздоровительные процедуры. Адам Смит же задал экономической науке смысл и цель существования. Когда Смит проводил свое исследование, перед ним стояла конкретная, существенно важная задача — принести материальную пользу всему человечеству, а отнюдь не самому себе.

«Богатство народов», книга 1

Смит назвал книгу первую «Причины увеличения производительности труда и порядок, в соответствии с которым его продукт естественным образом распределяется между различными классами народа», и на его удачу среди этого народа не оказалось издателя современного типа, который непременно бы это заглавие обрезал. Смит начал с постановки двух основополагающих вопросов: как богатство производится и как оно распределяется? И на пространстве двухсот пятидесяти страниц он развернул объяснение основополагающим ответам: при помощи разделения труда и несования носа не в свое дело. А как бы между прочим, Смиту удалось ответить на еще более сложные вопросы — почему все равны, и почему мы обладаем правами на собственность.

Все люди созданы равными. Мы часто принимаем это за самоочевидность, в то время как даже на поверхности это совершенно не так. Равенство — это основа либеральной демократии, власти закона, свободного общества и всего того, что чтит и уважает читатель или читательница, если они, конечно, в своем уме. Но почему мы все равны? Потому, что одинаково появились на свет? Возможно. Однако на свадьбах и похоронах это равенство отнюдь не очевидно. Или мы все равны, потому что это провозглашено в Декларации Независимости США, французской декларации прав человека и Всемирной декларации прав человека, принятой ООН? Но каждый из этих документов содержит множество оговорок, а то и вообще, положений, не соответствующих истине. Вот ООН провозглашает: «Каждый имеет право на отдых и досуг, включая разумное ограничение

рабочих часов». Да? Неужели? Надо срочно сказать жене, чтобы известила ребенка!

Благородные и возвышенные речи, состряпанные непрезентабельными, а иногда и слегка помешанными представителями интеллигенции, — это не священные письмена, возвещающие истину. Да и то, что получается от основания политики и общественного устройства на священных текстах, мы можем увидеть на примере афганского Талибана или пуритан в Массачусетсе. Каждый обладает бессмертной душой, и каждая душа одинаково ценна для Бога. Возможно. Но это мало что дает нам для разработки практической философии политики. А Адам Смит был практиком. Его комментарий к «Нравственным чувствам» по поводу того, что его теория «не касается вопросов истинности… но касается жизненных фактов» подходит и для всей его философии в целом.

Когда Смит рассматривает происхождение и развитие разделения труда, он вкратце — ну, относительно вкратце — обращает наше внимание на интересное и очень характерное качество человека. Самое могущественное существо из всех земных жителей является в то же время самым жалким и беспомощным. Мы рождаемся совершенно неспособными позаботиться о себе и остаемся такими еще очень долгое время — если судить по современной молодежи, лет до сорока. В два года, когда другие млекопитающие уже в полном расцвете охотятся, собирательствуют и выводят новое потомство, человеческий детеныш еще не умеет обращаться с собственной попой, по крайней мере не настолько хорошо, чтобы усаживать ее вовремя на горшок. Даже Даниель Дефо не зашел в своей фантазии настолько далеко, чтобы описать, как Робинзон Крузо мог обустроиться без всяких подручных средств — и оставил ему в довольствие кое-что из фабричных вещей с потерпевшего крушение корабля и помощь продвинутого в местном образе жизни каннибала.

Мы должны относиться к другим людям с уважением и признанием равенства не потому, что нас вдохновляют высокие принципы или переполняют братские чувства, но потому, что мы жалки и беспомощны.

Смит писал, что человек «во все времена нуждается в сотрудничестве и помощи множества людей, между тем как в течение всей своей жизни он едва успевает приобрести дружбу всего нескольких лиц». Это утверждение было прологом к одному из самых знаменитых и цитируемых высказываний Смита: «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных

интересов». Смит не побуждал нас самовлюбленно и без зазрения совести обогащаться в условиях свободного предпринимательства. Он намекал, скорее, на то, что мы должны благодарить мясника, пиво-. вара и булочника за то, что они это делают. Это нам повезло, что эти личности одарены Создателем такими неотчуждаемыми правами и возможностями, среди плодов реализации которых оказались наша котлета, пиво и рогалик с маком.

Ответом Смита на вопрос, почему мы все обладаем правом собственности, был не менее прямолинеен: «Собственность, которой владеет каждый человек, заключается в его труде, и так как это является исходным основанием всей собственности всех граждан, это право должно быть священным и неприкосновенным». Имущественные права не изобрели богатеи, которые хотели держать бедняков подальше от своих сундуков. Право на собственность — это то, что мы зарабатываем собственными руками. Можно приобрести собственность и другим честным путем, например, по наследству. «Наследство бедняка, — писал Смит, — заключается в силе и ловкости его рук». Из этой ловкой хватки молота, ну, или серпа, и происходит принцип свободного предприятия: «И препятствовать ему в приложении его силы и ловкости к тому делу, которое он считает подходящим, если только оно не наносит ущерб его соседям — это прямое нарушение священного права собственности».

Любое определение понятия «свобода» бессмысленно, если оно не основано на праве собственности и смежных правах, единых для всех. То, чем мы владеем, — наше, и никто не вправе нам указывать, что с этим делать. Именно это и есть практический смысл того, что мы подразумеваем, когда заявляем о своей свободе. Все другие права происходят из этого, в том числе и те, которые не столь милы нашему сердцу.

Свобода речи — это прекрасно, если только вам есть что сказать. Но исследование «блогосферы» открывает удивительную вещь — что едва ли хоть кому-то это под силу. Свобода вероисповедания — это еще более прекрасно, но оказывается, во время молитвы ты можешь «войти в комнату твою и, затворив дверь твою, помолиться Отцу твоему, Который втайне» (Матфей 6:6). Так сказал сам Иисус Христос. Свобода — это по большей части предмет повседневного, обыденного опыта, имеющий действительный практический смысл в материальном, экономическом мире. В «Богатстве народов» Адам Смит доказал, что мы заслуживаем справедливого общества, в котором мы обладаем полной свободой от всяческих экономических предосуждений, и можем со спокойной совестью отправляться в

торговый центр и совать свою кредитку в каждую кассу, хоть до тех пор, пока не поджарится магнитная полоска, если нам это угодно.

Свойство труда быть разделяемым

Как бы то ни было, главной целью книги первой «Богатства», по замыслу Смита, было показать насколько важно разделение труда. Целью же разделения труда, писал Смит, является «при меньших затратах труда производить большее количество работы». Смит был убежден, что разделение труда — специализация — есть источник экономического роста.

Специализация увеличивает экономическую ценность. Для наглядности Смит использовал знаменитый пример «маловажной отрасли производства, а именно гвоздей». Без специализации и специализированной техники производство всего одного гвоздя могло бы занять целый день. В первых черновиках будущего «Богатства народов» Смит отмечал, что если бы мы зашли дальше и учли бы к тому же необходимость выкопать шахту, добыть руду, выплавить металл, и так далее, то мы «не изготовили бы один гвоздь и за год». А между прочим, где-то группа поклонников такого рода хобби — поддерживающих связь по Интернету — именно этим и занимается, к недоумению и негодованию своих жен.

Свойство цены быть невидимой

Смит доказал свою точку зрения и, казалось бы, должен был на этом остановиться. Но тут мы подходим вплотную к одному интересному затруднению в рациональном понимании всей экономики — что наши выводы слишком рациональны. Это, если можно так выразиться, первородный грех экономики, недостаток, который существует с тех самых пор, как только экономика была изобретена. Любому студенту любой экономической школы эта проблема известна: ведь он должен запоминать различные и многочисленные рационализирующие формулы, которые происходят из этой — нет, которые сами по себе и есть эта проблема.

По ходу того, как Смит углублялся в рассуждение об экономической ценности, он решил тщательно исследовать само понятие ценности. Он пытался анализировать феномен цены и не мог достичь удовлетворяющих результатов. Цена товара — это то,

что кто-либо готов за него заплатить. Все. Ни больше, ни меньше, и ничего кроме этого. Дэвид Юм в письме Адаму Смиту с поздравлениями по поводу публикации «Богатства народов», высоко оценил работу, но подметил одну ошибку: «Если бы вы были здесь со мной у камина, — писал Юм, — я непременно обсудил бы с вами некоторые из ваших принципов. Я не думаю… что цену в совокупности определяют количество и спрос». Возможно, кто-то может посчитать это свидетельством против того, что Смит был склонен тщательнейшим образом продумывать все свои положения, но он все равно продумывал тщательно каждое свое слово.

Смит полагал, что цена обладает «составными компонентами». Он выделил три: труд, выгода с продажи (т. е. прибыль на капитал) и земельная рента. Феномен образования цены — это самая сложная для понимания область в экономике. Это известно всем — делягам биржевого рынка, и рынка товаров и услуг, и рынка недвижимости, и даже, к его величайшему ужасу, тому самому студенту экономической школы. И смущение Адама Смита по поводу образования цены было еще более глубоким, чем современные сомнения.

Когда Смит пытался сопоставить цену и ценность, у него не было под рукой современных учебников, которые могли бы объяснить ему «закон маржинальной полезности». Это было сформулировано Карлом фон Менгером, основателем австрийской экономической школы. В адекватном переводе, маржинальная (предельная) выгода означает, насколько мы ценим ту конкретную вещь, которая нам необходима по тем или иным причинам в данный момент, а не насколько она хороша или ценна сама по себе.

Смит как раз споткнулся об эту «маржинальную полезность», когда он отметил, что «ничто не является более необходимым, чем вода: но вряд ли кто-нибудь будет ее покупать». Восемь унций воды — недостаточно даже для такого подвига, как предпринять поход в ванную посреди ночи. А вот за восемь унций золота мы вполне можем арендовать «лексус». Маржинальная полезность объясняет, почему золото, на которое всем глубоко наплевать, кроме, разве что рэперов и их подружек, ценится так высоко.

Как бы то ни было, когда мы платим за «высококачественную экологически чистую» воду в бутылочках, ее цена просто льется через край и переходит все мыслимые границы. Что могут сказать нам по этому поводу теории ценообразования? Адам Смит размышляет над еще более экстравагантным примером: «Если среди профессиональных охотников, например, труд по добыче

одного бобра оценивается в два раза дороже, чем по добыче одного оленя, что означает, что цена одного бобра равна цене двух оленей». Но подождите. Как это может быть, в самом деле? Разве это возможно, даже в качестве предположения, чтобы убить бобра было в два раза труднее, чем убить оленя? Ведь олени черт знает какие быстрые. Мы знаем, где обитают бобры — там же, где они строят свои дамбы. У нас, фактически, есть их домашний адрес. Да даже если это действительно занимает в два раза больше времени — сидеть в бобровых заводях, выжидая, пока представится шанс треснуть несчастному по голове веслом от каноэ — все равно, кому он нужен, этот бобер?

Нельзя не признать, что нам очень приятно отмечать, если кто-то, о ком мы знаем, что он на самом деле гораздо умнее нас, рассуждает ошибочно. Вот Смит утверждает, что труд был самым важным компонентом цены: «Только труд, ценность которого остается неизменной, следовательно, является единственным окончательным и реальным стандартом». И потом, через две страницы, он противоречит сам себе: «Реальная цена труда… очень разниться, в зависимости от случая». Но выше он писал, что «Реальная цена любого предмета… это то, насколько сложно его заполучить».

Что-то было в философском сознании Смита, что заставляло его противится признанию очевидного. Известно утверждение, высказанное, как принято считать, еще в тринадцатом веке, и приписываемое Альберту Магнусу, о том, что цена — это то, «чего стоят вещи в соответствии с условиями рынка и временем продажи». Но прежде чем поспешно отказываться от смитовских сложностей в этом вопросе и радостно указывать на величие средневекового здравого смысла, стоит обратить внимание на некоторые другие идеи, бывшие вполне обыденными и здравыми для средневекового сознания. Тот же Альберт Магнус был одним из главных инициаторов восьмого крестового похода, последнего и самого бессмысленного. Участники похода даже не пытались достичь Святой Земли. Вместо этого они, в полном снаряжении, как на карнавальном круизе, приплыли в Тунис.

Вот в этом-то и заключается неповторимость гения Адама Смита: даже в том, в чем он ошибался, он был умнее и проницательнее, чем другие. И возможно, в особенности умнее тех невыносимых других, которые всегда знают цену всему на свете и всегда горят желанием указать нам, что почем.

Труд не является компонентом цены, потому что цена не состоит из компонентов. Все вещи стоят столько, сколько стоят. Но закладывая в основание целостной логической структуры «Богатства народов» понятие труда — или того, как мы разделяем

его или распределяем его плоды, главную заботу и тяготу нашей жизни — Смит хотел обосновать материальную и нравственную необходимость нашей свободы.

Адам Смит, противник капитализма

Нельзя сказать, что Адам Смит разработал проект капиталистической системы. Он всего лишь обеспечил логическим обоснованием элементарные экономические права, на основе которых было бы легче строить отношения свободного предпринимательства. А также предложил строителям использовать тачку свободной торговли, добрый цемент собственного интереса и весь инструментарий принципа специализации. Как бы то ни было, когда Смит предположил, каким образом свободные предприятия распространяют то, что они производят — «в порядке, соответствующем которому их продукция распределяется естественным образом» — капитализм получил такую затрещину, что его алчной толстой губе было впору закататься обратно.

Некоторые сторонники смитовского учения, вероятно, немало бы удивились, обнаружив в его тексте подобные высказывания. Он писал, что «подавление бедных должно быть основанием монополии богатых», и что выгода бывает «всегда самой большой в тех странах, которые быстрее всего катятся к разрухе». А касаясь таких понятий, как «полная занятость населения», Смит своими заявлениями мог бы привести в ужас Джона Кеннета Гэлбрейта: «Если бы общество ежегодно нанимало всю рабочую силу, труд которой способно ежегодно потреблять… то продукция каждого успешного года была бы несравненно более дорогой, чем продукция предыдущего». И Смит мог преспокойно продолжать такого рода рассуждения, от которых Торстейна Веблена бы точно хватил удар: «Но нет такой страны, в которой вся ежегодная продукция шла бы на обеспечение трудящихся. Повсеместно неработающие также потребляют значительную часть».

Адам Смит также не жаловал поместное дворянство: «Как скоро земли в любой стране становятся частной собственностью, ее владельцы, как и любой на их месте, тут же стремятся пожинать то, чего не сеяли». Он, наверное, был бы в полном изумлении, доведись ему увидеть английских графов и графинь, вынужденных содержать на просторах своих поместий цирковых зверей и прочие аттракционы, и позволять жиреющим туристам шататься по своим особнякам и фотографироваться на фоне портретов их благородных предков.

Еще более суров, как это ни странно, он был к тем, кто в его время начинал порождать то самое богатство, которое он предлагал увеличить. Несмотря на его дружбу с представителями торговли и промышленниками в Эдинбурге и Глазго, Смит испытывал к ним заметную неприязнь:

«Владельцы всегда и везде как бы заключают между собой молчаливый договор, постоянный и универсальный в действии — не повышать оплату труда».

«Наши торговцы и владельцы фабрик много жалуются на то, что повышение оплаты труда имеет плохой эффект — повышение цен на их товары, как в пределах страны, так и за рубежом. Но они ничего не говорят о плохом эффекте от высоких доходов, которые они с этого имеют. Они всегда молчат о том, какой губительный эффект порой оказывает их собственная выгода. Они жалуются только на выгоды других людей».

«Интерес дельцов… в любой отрасли торговли или производства, всегда во многих отношениях отличается, или даже противоположен тому, что они предоставляют взорам общественности».

Смит также не был поклонником того, что сегодня принято называть «лобби»:

«Предложение любого нового закона или правила, исходящее от [торговцев или промышленников] всегда нужно выслушивать с величайшей осторожностью, и ни в коем случае не принимать, пока оно не пройдет долгую и тщательную проверку… выполненную с самым пристальным вниманием».

Недавние скандалы в Конгрессе США по поводу Джека Абрамова и ему подобных привели бы Адама Смита в не меньшее возмущение, чем добропорядочного штатного журналиста «Вашингтон пост». Разве что Смит относился к своим читателям с куда большим уважением, по крайней мере достаточным для того, чтобы не раздувать из этого общественный шок.

Смит также не обладал энтузиазмом относительно приватизации правительственных функций. По поводу Восточно-Индийской Компании и ее правительственного статуса в Бенгале Смит писал: «Правительство, состоящее исключительно из торговцев, вероятно, самое худшее из всех возможных правительств, о какой бы стране ни шла речь».

Адам Смит, борец за капитализм

Что выгодно отличает Адама Смита от последующих и обладающих куда меньшим интеллектом критиков капитализма,

так это то, что он никогда не обосновывал причину экономического неравенства задом наперед. Он писал: «То, что один едет на телеге, в то время как его сосед идет пешком, вовсе не причина того, что один из них богат, а другой беден».

Смит никогда не выражал презрения к поиску выгоды как таковому, которым вскоре будут размахивать как флагом, знаменующим глобальные философские претензии: как Перси Биши Шелли, если привести комический пример, или Пол Пот — если привести трагический. Первое восстание под знаменем коммунистических идей случилось через несколько лет после смерти Смита. Кроме всего прочего, восставшие намеревались свергнуть Французскую Революционную Директорию. Этот мятеж возглавлял Франсуа Ноэль Бабеф, также называвший себя «Гракх», в честь Тиберия Гракха-младшего, радикального римского реформатора второго века, ставшего впоследствии диктатором. Тиберий, как полагают историки, был убит своими противниками. Та же судьба постигла и Бабефа.

Вместо такого рода затей — к сожалению, теперь столь хорошо знакомых всем из уже современной истории, — Смит хотел просто-напросто «установления правительства, которое было бы способно дать производственникам то воодушевление, в котором они нуждаются — а именно, уверенность в том, что они смогут пользоваться плодами своего труда». Смит не считал, что стремление к получению прибыли и к «губительной выгоде» — одно и то же. Он полагал, что непомерная выгода — это результат законов, ограничивающих или регулирующих торговлю. Для такого законодательного вторжения в свободное предпринимательство он даже использовал специальный термин — «Насильственная охрана».

Но даже при жестком надзоре регулировщиков торговли губительная выгода, как ни крути, лучше губительных убытков. Вообразите себе такой мир, в котором мы добровольно отказались бы от всякой выгоды, включая и повседневные Дела: ели бы булыжники, сватались к мебели и садились в машину с единственной целью врезаться в дерево.

Смит вообще не рассматривал выгоду как идеологический концепт, а относился к этому вопросу в самом обыденном смысле, как если бы о выгоде рассуждал сам делец: «это его доход, основа его средств к существованию». Естественная конкуренция побуждает дельца запрашивать за свои товары или услуги «оптимально низкую цену, за которую он вероятнее всего успешно продаст их… по крайней мере там, где есть для этого есть оптимальные условия свободы». Не составляет большого труда понять, почему последняя фраза выделена курсивом. Смит

продвигал идею свободного предпринимательства и, соответственно, был противником социализма. «Нет ничего более абсурдного, — писал он, — чем представлять себе, что люди в целом должны работать меньше, если они работают сами на себя, чем если они работают на благо других». А когда другие — это просто «народ» — не конкретные люди, а абстрактная величина, то абсурд становится безумием.

Адам Смит не был борцом за свободу, в современном понимании, но именно с этой позиции он критиковал капитализм. Проблемы равноправия не могли и не могут быть решены принятием каких бы то ни было законов. На свободном рынке зарплаты могут быть слишком низкими, но Смит писал: «Закон не может регулировать их должным образом, хотя часто притворяются, что это работает». Равноправия скорее можно достичь беспристрастностью естественного распределения капитала, так что «как последствие процветания общества, реальная цена труда должна значительно возрасти».

Также и проблемы свободного рынка не могут быть решены усилением регулирования, но напротив, решаются сами по мере возрастания степени их свободы: «Расширение рынка может в достаточной степени соответствовать ожиданиям и потребностям, но вот ограничение конкуренции всегда не в интересах общественности». Любой закон, касающийся коммерции, — даже самый полезный, как например, о допустимых пищевых добавках или наркотических веществах — несет в себе некоторое ограничение конкуренции и должен быть «проверен… с самым пристальным вниманием». Конгресс запретил рекламу сигарет на радио и телевидении в 1970-м, примерно в то самое время, когда вся страна балдела от марихуаны. Что, может быть, Никсон был наркодельцом под прикрытием законодательной деятельности?

Адам Смит, знающий толк в деньгах

Была еще одна причина, по которой Адам Смит защищал экономическую свободу и все неприятные денежные вопросы, которые вместе с экономической свободой возникают: он понимал сущность денег. В книге первой «Богатства народов», в «Отступлении, касающемся колебаний стоимости серебра», можно сказать, развенчал наше представление о ценности денег. Смит показал, что меркантилистский подход к драгоценным металлам в общем и целом таков: «Бензин по три доллара за галлон! Заливай полный бак! Топливо не всегда будет таким ценным!» Он отмечал, что вопрос о деньгах — отнюдь не самый главный в этом

деле, ибо «деньги являются точной меновой стоимостью всех товаров… только в данное время и в данном месте».

Главный вопрос — как оказаться в нужное время в нужном месте.

Богачи могут быть свиньями, но деньги — не волшебница Цирцея, которая превращает их в существ с глоткой больше нашей. «Богатый человек потребляет не больше еды, чем его бедный сосед», писал Смит о разумном процветании, каким оно представлялось людям того времени. Процветание нашего времени, вероятно, представилось бы им умопомрачительным, но, как ни странно, похоже, сегодня все как раз наоборот: чем больше кто-то ест сладких булок, тем больше вероятность, что его или ее уровень жизни ниже официально установленной государством черты бедности. Смит разъяснил свою мысль более подробно в «Теории нравственных чувств», в том фрагменте, где впервые была упомянута «невидимая рука». Богатые, писал он:

> «Потребляют немногим более, чем бедные, несмотря на присущее им самолюбие и жадность… хотя они полагают, что единственная цель, ради которой трудятся тысячи нанятых ими работников — удовлетворение их собственного тщеславия и ненасытных желаний, они все же разделяют с бедными плоды своего развития. Ведомые невидимой рукой, они совершают почти то же распределение жизненных средств, которое совершалось, если бы земля была поделена на равные части между всеми ее обитателями».

Однако преимущества богатства в условиях свободного рынка могут потопить ковчег быстрее, чем эта земля покажется на горизонте. Например, в случае с Пэрис Хилтон — это не просто небольшая протечка, это авария.

Адам Смит, психотерапевт капитализма

Смит не только отлично понимал природу денег, но и прекрасно разбирался в людях. Он жил в эпоху, когда общественные науки еще не разделились на два враждующих лагеря и даже еще не претендовали на благородное звание наук, поэтому Смиту ничто не мешало быть как экономистом, так и психологом. Слово «психолог» существовало в восемнадцатом веке, оно означало «тот, кто занимается изучением души», или как вероятнее всего выразился бы Смит, «воображения». И Смит понимал, что в потемках человеческой души таятся куда более

глубокие и сильные страсти, чем аппетит к наличным. В «Теории нравственных чувств» он писал:

«Для тех, кому знакомо чувство обладания, или даже надежды на общественное признание и поклонение, все другие радости меркнут и теряют смысл… Ради положения, этого величайшего предмета вожделения, совершается половина трудов человеческой жизни; это же стремление является причиной всех беспорядков и конфликтов, преступлений и несправедливости».

А еще причиной Оскаров и таблоидов.

Есть предел тому, на что люди готовы пойти ради денег, чего не скажешь о возможности попасть на шоу Джерри Спрингера. Деньги — это еще не все. Быть названным «богатый как Крез» никогда не было знаком особого престижа. Развратный и утопающий в роскоши король Лидии закончил свои дни жалким пленным персидского императора Кира. Между прочим, именно Креза имел ввиду Солон, когда сказал, что ни один человек не может быть назван счастливцем, пока не встретит свою смерть. Или пока не станет знаменитым.

Что касается смерти и славы, к ним ведет еще одна дорожка, которая тоже приводит к беспорядкам, конфликтам, преступлениям, несправедливости и таблоидам. Жажда власти, пишет Смит, толкает человека к «пределу высокомерия… вершить правосудие по собственным стандартам, как если бы они были истинным и священным законом… и считать себя единственно мудрым и достойным человеком из всех». Надо признать, Смиту удалось описать не только Барбру Стрейзанд, но и каждого политика.

Нет труда тяжелее и хуже политики. Свобода рынка, несмотря на сомнительную честность, все же лучше хомута чиновничьей работы, в честности которой сомневаться не приходится — потому что ее там нет. Есть еще один фактор, говорящий против политики в пользу бизнеса. Смит заметил, что свободные общества стремятся отделить власть от презренного металла. В отношении Великобритании своего времени, Смит писал: «Тот, кому удается стяжать огромное состояние, не обязательно достигает какого-либо политического влияния, гражданского или военного. Его средства могут предоставить ему возможность достичь и того и другого, но отнюдь не гарантируют успех». То же можно сказать и о громадных вкладах в предвыборные кампании. Политика может быть сколько угодно зависима от денег, но политическую власть нельзя просто купить на базаре. Росс Перот — счастливый тому пример, другой, не столь счастливый — Стив Форбс.

Политическая власть отличается от других товаров

свободного рынка. Это связано с сущностью самой экономической свободы, основанной на правовом равенстве и частной собственности. Гражданин свободной страны обладает правом собственности не только на «силу и ловкость своих рук», но и на силу и ловкость своего ума. «И препятствовать ему в приложении его силы и ловкости к тому делу, которое он считает подходящим, если только оно не наносит ущерб его соседям — это прямое нарушение…» Быть может, нарушение права голосования во Флориде в 2000 году? Дело не в том, что нас нельзя купить, дело в том, что некоторые наши прерогативы не могут быть проданы. Пользуясь термином из закона о собственности в Декларации Независимости — наши права «неотчуждаемы».

Другая причина, по которой политическая власть отличается от рыночных товаров, связана с характером рынка. Свободный частный обмен не может быть — хоть правительство Китая и думает иначе — ограничен вещами. Материальные вещи неотделимы от знания о том, как их сделать, от технических идей, на которых это знание основано. Тем более сегодня, в «эпоху информации». Свобода рынка ведет к свободе и работе мышления, этого вечного врага политиканов.

Книга 1 «Богатства народов» — это анализ средств, используя которые мы преследуем личные "Интересы", и критика этого преследования. Также это предупреждение против преследования недостойных целей. Адам Смит не хотел, чтобы мы были «Подобны «обычным жителям Англии», которые, по его описанию, «так ревностны в отношении своей свободы, но… никогда не понимают должным образом, в чем эта свобода состоит».

Глава 5. «БОГАТСТВО НАРОДОВ», КНИГА 2 «О ПРИРОДЕ КАПИТАЛА, ЕГО НАКОПЛЕНИИ И ПРИМЕНЕНИИ» ДА БУДЕТ АДАМ СМИТ ТВОИМ РЫНОЧНЫМ ГУРУ

Книги с советами по вложению капиталов и секретами успешного бизнеса расходятся шокирующими тиражами. В книжном обзоре «Нью-Йорк тайме» такого сорта литература приписана к разделу «советы, руководства и прочее» в качестве приложения к списку бестселлеров. И в книжных магазинах эти издания нарасхват годами, и в библиотеках они замусолены и зачитаны до дыр, и их счастливые авторы обеспечены прибылями такими большими, как в «странах, которые быстрее всего катятся к разрухе». Эти прибыли побуждают авторов книг другого рода, таких, например, как эта, кипеть от зависти и объявлять, что страна и в самом деле катится к разрухе, если гиды по капиталовложениям и мотивации бизнеса продаются в таких нереальных объемах.

Собрания рекомендаций из серии «как правильно пристроить капитал», как правило, довольно бессодержательны. Руководства по достижению заоблачных успехов в финансовых делах обычно основаны на каком-нибудь одном остроумном наблюдении о бизнесе, которое потом раздули, растянули, и напичкали повторениями одного и того же на разные лады, чтоб набрать необходимое для продажи количество страниц. Вот например: «Всегда помните о том, что ваш конкурент — человек непростой, многослойный. Не судите о нем по тому, что очевидно и лежит на поверхности. Попытайтесь заглянуть “внутрь костюма” и понять что для него комфортно и что причиняет ему неудобство». Вот из такого рода прозрений и состоят книжки типа «Какого цвета мое нижнее белье?», изд. «Куксам букс», 230 стр., твердый переплет, $29.95.

Так вот, не таково «Богатство народов», в котором с подлинной проницательностью отмечен каждый аспект экономики и приведены блестящие комментарии относительно всех подходов к тому, что касается финансов. Возьмите пример из книги 2. За сотни лет до того, как яппи начали устанавливать окна из имитации палладиума на выступающих фронтонах домов, которые загораживают весь вид из окна, Адам Смит предупреждал против того, чтобы делать слишком большие ставки на «накопление и применение капитала» в горячем рынке

Недвижимости:

«Жилой дом как таковой не прибавляет ничего к доходам. Если даже он сдан в аренду, то все равно, сам по себе дом ничего не производит, но наниматель должен всегда платить ренту из каких-то других доходов… И хотя, таким образом, дом может приносить доход его обладателю… он не приносит ничего обществу и не исполняет функцию капитала, так что совокупный доход всей массы населения не увеличивается ничуть, даже на самый маленький процент».

А что касается преследования личного интереса по отношению к смитовским трудам, есть небезосновательное искушение предположить, что наверняка в руководствах по капиталовложениям и продвижению бизнеса можно встретить что-то, что передернуто из «Богатства народов». Наверняка там хватит материала и на десяток тех настольных книг для признающих себя умственно отсталыми, которые люди покупают столь охотно и безо всякого смущения — типа «Гид по улучшению жизни для полного идиота».

На самом деле, в книге 2 «Богатства» предостаточно информации для подобных проектов. Смит говорит о капитале, откуда он берется, и как его можно применить, чтобы достичь колоссальных прибылей на обороте. А это и есть то самое, что надо поставить в заголовок, чтобы книжка стала бестселлером и продавалась не хуже каких-нибудь тайных сексуальных техник британского королевского дома.

К сожалению, тут есть проблема. Смитовские советы, наводки и прочее, преимущественно адресованы влиятельным фигурам, которые работают на уровне секретарей государственных казначейств, канцлеров министерств финансов, чиновников Федерального Резерва и управляющих Международного Денежного Фонда и Всемирного банка. Это не рассчитано на массового потребителя. Хотя, с другой стороны, вокруг власть имущих всегда толпятся целые армии подхалимов, и, может быть, они все купят мою книгу и подарят ее Полу Вулфовицу на Рождество.

Центральный банк для фикций

Центробанк — это организация, которая контролирует денежные ресурсы страны. Казалось бы, в этом нет ничего загадочного. И в этом действительно не было бы никакого подвоха, если бы не три факта:

Деньги — воображаемая материя. Деньги не участвуют в

банковском деле.

И центральный банк — это не банк.

Что же такое деньги, в конце-то концов?

«Деньги, — писал Смит, — не являются ни материалом, ни инструментом». Деньги воображаемы так же, как внутренний Беспристрастный Наблюдатель. Это идея, благодаря которой мы имеем некоторое представление о приблизительной ценности вещей. Использование денег в качестве приблизительной меры позволяет нам обмениваться вещами и услугами способом менее громоздким, чем бартер, и более приемлемым для Беспристрастного Наблюдателя, чем воровство.

Деньги — это дитя, рожденное от разделения труда и свободной торговли. И характер у этого малыша на редкость вздорный, ведь представления о ценности всегда вызывают разногласия. В лекции для Университета Глазго Смит сделал интересное замечание: «Предложение шиллинга, которое кажется нам такой простой и понятной вещью, в реальности есть предложение аргумента, цель которого — убедить человека поступить так-то и так-то, как если бы это было в его интересах».

Смит писал, что «деньги, благодаря которым все доходы общества систематически распределяются между всеми членами общества, сами по себе не являются частью этого дохода». Деньги — коллективное воображаемое, и сами по себе просто не могут обладать ценностью. «Гигантское колесо денежного оборота, — продолжает он, — отнюдь не то же самое, что вещи, которые вращаются в нем и посредством его».

Возможно, нам и не стоит слишком крепко задумываться над тем, что такое деньги. В книге 1 «Богатства» Смит сделал несколько туманное признание, которое, однако, проливает свет на эффект чрезмерных интеллектуальных усилий: «Я всегда с готовностью иду на риск показаться скучным ради уверенности, что выражаюсь ясно; но даже и после того, как я предпринимаю все усилия, чтобы прояснить свою мысль, некоторая неясность все же может оставаться, особенно в отношении предметов, собственная природа которых в крайней степени абстрактна».

Тогда — что такое банк?

Банк — это учреждение, которое не занимается деньгами. Если мы принимаем смитовское определение, гласящее, что стоимость есть воплощенный «тяжкий труд и бремя», то банки имеют дело с тяжким трудом и бременем. Банк — это очень умный способ хранить ваш тяжкий труд и бремя. И вместо того чтобы доплачивать за хранение, вы получаете компенсацию, за то, что, вовлеченные в дело, ваш труд увеличивается и бремя растет.

Возьмем пример из книги 1 «Богатства»: вы убиваете много

оленей. Вы получаете только одного бобра за двух оленей, но, тем не менее, вы получаете столько бобров, что уже не знаете, куда их девать. Если бы отсутствовала система банков, вам пришлось бы складировать бобров у себя под кроватью, где они никому не нужны. А к тому же воняют. Банки позволяют вам сдать бобров в аренду, с приемлемой гарантией получения дохода по договору об аренде и возвращения всех бобров назад, когда бизнес-гений бобрового дела провернет свой креативный и прибыльный план. Деньги, как вы заметили, в этой операции не участвуют вовсе. Разве что такое дело гораздо более удобно и приятно осуществлять, распоряжаясь деньгами, а не тухлыми бобрами.

«Разумные банковские операции могут увеличить доход страны, — заявляет Смит, — однако не потому, что они просто пополняют капитал, но за счет передачи большой части капитала в активное и производительное использование». Чего разумные банковские операции не могут сделать, так это увеличить, скажем так, производительность трудовых ресурсов страны — например, одалживая деньги любому дураку, такому как я, который приходит с безумной идеей альтернативной технологии добывания энергии на основе производства метана из разлагающихся бобров. Политические адвокаты «экономических стимулов» часто заявляют, что банки должны увеличивать благосостояние нации. А банкиры часто заявляют, что они это сделали. Но они не должны этого делать, да и не могут.

Банковский кризис случился однажды в Шотландии в 1772 году, после чего из тридцати частных банков Эдинбурга осталось только три. В каждое время и в каждом месте случаются свои эквиваленты запусков Силиконовой Долины или интернет-бумов. Проблемы инвесторов в 1999-м можно описать в точности теми же словами, какими Адам Смит описал проблемы 1772-го: «Они полагали, что банки способны и почтут за честь обеспечить их бизнес любыми суммами».

Так чем же банки на самом деле хороши?

Они хороши для того, чтобы производить выдумки. Банки настолько же воображаемы, насколько доллары, которые они арендуют. Их галереи с колоннами, их впечатляющие арки и датчики температур — всего лишь символы. Символы, репрезентирующие что-то еще — то, что мы называем «контракт».

Нам повезло, что Смит разбирался не только в экономике, но и в психологии. Любое пристальное обследование экономических материй быстро превращается в прием на кушетке, с анализом фантазий, проверкой на нездоровый нарциссизм и решением семейных конфликтов. Только так и выясняется, что деньги — не параноидальный общественный фантазм, а здоровый отпрыск от

союза разделения труда и свободы торговли, который был зачат, пока мы бессознательно наслаждались жизнью в обществе нам подобных.

А сочетавшиеся право собственности и равенство произвели на свет другое дитя, которое более широко и более охотно признают законнорожденным, чем деньги: его имя известно нам как «надежный связующий контракт». Плохое ведение банковского дела — это плохой брак, где контракт испорчен эгоизмом частной собственности и несостоятельностью прав на равенство. «Когда закон, — пишет Смит, — не дает силу тому, что представлено в контракте, это ставит всех заемщиков в положение, когда они почти приравнены к неплатежеспособным должникам или людям сомнительной репутации». Юридическая гарантия необходима. В противоположном случае нарушение самого незначительного соглашения может повлечь за собой ничем не сдерживаемую лавину обманов и коррупции, потерю самоуважения и деструктивные настроения в обществе. Это то самое, что случилось с трастовым фондом Социального Обеспечения в Америке.

То есть нам нужно регулировать работу банков?

Свобода не может существовать без ограничений. И Адам Смит был не из тех, кто сдался на этом парадоксе. В изложении своего понимания сути банковского дела Смит высказал самый фундаментальный принцип свободного рынка: «Если какая-либо отрасль торговли или производства приносит пользу общественности, то чем свободнее и шире конкуренция, тем больше будет ПОЛЬЗЫ». Но далее в продолжение темы банковского дела Смит также высказал фундаментальную оговорку этого принципа: «Но всегда есть вероятность, что кто-то будет стремиться злоупотребить естественной свободой, и эти люди, будь их даже всего несколько, могут поставить под угрозу безопасность всего общества, поэтому такие намерения должны быть ограничены законами всех государств».

И то и другое кажется очень разумным, хотя вряд ли можно прийти к такому выводу, слушая бессмысленные споры между законодателями — теми, кто верят в одну из этих идей, и теми, кто верит в другую.

В противоположность многим политикам, Адам Смит был способен проложить свой путь в обход убийственных сирен — как авторитаризма, так и вседозволенности, причем не заливая уши воском и без нужды быть привязанным к мачте. У Смита была более ясная, чем у законодателей, идея цели закона. Он рассматривал документированные законы государств как способ продолжения «той естественной свободы, которая реализуется в

исполнении естественных законов: закон должен не покушаться на свободу, но поддерживать ее». Надо признать, иногда законы такого рода выходят. И когда это случается, многие банкиры отправляются в тюрьму.

А что такое «Центральный» банк?

Как бы сильно вам ни хотелось, вы не сможете получить дебетную карточку Федерального Резервного Банка, и не важно, что администрация Буша, по всей видимости, может. Центральный банк — это на самом деле вообще не банк, а государственное ведомство. Смит называл это «большим двигателем государства». Оно регулирует объем денег, находящихся в обороте в стране, посредством, говоря упрощенно, регулирования реальных банков. Национальные валютные ресурсы должны соответствовать всем другим экономическим показателям страны. Если в стране циркулирует меньше денег, чем труда и товаров, вы получаете кредитный коллапс и Великую Депрессию. Если в стране больше денег, чем труда и товаров, вы получаете 1970-е годы. А что из этих двух зол хуже, зависит по большей части от того, что вас огорчает больше — цветная вязка, диско и Генри Киссинджер или нелепая болтовня о великом поколении, непомерные траты на программу страхования здоровья престарелых и ваши родители.

Предназначение центрального банка — предотвратить возвращение диско и заставить ваших родителей придержать язык. Технические механизмы, с помощью которых центральный банк это делает, — за пределами предмета этой книги, не говоря уже о компетенции автора. И если вы думаете, что можно разложить в паре-тройке слов все таинства центрального банка — вы глубоко заблуждаетесь. Самым важным в написанном Адамом Смитом о центральных банках является то, что Смит, как ему присуще и в остальном, понял и описал практические принципы за завесами тайны. Он осознавал, что деньги — не государственное имущество, но государственная обязанность. Он называл это «отличным, но дорогим инструментом торговли». И отмечал, что «общий запас денег, вращающихся в любой стране, должен требовать определенных дополнительных затрат, сначала на то, чтобы его собрать, затем на то, чтобы его поддерживать».

План Адама Смита по увеличению богатства (народов): как центральный банк использует бумажные деньги, чтобы сделать инструмент торговли дешевым.

«Определенные затраты» на посредника при торговом обмене привели Смита к размышлениям о выгоде бумажных денег. Ценные металлы не только дороги в добыче, транспортировке и чеканке — они также обладают собственной, реальной

стоимостью, не зависящей от монетарной.

Смит подошел к этому вопросу почти буквально. Он писал, что «золотые и серебряные деньги» можно «сравнить с широкой дорогой, которая, в то время как по ней движутся и вывозятся на рынок все изделия и зерно страны, сама по себе не производит ни гвоздя, ни зернышка». Бумажные деньги могли бы «обеспечить, если я могу позволить себе такую сильную метафору, своего рода, путь по воздуху, дающий стране возможность превращать большую часть ее дорог в цветущие пастбища и пшеничные поля». (Однако, хотя сейчас у нас и в самом деле есть «путь по воздуху», немногие из наших федеральных автострад превращены в цветущие поля).

Деньги — это информация. Защищая идею бумажных денег, Смит чудесным образом предвидел виртуальный аспект современной экономики и все выгоды исходящей из него оперативности. Зачем покупать дорогущий кусок гранита и хранить информацию, высеченную на нем специально обученными рабочими, когда эта информация может быть закодирована почти без усилий и почти в воздухе?

Смит, однако, осознавал и опасность в том, что он называл «Дедаловы крылья бумажных денег». Он был честным и разумным защитником бумажных денег, что вообще-то было необычным для его эпохи. Многие из промоутеров банкнот восемнадцатого века предпочитали бумагу не потому, что думали — это делает деньги эффективнее, но потому, что думали — это делает деньги бесплатными. Самым известным из таких людей был шотландец Джон Лоу. Лоу обратился со своей программой к национальному банку Шотландии, который, как выразился Смит, «по предположению Лоу, мог выпустить столько бумаги, сколько стоят все товары и земли страны». Шотландский парламент отказался. Тогда Лоу отправился в Париж, и в 1717 году организовал так называемую компанию «Миссисипи», основанную на тех же идеях. Смит дал детальный отчет об операциях Лоу в своей лекции для Университета Глазго.

«Большинство людей, — подытожил он, — были вынуждены вложить свои состояния в банкноты, и таким образом были ввергнуты в нищету». И в «Богатстве народов» Смит заявил, что «бумажная валюта Северной Америки» была «хитроумным планом должников-мошенников, желающих обмануть кредиторов».

Многие бумажные валюты, выпущенные многими центральными банками, не лучше и в наши дни. (Хотите получить ваш размен в аргентинских песо?) Все современные деньги — это бумажные деньги, и их условная ценность не фундирована ничем, кроме обещаний государства или, в случае с евро, кучки

государств. У нас есть наша бумага, или «условные» деньги, потому что так нашим правительствам легче печатать больше денег во имя «гибкой монетарной политики». Качество денег, как качество человеческого тела после восемнадцати лет, не часто улучшается вместе с нарастанием количества. Смит писал, что «бумажные деньги необязательно увеличивают количество всей валюты». К сожалению, «необязательно» выделено курсивом. В феврале 2006 года резервный банк Зимбабве выпустил новую банкноту достоинством 50 тысяч долларов, и на нее нельзя было купить и банку пива.

Смит предложил различные разумные ограничения для бумажных валют центральных банков. Но ни одно из них не представляет для нас практического интереса сегодня, потому что полностью условные деньги были за пределом возможностей постижения даже Адама Смита. Он думал, что деньги всегда будут зависеть от измерения в золоте, серебре или от какой-нибудь другой меры. (Когда, как было отмечено ранее, Смит писал о цене на зерно, определяющей «реальную стоимость всех других товаров», он по сути дела предлагал в качестве меры для валюты то, что сегодня называют «потребительской корзиной».)

Стоимость условных денег связана с политическими причудами куда менее субстанциальными, чем «стоимость всех земель в стране», как полагал Джон Лоу. Современные государства приняли на вооружение проект «Миссисипи» и заставили его работать. Исключая, конечно, те случаи, в которых это не удалось.

Понятно, есть предел тому, что частные банки и центральный банк могут сделать для улучшения экономики, но не могут ли такие организации, как Всемирный Банк, создать экономические стимулы, которые помогут покончить с нищетой и поддержать развивающиеся страны?

Нет, не могут. Смит подчеркнул это в книге 4 «Богатства»: «Я никогда не видел добрых дел, совершенных теми, кто занимался торговлей для общественного блага». Объяснение этому странному высказыванию можно найти в книге 2, где Смит описал историю с Эйрским Банком (Ayr Bank), крах которого повлек за собой Эдинбургский банковский кризис 1772 года. «Провозглашенным принципом этого банка было продвижение капитала, предназначавшегося для всестороннего улучшения жизни, прибыль от чего возвращается в наиболее отдаленные сроки». Это и есть то самое, что пытается сделать Всемирный Банк. «Операции этого банка, — продолжил Смит, — похоже, произвели эффекты, противоположные задуманным». Похоже, так обстоят дела и со Всемирным Банком. Смит писал, что Эйрский

банк «без сомнения, дал некоторое временное облегчение… но это, тем не менее, заставило [заемщиков] только глубже увязнуть в долгах, так что, когда наступил крах, падение было еще более болезненным и тяжелым». И в те дни не было героя Боно, чтобы быстренько привести все в порядок.

Задолжать деньги прибыльным организациям вовсе не выгодно. Уж лучше задолжать вашему сердитому дядюшке или бугаю из соседнего квартала. Те, кто берет взаймы, так или иначе становятся должниками. «Трезвые и бережливые должники частных лиц, — наблюдал Смит, — вероятнее всего, задействуют одолженные деньги в разумных предприятиях… быть может, более мелких и не обещающих головокружительных успехов, но зато более надежных». Эту практическую максиму можно применить ко всему, от программ помощи развивающимся странам до местных дебатов городского совета. Один новый продавец хот-догов для города лучше, чем любое количество муниципально финансируемых спортивных стадионов. Смит объявил, что даже если бы Эйрский банк преуспел, это все равно привело бы к нежелательным последствиям, потому что «эта программа, не увеличив и на минимальный процент капитал страны, только перевела бы огромную часть его из полезных и выгодных в бесполезные и невыгодные предприятия».

«Богатство народов» систематически преподает нам один и тот же урок: мы не должны быть жадными. А никакие другие люди не бывают столь жадными, как те, кто работает на благо общества. Нет, им не нужны жалкие миллионы и миллиарды долларов, чтоб удовлетворить свою алчность. Они жаждут триллионов, необходимых как воздух, чтобы сделать жизнь на земле лучше для каждого. Всемирному Банку следовало бы состоять из частного добра, чтобы делать добрые дела на самом деле.

Глава 6. «БОГАТСТВО НАРОДОВ», КНИГА 2, ПРОДОЛЖЕНИЕ. АДАМ СМИТ: СПИКЕР, НЕ МОТИВИРУЮЩИЙ ПАРЛАМЕНТ

Кроме размышлений о валюте и банковском деле, книга 2 «Богатства» содержит еще и исследование экономического планирования — и пламенный призыв к тому, чтобы планирования было как можно меньше. Адам Смит был одним из первых и одним из лучших стратегов в бесконечной войне против попыток государства контролировать бизнес и промышленность. Стратегия Смита была проста: убедить генералов мировой экономики убраться подальше.

13 привычек высокоНЕэффективного государственного экономического планирования:

1. Вносить путаницу в простое и очевидное.

Смыслом правительственного экономического планирования, как можно предположить, является улучшение условий жизни тех, кем правительство управляет. Проблема возникает, когда планировщики хозяйства начинают думать, какими именно должны быть эти улучшенные условия. Улучшение работы общественного транспорта? Больше парков и озелененных участков? Улучшенные возможности образования? Управляемые, объявил Смит, уже знают ответ: «Увеличение богатства — вот то, посредством чего большинство людей хотят улучшить свои жизненные условия. Это средство самое простое и самое очевидное».

2. Полагать, что люди жить не могут без надзирателей.

Смит подчеркивал важность «личной бережливости и благоразумия людей» и «их должное проявляться в отношении всех дел, постоянное и систематическое намерение улучшить собственное положение». Он спорил, что «Англия развивалась столь успешно исключительно благодаря мудрым и либеральным законам». Напротив, он утверждал, что Англия «никогда не была благословлена бережливым правительством… и это в высшей степени дерзко и самонадеянно со стороны королей и министров — притворяться, что они следят за экономией частных лиц».

3. И считать, что работа правительства очень производительна.

Правительству полагается быть непроизводительным. Адам Смит разделял труд на две категории: «Труд одного рода… составляет стоимость произведенного этим трудом предмета». Правительственный же труд относится к другой категории. И это

нормально. «Труд некоторых самых уважаемых обществом рангов людей… непроизводителен совершенно». Он не имел в виду, что их труд ничего не стоит, он имел ввиду, что их труд не производит никакие материальные, физические единицы. «Непродуктивный» труд не реализуется в физических вещах — товарах, капитале, сырье — которые нужны для базового жизнеобеспечения и производства других физических вещей. А мы живем благодаря физическим вещам. Ни одна страница законопроекта, как бы хорошо он ни был написан, не согреет вас на улице зимой. (Хотя, непрохождение некоторых законопроектов, как Киотский протокол, наверное, может.)

«Например, глава государства, — пишет Смит, — со всеми чиновниками, гражданскими и военными… а также вся армия и флот — непроизводящие работники… Защищенность, безопасность и правопорядок государства, результат их годового труда, не обеспечат защищенность, безопасность и правопорядок следующего года». Другими словами, правительственная работа — это служба, и ее никогда нельзя путать с фабрикой, которая обеспечивает нас всех работой, домами, и таблетками от головной боли. Если какой-нибудь политик говорит, что правительственные расходы это «вложение», его попросту следует отправить искать Другую работу.

В более позднюю эпоху экономисты, как например, Жан-Батист Сэй в начале девятнадцатого века, чувствовали, что Смит недооценил экономические вклады службы. И это так. В восемнадцатом веке были слуги, а не службы сервиса. Человеку той эпохи было сложно представить, что полупьяный лакей и пропахшая дымом кухарка эволюционируют… хм, в укуренного разносчика пиццы и в девушку с пирсингом в языке на ресепшн.

Смит пытался провести — возможно, без надобности — логическое различие между товарами и услугами. Но если Смит недооценил частные услуги, это более чем компенсировано переоценкой услуг, предоставляемых «слугами общества» в прошлом и будущем. То, что потребляют правительственные работники должно, в конце концов, быть обеспечено людьми, которые это что-то производят. Смит отметил, что «непроизводящие работники… содержатся годовым продуктом земель и производственного труда страны. Но этот продукт, каков бы ни был его объем, не может быть бесконечным, и тут должны быть установлены определенные границы».

4. Вести учет правительственных расходов, а все остальные пускать на самотек.

«Великие народы, — писал Смит, — никогда не ввергаются в нищету из-за нерадивости людей в их частных делах, это скорее

может случиться из-за общественной расточительности и халатности». Причина — то, что «человек, который занимает, чтобы потратить, вскоре потерпит крах, и тот, кто одалживает ему, будет раскаиваться в своем досадном промахе. Занимать или одалживать для такой цели — не в интересах обоих сторон, если только речь не идет о чрезмерном ростовщичестве». Однако Смит никогда не слышал о кредитных карточках. Глядя на мои счета с «Мастеркард», трудно вести разговор о чрезмерном ростовщичестве. Теряется дар речи.

5. Нарушать естественный баланс торговли.

Адам Смит, слушая те же тревожные жалобы о международных долгах, какие мы слышим сегодня, дал пощечину впадающим в истерику по поводу нарушения баланса торговли: «Как бы ни было велико количество золота и серебра, отправленного за границу, мы не должны воображать, что оно вывезено безвозмездно или что его владельцы сделали подарок иностранным государствам».

6. Занижать торговые барьеры, хотя их и так все ненавидят.

Рост процветания требует расширения рынков. Выше, в книге 1 «Богатства», Смит писал: «Как возможности свободного обмена дают ход разделению труда, так же пределы разделения должны всегда соответствовать пределам этих возможностей или, другими словами, пределам рынка».

Приведем пример из современности: палестинские террористы используют разделение труда, чтобы делать бомбы, которые они страстно желают обменять на смерть и разрушение Израиля. Но пределы их возможностей обмена ограничены, потому что Израиль — не хлопушка из отдела пиротехники, и поэтому террористы вынуждены надевать эти бомбы на себя.

Возможно, это не самый удачный пример из тех которые можно было бы привести. Тем не менее он показывает, в общем и целом, что значит преступить допустимые границы в свободной международной торговле. Вот почему любые ожидания «полного раскрытия свободы торговли», по убеждению даже такого защитника свобод, как Смит — «абсурдны». Касательно этого вопроса, он напротив, не смог удержатся от пуританского ворчания: «Приобретение таких вещей… которые вероятнее всего потребляют праздные, ничего не производящие люди, — как заморские вина, заморские шелка и т. д… способствует расточительству». Наш импорт заморских штанов, открывающих пупок, потребляемых праздными тинэйджерами, вероятно, попадает в эту категорию. Как бы то ни было, не стоит забывать о том, что импорт — не «безвозмездный подарок».

7. Полагать, что человеческий капитал — это только доктора

наук.

Кроме расширения рынков, экономический рост зависит от того, насколько полезно и талантливо трудящиеся используют собственные способности. В начале книги 2 Адам Смит перечисляет различные виды ресурсов, включая «приобретенные и полезные способности всех жителей страны». В современной терминологии это называется «человеческий капитал», и он определенно не менее важен для экономического развития, чем сбережения на счету. Но на языке современного экономического планирования «развитие человеческого капитала» похоже, означает крупномасштабные вмешательства правительства в образование и дрессировку каждого, до кого государство может докопаться. Буш, например, называет свою программу вмешательства «Ни один школьник не останется без внимания». А что, если ребенок страдает от вашей навязчивой параноидальной заботы? А если он заслуживает вылететь из школы с пинком под зад?

Адам Смит прохладно относился к идее публичного образования. Его мысли по этому вопросу представлены в книге 5 «Богатства»: он считал, что некоторые правительственные субсидии на образование необходимы, чтобы «даже обычные рабочие могли себе это позволить». Но учителя, как бы то ни было, должны «оплачиваться государством частично, но не полностью… В наше время прилежание публичных учителей к своей профессии зачастую зависит от их жизненных обстоятельств, которые делают их более или менее зависимыми от их успеха или репутации», пишет Смит, как будто на злобу сегодняшнего дня. А еще он считал, что некоторые очень престижные институты высшего образования учат «по большей части бесполезной и педантичной софистике». А был ли тогда Калифорнийский университет в Беркли хотя бы в проекте?

Образовательные программы современных государств нацелены на сотворение армии выдающихся специалистов. Без сомнения, специалисты очень полезны для разделения труда. Но Смит хотел, чтобы мы поняли, насколько важны не только высокообразованные специалисты, но и простые рабочие. Квалифицируя «полезные способности» как капитал, Смит возвращается к принципу, изложенному выше, в рассмотрении разделения труда в книге 1. Каждый человек, обладающий какими-либо умениями и трудящийся, заслуживает уважения, даже «обычный пахарь… к которому относятся как образцу тупости и невежества». Каждый человек — специалист в том, что ему нужно и чего он хочет. И даже самый тупой и невежественный человек — тем не менее человек, а значит,

больше, чем просто тупица. «Никто никогда не считал, что для того чтобы жениться, требуется специальное образование», — писал Смит. Правильно. И окучивать картошку можно без диплома окучколога, — тем не менее, высокоспециализированные книги по агрономии были написаны, изданы и принесли большую пользу. Но, как отметил Смит, «вряд ли нам удастся собрать из этих многочисленных томов все те знания, которыми, как правило, обладает обычный опытный фермер, как бы презрительно ни отзывались о нем особо высокомерные авторы».

Всего несколько лет назад «обычный пахарь» Китая, по общему мнению, не обладал никаким человеческим капиталом. Сегодня он принадлежит к активу самой могущественной экономической силы в мире. И вовсе не потому, что миллиард китайских крестьян получили ученую степень по экономике.

В 1944 году Фрндрих Хэйек опубликовал книгу «Дорога к рабству», признанную второй по важности в истории экономики. Его осуждение экономического планирования было адресовано «социалистам всех партий». В главе под названием «Неизбежность планирования» он написал, что «сложно представить себе более невыносимый — и более иррациональный — мир, чем тот, в котором самым высококвалифицированным специалистам в каждой сфере указывают как действовать, без всякого внимания к их идеям и идеалам».

Адам Смит и Фридрих Хайек предупреждали нас о чудесной образовательной системе Южной Кореи и об указании Ву Сук Хуангу действовать, без всякого внимания к его идеям поддельного клонирования человеческих эмбриональных стволовых клеток.

8. Презирать розничную торговлю.

Адам Смит был одним из тех немногих серьезных мыслителей — кроме жен — которые встали на защиту розничной торговли. «Если, — писал он, — не было бы таких торговцев, как мясник, например, каждый человек был бы вынужден покупать целого быка или целого барана сразу. Это было бы неудобно богатым и еще более неудобно бедным».

А теперь негативное отношение к розничной торговле почти повсеместно. Кошмар аристократа — быть заподозренным в мелкой торговле, (иное дело — торговля машинами убийства), — и кошмар буржуазии — быть пойманными на мелкой торговле кем-нибудь вроде Сталина. Но любимые частные кондитерские и магазинчики на углу трогательнейшим образом превозносят с замирающим в ностальгии сердцем, и почему-то никогда — сетевые супермаркеты. В сельском районе Новой Англии, где я

живу, консервативные чудики, которые хотят, чтобы каждый супермаркет заменили на едва сводящую концы с концами лавку, с радостью присоединяются к либеральным партиям всяких любителей косячка, собравшихся под лозунгом «назад к природе», которые считают, что колдобины на шоссе надо защищать и сохранять как важные элементы болотной культуры. И, объединив свои силы, они уж точно смогут гарантировать, что до ближайшего супермаркета будет не меньше часа езды. «Предрассудки некоторых авторов политических сочинений против владельцев магазинчиков и торговцев, в совокупности, лишены основания, — пишет Смит. — Их число не может умножиться настолько, чтобы повредить общественности, хотя, конечно, в чрезмерном количестве они могут быть помехой друг для друга». Мудрый враг «Уол-Мар-та». Все, что нужно для поражения неприятеля, — это заставить его построиться в центре города, а еще лучше — прямо напротив дверей конкурента.

9. Равняться на стереотипы. В частности, такие как «современная жизнь полна стрессов, расписана по строгим графикам и одержима работой».

Не попадайтесь на удочку Всемирной Декларации Прав Человека ООН, которая провозглашает, что «каждый имеет право на отдых и досуг». Смотрите, откуда взяла это ООН: «Наши предки, — писал Смит, — были праздными чаще всего вынужденно, если их труд недостаточно поощрялся». Как гласит поговорка, уж лучше забавляться и валять дурака за бесплатно, чем за бесплатно работать. А любимыми забавами наших предков были «поймай ведьму», «убей еврея» и «отправь детей в детский крестовый поход».

Жизнь, проведенная в заботах и заработках, обладает своими достоинствами и заслуживает уважения, чего не скажешь о жизни, проводимой за растратой того, что заработали другие. Многим людям существование в рабочей среде кажется чем-то ужасным и бессмысленным, но, по-моему, оно все же не столь бессмысленно, как зависание целыми днями напролет в торговом центре. В качестве иллюстрации к своему высказыванию о причинах праздности Смит сравнивает разные города: те, которые содержатся администрацией, с теми, которые живут за счет бизнеса. «В тех городах, которые принципиально поддерживаются постоянным присутствием членов правления [читай — Буша и Тони Блэра], и в которых низшие классы людей в основном содержатся за счет средств бюджета, они в большинстве своем праздные, беспутные и бедные». Праздные и беспутные в Лондоне. Бедные в Вашингтоне. В противопоставление этому, «в торговых и фабричных городах, где низшие классы людей в

основном содержатся за счет работы на капитал, они в основном трудолюбивые, трезвые и преуспевающие». Конечно, в наши дни таким городом можно смело назвать Гуанчжоу на юге Китая.

10. Не хранить деньги в надежном месте.

А если вы не можете придумать ничего лучшего для ваших денюжек — просто потратьте их. Смит писал, что «каждый здравомыслящий человек будет стремиться задействовать те ресурсы, которыми он располагает, чтобы получить удовольствие в настоящем или выгоду в будущем». В самом деле, писал он, «человек должен быть совершенно не в своем уме, если при условии достаточной уверенности в безопасности, не постарается с выгодой применить все средства, которыми обладает, будь они его собственными или взятыми в долг». Но, продолжает Смит, «в тех несчастливых странах… где люди постоянно живут под угрозой насилия со стороны власть имущих, они часто скрывают большую часть своих запасов, буквально зарывая их в землю».

Сумасшедшие, собирающие запасы провизии на случай ядерной войны, несчастные пенсионеры, покупающие золото в телемагазине, одинокие затворники, собирающие веревки, алюминиевую фольгу и разбитые фары — даже все вместе взятые — это не они безумны, а политические и экономические системы, которые заставляют их думать, что им нужно все это делать. И «живущие под угрозой насилия со стороны власть имущих» — недостаточно сильная фраза для людей, стоящих на особом учете в налоговой.

11. Поддаваться всеобщему смятению по поводу глобализации.

Сложные материи в экономике можно просчитать математически. Напишите математическое уравнение человеческого сердца и умножьте каждое неизвестное на количество жителей Земли. В своих комментариях по поводу фермеров Адам Смит доказал, стремился ли он к этому или нет, что экономика непознаваема. Что делают деревенские работяги за дверями своих амбаров — чрезвычайно сложно для понимания. Безнадежные трудности экономической теории — то, чем мы можем утешиться, когда эти сложности поставят нас в тупик на практике жизни. Если мы думаем, что у нас есть теория, которая способна распутать экономический клубок, то мы безрассудны как котята с клубком пряжи — и мы котята-убийцы, если хотим обвязать этих клубком других и утащить их в колодец идеализма.

Опасность попыток вывести формулу единственно верной экономической политики из общей экономической теории — еще одно предостережение, данное нам Адамом Смитом. Последний десяток, или около того, страниц книги 2 относятся к тому, что

мы называем глобализацией. И вот тут оказалось, что тот великий человек, который создал современную экономику, был так же смущен этим вопросом, как и все без исключения наши современники.

Смит начал с пассажа о сельском хозяйстве, напоминающего хвалебные речи «Красных кхмеров»: «Из всех способов, какими может быть задействован капитал, это пока что самое выгодное для общества». Таким же неверным образом трактуется и распределение капитала на международном рынке: «Капитал владельца фабрики должен, без сомнения, находится там же, где и сама фабрика или фабрики». Смит частично исправил это ошибочное высказывание в следующем параграфе: «Не имеет большого значения, иностранцем или соотечественником является торговец, который экспортирует излишки производства какой-либо страны». А в параграфе следующем Смиту удалось выразить и верное и неверное понимание одновременно: «Гораздо большее влияние оказывает то… остается ли капитал промышленника в пределах страны или нет. Он может быть весьма полезен стране, хотя и не обязательно должен храниться в ее пределах».

Но Смит довольно быстро выпутался из этих сложностей, когда речь зашла конкретно о внутреннем и иностранном капитале. Он дал вполне ясные объяснения, почему недальновидны те деятели развивающихся стран, которые думают, что самостоятельность в сельском хозяйстве, производстве и транспортировке — кратчайший путь к процветанию: «Как бы то ни было, пытаться делать все это сразу, не обладая достаточным капиталом и достаточным уровнем развития — определенно, не кратчайший путь». Но Смит не знал, что Соединенные Штаты вскоре покажут противоположный пример. «Если бы американцы, — писал Смит, — остановили импорт европейских промышленных товаров и тем самым открыли монополию на производство подобных товаров для своих граждан… они снизили бы, а не повысили последующий рост стоимости своего внутреннего годового продукта».

На последующие 150 лет Америка заломит пошлины на иностранную продукцию в размере от высоких до запредельно высоких. Конечно, такое использование международного рынка Америкой станет исключением, которое, впрочем, только подтверждает правило.

Страшнее думать, что Смит был прав относительно эффектов американского протекционизма, чем думать, что он ошибался. Только представьте Америку 1850-х настолько же богатой, как сейчас — и не имеющей понятия о том, куда девать все эти

деньги, кроме закупки еще большего количества рабов, хлыстов для коней и пистолетов.

Оставив нас теряться в догадках и сомнениях по поводу вопросов о задействовании потоков капитала и о странах с развивающейся экономикой, Смит погрузился в не менее труднодоступные области, касающиеся размеров возвращения прибыли на капитал: «Но возвращение прибылей с иностранной торговли товарами потребления очень редко происходит настолько же быстро, насколько с внутренней». Подчеркивая ценность быстрой прибыли, Смит спорил против собственного аргумента в пользу сельского хозяйства. Делать деньги на фермерском хозяйстве — это смотреть, как растет трава. Смит также коснулся теории «скорости денег», которую подробно изложит Джон Майнард Кейнс в 1930-х и которую так никогда никто и не понял, включая самого Кейнса.

Смит закончил свой раздел, посвященный теме, которую мы называем глобализация, замечанием о человеческой изобретательности в практике рыночных свобод: «Мы каждый день видим самые роскошные состояния, которые были собраны в течение единственной жизни, благодаря торговле и производству, часто из очень маленького капитала, иногда из ничего».

12. Прислушиваться к мнению экспертов.

Смит писал: «Не проходило и пяти лет без того, чтобы не выходили в свет какая-нибудь книга или памфлет… якобы доказывающий, что богатство народа быстро приходит в упадок».

13. А в особенности, экономистов.

Если вы знаете что-либо об экономике, это не меняет простой истины: экономика непостижима. Экономисты могут предсказать будущее не лучше, чем Дженнифер Энистон или Дональд Рамсфельд могли предсказать Брэда Питта и Ирак.

Адам Смит, вероятно, знал почти все, что могло быть известно об экономике в конце восемнадцатого века, но он не сумел предвидеть, какую важную роль будут играть акционерные общества и корпорации. Наставник современного капитализма просто не верил, что организации такого типа могли достичь успеха, а сегодня они являются ключевыми фигурами мировой экономики. Смит описал корпорации как обладающие «огромным капиталом, разделенным на огромное число собственников». Он писал: «Таким образом, естественно было ожидать, что недальновидность, халатность и расточительность должны преобладать в целом управления их делами». Похоже, выходит так, что Смит был прав в большем количестве случаев, чем хотелось бы инвесторам на глобальном рынке.

Еще более поразительно то, что Смиту не удалось

предсказать индустриальную революцию. Причем не просто не удалось предсказать — а не удалось распознать, стоя, буквально, лицом к лицу: ведь Смит был близким другом Джеймса Уатта, изобретателя парового двигателя! Смит помог Уатту найти рабочее место в Университете Глазго, после того как местная гильдия жестянщиков (делая все возможное, чтобы доказать своим негативным примером правоту Смита по поводу свободы рынка) не позволила Уатту открыть в городе свой магазин. Смит познакомился с Уаттом на встречах в светском клубе Глазго, и во время написания «Богатства народов» даже сделал некоторые вложения в разработку машины для промышленного изготовления дубликатов, над созданием которой трудился Уатт. К тому же, Смит полностью оценил гений Уатта. В ранних черновиках «Богатства» он писал: «Тот, кто сумел изобрести огневой двигатель, мог быть только философом». (То, что устройству, толкающему пар, было дано такое название, заставляет нас думать о людях в касках и со шлангами, которые пытаются спасти остатки нашей погоревшей во имя экспериментов крыши, — но на самом деле это вполне точный термин.)

Адам Смит не предсказал индустриальную революцию по очень простой причине: он думал, что она уже произошла. Смит полагал, что есть три пути увеличения «годового продукта», ВВП страны. Число жителей страны может расти, но это не много дает для ВВП надушу населения. Разделение труда может продвигаться, но этому есть известные пределы. (Ну, например, я бы мог писать глаголы и существительные, мой подопечный прилагательные и наречия, а самый низкооплачиваемый работник писал бы предлоги и союзы.) Третий путь увеличения ВВП — «некоторые добавления и улучшения в тех машинах и инструментах, которые облегчают и сокращают труд». Смит думал, что этот последний метод был настолько самоочевидно эффективным и самым важным, что даже не счел нужным излагать его подробно. В первой главе книги 1 «Богатства народов» он просто написал, что «каждый, должно быть, знает, насколько облегчают и сокращают ТРУД соответствующие машины. Нет нужды приводить какие-либо примеры».

О чем Смит действительно не мог и догадываться, так это не о качестве индустриальной революции, а об огромном, заставившем содрогнуться мир масштабе. Смит был противником составления прогнозов и планирования в экономике. И собственными ошибками в отношении будущего доказал свою правоту.

Так что вспомним Адама Смита и то, как ему не удалось

прочесть столь многие знаки на спиритической доске своей великой теории, когда мы слышим, как эксперты благоговейно вещают нам о компьютерной революции. Ее результаты могут оказаться в десяток раз более масштабными, чем мы ожидаем (примерно в десять-двенадцать раз увеличился западноевропейский ВВП на душу населения с 1820-х по 1990-е годы). А может быть, ее результаты уже перед нашими глазами, и компьютерную революцию запомнят в основном как период, когда странные индивидуумы носили уродливые очки, бесформенные джинсы и футболки с дурацкими надписями — непонятно, кто мог ходить в таком виде на свидания и как им вообще удалось продолжить свой род.

Глава 7. «БОГАТСТВО НАРОДОВ», КНИГА 3 «О РАЗЛИЧИЯХ В РОСТЕ БОГАТСТВА У РАЗНЫХ НАРОДОВ», ИЛИ СПАСИБО ВЛАСТЬ ИМУЩИМ ЗА ИХ ГЛУПОСТЬ

Первые две книги «Богатства народов» — это обоснование веры Адама Смита в экономический прогресс. Причем его учение основано не на том, что человек добр или что Бог велик, но на логике здравого смысла. У нас есть потребность заботиться о себе: что из этого следует? Правильно, экономический прогресс. И даже если он не происходит, то должен происходить, «если люди не будут строить искусственных препятствий этой естественной склонности».

Книга 3 «Богатства» — это рассмотрение тех преград, которые могут препятствовать прогрессу, [a] также того, каким образом это препятствование осуществляется. Однако название главы может немного сбить нас с толку. Смит сравнивает условия экономического развития, скорее, в разные эпохи, а не в разных странах, фактически, проделывая анализ экономической истории Западной Европы от падения Рима до конца эпохи феодализма. Эта краткая сводка, суть которой излагается на тридцати с лишним страницах, содержит, возможно, самый блестящий (и определенно самый лаконичный) из всех аналитических обзоров Смита.

Причем особенно блестящим и восхитительным этот очерк причин и следствий представляется нам, счастливым наследникам западноевропейского экономического прогресса. Удача — это всегда редкость, но заполучить доступ к механизму, который эту удачу производит — и вовсе неслыханное чудо. Прочесть книгу 3 — все равно что найти волшебную кроличью лапку, которая прыгает по листу биржевых сводок и указывает на самые горячие, вот-вот готовые взлететь акции.

То, что случилось с римскими провинциями в Европе в пятом веке можно сравнить с вторжением тех самых честолюбивых индивидуумов, упомянутых в «Теории нравственных чувств»: «Тех… кому знакомо чувство обладания или даже надежды на общественное признание и поклонение, для них все другие радости меркнут и теряют смысл». Варвары, вторгшиеся в богатые земли «ради положения, этого величайшего предмета вожделения» явились «причиной всех беспорядков и конфликтов, преступлений и несправедливости».

Смит писал, что «грабежи и насилие, совершаемое варварами», оставили западную Европу «в состоянии крайней нищеты». Торговля была разлажена, города разорены и разрушены, поля не возделаны. Но несмотря на то, что власть закона и, соответственно, все юридические права были повергнуты в небытие, результат оказался вовсе не таким, как в песне Леннона «Imagine»: «Представь себе, что нет ничьих владений». Смит подчеркивает: «Ничто из того, что имело хоть какую-нибудь ценность в разрушенном Риме, не осталось без хозяина». Вакуум, образующийся после падения власти, не заполняется ни песнями поп-идолов, ни плясками анархистов. Отсутствие власти заполняется еще более сильной и еще более суровой властью. В сравнении с мелкими племенными вождями, разворовавшими западную Европу, Михаил Бакунин выглядит таким же ручным и послушным представителем среднего класса, как члены городского правления.

Варварские вожди не грабили земли, чтобы стать богатыми. Они и так были богатыми. Шопинг очень легок и удобен, если компанию тебе составляет банда вооруженных до зубов головорезов. Хотя в темные века покупки и не были очень уж престижным развлечением. Что же тогда варварские лорды делали с продуктами своих земель? А ничего. Они их просто раздавали.

Но они делали это не потому, что были очень щедрыми. Они делали это потому, что жаждали еще большей власти. «Крупный землевладелец, — писал Смит, — не имея ничего, на что он мог бы обменять большую часть продуктов своих земель… пользовался всем у себя дома и при этом не отказывал в гостеприимстве». Это не значило, что хозяин просто пировал в окружении многочисленных гостей и шутов, устраивал рыцарские поединки, и все они беззаботно и беспечно забрасывали полы средневековых сетевых ресторанов куриными костями. Пировать — значило кормить бандитов. Чем больше головорезов мог кормить вождь, тем больше у него было власти. Смит отмечал, что во время Вильгельма Руфуса, сына Вильгельма Завоевателя, Вестминстерский холл был не местом чинного заседания парламента — это была столовая. «Земля считалась не только источником средств к существованию, — писал Смит, — но и средством достижения власти и обеспечения защиты. Авторитет… соответствовал размерам и роскошности владений».

Собственность равняется власти — это формула, за которую быстро ухватились левые. Но капитализм расширил определение собственности и ослабил знак равенства. Прежде власть проистекала из субстанции конечной: было ограниченное

количество власти, потому что было ограниченное количество земли. Было так: любая власть, полученная мной — это власть, которую я отбираю у тебя, когда забираю себе твой задний двор. Переместив источник власти из недвижимости в деньги, капитализм сделал власть бесконечной. И тогда начался процесс отделения экономической власти от власти над судьбами народов: «Тот, кому удается стяжать большое состояние, не обязательно получает какую-либо политическую власть». Так что новыми феодальными высочествами, заседающими в крепости под защитой бандитов, были социалисты. Они возвратили источник власти конечному предмету — политике. Это когда любая власть, полученная мной — это власть, которую я ворую у тебя на выборах.

Слово феодализм сегодня стало расхожим эпитетом, который мы используем чаще всего, чтобы просто презрительно отозваться о любом типе власти, который нам не по душе. Но Адам Смит имел в виду совершенно определенный строй, противником которого он был отнюдь не только по причине умозрительной. В 1745 году, когда Смит был еще студентом колледжа, феодальные кланы Хайленда затеяли восстание, вошедшее в историю как восстание якобитов. Но во все времена политическое было и личным тоже: английские студенты Баллиола были в основном якобитами, слепо настроенными против шотландцев. А Смит был и шотландцем, и анти-якобитом.

Эта ситуация задевала чувства Смита не только в школе, хайлендеры угрожали его родному городу Киркалди и вымогали деньги у жителей, среди которых была и мать Смита. Глазго, куда он отправился, чтобы продолжить учебу в университете, был опустошен. И близкий друг Смита Джон Хоум (впоследствии прославившийся как драматург) предводительствовал группой студентов в тщетной попытке выставить захватчиков из Эдинбурга.

Другой друг Смита, либеральный пресвитерианский священник Александр Карлайл, назвал хайлендеров, оккупировавших Эдинбург «грубыми и грязными… отвратительной наружности». Рискнем предположить, что это описание вполне может подойти для всего благородного сословия западной Европы — от вождя вестготов Алариха до того времени, когда аристократы начали жениться на американских кинозвездах. И это еще больше похоже на правду, если мы прилагаем «грубый» к нравам и отношениям, «грязный» к морали и «отвратительная наружность» к тому факту, что феодальная знать вообще обнаружилась на западноевропейской земле.

Смит терпеть не мог феодальные традиции — передавать

право наследования старшему сыну и закреплять порядок наследования земли без права отчуждения, чтобы сохранять поместья неделимыми. Феодалам было запрещено продавать или отдавать любую часть земли, единственное, что они могли с ней сделать — это завещать все единственному наследнику. Они делали так, писал Смит, «основываясь на самом абсурдном из всех предположений… что каждое последующее поколение не обладает равным правом на землю и все что на ней находится». Ограничения на передачу земли давали феодалам гарантию, что пропитание каждого зависит от них, и поэтому они могут безбедно благоденствовать и почитаться за важных и могущественных государственных деятелей.

Была еще одна причина, по которой самодостаточность обычных людей на маленьких частных наделах земли должна была быть пресечена на корню. Крестьяне, само собой, были лучшими фермерами, чем бандиты. «Редко случается, — пишет Смит, — что крупный землевладелец способен в то же время к крупным улучшениям в своем хозяйстве». Порядок наследования и запрет на отчуждение земли были нужны, чтобы не позволить крестьянам достичь экономического преимущества. Смит отмечал, что правящий класс был слишком занят, чтобы, скажем, повышать урожай. «В смутные времена, когда началось образование этих варварских архипелагов, крупные землевладельцы были заняты преимущественно защитой собственных территорий или в расширением своих владений». А когда правящий класс не был занят своим главным делом, он оказывался попросту некомпетентен. «Чтобы улучшить хозяйство с выгодой для себя, — писал Смит, — нужно быть очень внимательным, экономить на мелочах, не стремясь к грандиозным достижениям; в общем, все то, на что человек, рожденный в богатстве… очень редко способен».

Смита возмущало то, что «права на собственность поколения настоящего должны быть ограничены и строго определены в соответствии с предпочтениями тех, кто умер, возможно, пятьсот лет назад». Причем это возмущение разделялось поместным дворянством смитовского времени. По сути, то же самое возмущает нас и сегодня, когда экологи-активисты заявляют, что мы на самом деле не «владеем» землей, потому что «она принадлежит поколениям будущего» — и пределы собственности поколения настоящего установлены теми, кто еще даже не родился. Может быть, Джейн Остин так и задумала в «Гордости и предубеждении», чтобы недалекая миссис Беннет произнесла, сама того не осознавая, серьезную житейскую мудрость: «Когда имение вот так вот переходит по наследству, оно может достаться

кому угодно».

Хотя, в общем-то, сама жизнь привела ход истории к поместьям феодальной эпохи: это легко представить — или увидеть — если совершить «увлекательный и полный приключений тур» в некоторые части Африки, Азии или Латинской Америки. В Темные Века все простые смертные имели примерно такие же права, как сегодня несовершеннолетний работник какой-нибудь фабрики кроссовок в Гватемале. «Все они, — писал Смит, — или почти все, были рабами». А рабам вообще не полагается иметь частную собственность, и тем более права на нее. Но феодальные рабы не обладали даже правом быть частной собственностью кого-то еще. «Полагалось, — писал Смит, — что они должны принадлежать более непосредственно месту, земле, на которой работают, чем хозяевам этой земли». Обычные рабовладельцы, как правило, хоть как-то заинтересованы в благополучии своих рабов. А феодальная знать не была заинтересована никак. «Если от крупных землевладельцев редко можно ожидать крупных улучшений хозяйства, — продолжал Смит, — то они по крайней мере возможны, если хозяева задействуют своих рабов в качестве рабочей силы».

Здесь Смит не упустил возможность привести свой экономический аргумент против рабства: «Опыт всех времен и народов, как я полагаю, демонстрирует, что работа, выполненная рабами, хотя она стоит только их содержания, в конце концов оказывается самой дорогой. Тот, кто не может получить никакого имущества, не заинтересован ни в чем другом, кроме как есть как можно больше и работать как можно меньше». И хотя этот аргумент ничуть не напоминает слоганы аболиционистов, похоже, что холодный расчет сделал для освобождения человечества больше, чем Уильям Уилберфорс [1], Гарриет Бичер-Стоу [2] или Джон Браун [3]. У феодальных крепостных, возможно, и была склонность рассиживаться без дела и кушать (когда вообще было что кушать), но они не были дураками. Они воспользовались тем преимуществом, что выездное расписание грабежей и насилия у знати было довольно плотным, и в их отсутствие по-тихому и понемногу промышляли торговлей. Торговля хоть и не была в те времена крупным источником доходов, но все-таки, конечно, существовала, ибо минимальный обмен товарами необходим даже для самого убогого и примитивного существования.

Когда землевладельцы поняли, что бессмысленно запрещать крестьянам торговать, они изобрели рэкет. «В те дни, — писал Смит, — защита редко предоставлялась без ценного

вознаграждения». (Впрочем, и в наши дни тоже.) Так, «пошлины налагались на торгующих, на товары и даже просто на возможность для путешественника проехать по данной земле». Если крестьянин пересекал границы земли знатного господина, его непременно тормозили, проводили тщательную ревизию его повозки и настоятельно рекомендовали делиться. Как написано у Смита, по-английски эти процедуры назывались «passage, pontage, lastage, stallage» (прохождение, наложение пошлины, задержка, переведение). Что-то эти слова напоминают… не названия ли юридических операций?

Содержа на пятизвездочном прокорме целые толпы головорезов, знать вечно была на грани банкротства. И конечно же, хитрые и предусмотрительные крестьяне быстро выяснили, что знатным господам больше нравилась выплата определенных сумм, чем негарантированные поборы со случайных кожевников или разводчиков репы. И крестьяне, похоже, оказались умнее своих господ в том, что касалось подсчета выгоды от фиксированных пошлин. Наверное, они все считали по пальцам, и поэтому лучше умел считать тот, кому их не отрубали в каких-нибудь сраженьях на мечах.

Те торговцы, которые исправно платили властям и тем самым освобождались от побочных налогов и податей, получали звание «свободные торговцы» или, если они торговали в крупных городах, «свободные горожане». Торговые города росли до тех пор, пока в них не собиралось достаточно свободных жителей для объединения — не для того, чтобы бросить вызов господам, но чтобы ублажать их взятками более эффективно. Такие горожане (собственно, первые представители буржуазии) изобрели принцип ведения бизнеса, известный сегодня как «корпорация». Объединяясь в корпоративные союзы, они давали феодальному лорду гарантию, что тот получит свою дань одним большим куском со всего города-то есть со всех торговцев сразу, и будет избавлен от забот и расходов по сбору денег с каждого. И это пришлось господам по вкусу, ибо оставляло больше времени и средств на любимые драки с соседями.

Взяв на собственные плечи заботу по сбору налогов с самих себя, горожане спаслись от наводящих ужас вторжений «придворных» сборщиков налогов. Деньгами и хитростью, утверждал Смит, горожане начали мало-помалу приобретать возможности самостоятельно распоряжаться своими делами, «так что они наконец смогли сами решать, за кого отдавать замуж своих дочерей, что и в каком порядке будут наследовать их дети и что они могут предпринимать в собственных интересах… Таким образом, они избавились от принципиальных атрибутов

крепостной зависимости и рабства, и… стали действительно свободными, в нашем сегодняшнем смысле слова свобода».

Получается, что богатые корпорации вовсе не нарушают право собственности, а являются его источником. Сегодня все любят гордо произносить благороднейшее «каждый человек имеет право на свободу», но мы-то знаем, откуда мы действительно взяли нашу свободу. Мы купили ее.

Что касается цены, которую мы уплатили — это, конечно, был чистый грабеж. Свободы, которые горожане выкупили у феодальных правителей, были проданы не за проценты от прибыли со свободного бизнеса, а за фиксированную годовую цену в золоте. Властолюбивые отпрыски грубых и грязных варваров не понимали и не хотели понимать, что такое экономический кризис или инфляция. Они не понимали ничего, кроме насилия. Можно почти услышать, с каким удовлетворением Адам Смит писал следующее:

«Но это может казаться во всех отношениях примечательным, что соверены всех различных стран Европы обменивали на определенную и никогда больше не способную увеличиться сумму тот источник своего дохода, который был, возможно, самым изобильным из всех, в плане роста богатства за счет естественного хода дел, без затрат или собственного внимания».

Деловые качества — это, по сути, изобретение среднего класса. Древние греки и римляне, несмотря на всю свою гениальность, ими не обладали. В противном случае они бы отказались от содержания рабов, с его нуждой заботиться об их здоровье и покорности. Они бы освободили рабов, превратили их в покупателей и оставили неквалифицированный труд для Согдианы и Гауля. Средневековые горожане стали не только в современном смысле слова свободными, но еще и в современном смысле слова умными. «Из привычек, — писал Смит, — к порядку, экономии и внимательности естественным образом формируется склад ума коммерсанта, тот образ мышления, который помогает исполнить, с выгодой и успехом, любой деловой проект».

Другое, и еще более важное изобретение среднего класса — это хорошее правительство. Полити ческая сообразительность была необходима для выживания городов. Горожане были как гуси, несущие золотые яйца феодальным властям, но мы знаем, как неожиданно счастливо эта история закончилась для гусей. Чтобы избежать участи быть, образно " а может быть, и буквально — выражаясь, выпотрошенными, бюргеры, кроме всего прочего, еще и настраивали феодальные власти друг против друга.

Адам Смит не позволил себе поддаться соблазну углубиться в

дебри истории возвышения и падения королевств и объединений народов. Он лишь кратко описал существенное: какое впечатление на вторгшихся варваров производила сама грандиозная идея империи. Более могущественные феодалы всегда претендовали на власть над менее сильными и уж точно не упускали ни одной возможности назваться королем чего-нибудь.

«Лорды презирали бюргеров, — писал Смит, — которых они считали… кучкой эмансипированных рабов… А бюргеры, естественно, ненавидели и боялись всех лордов. Король тоже ненавидел и боялся их; но… у него не было причины ненавидеть или бояться бюргеров». Кому это нужно — ненавидеть источник доходов, к тому же беспомощный и безобидный? А к тому же королевские головорезы находились обычно дальше, чем бандюги местных лордов, так что бюргеры любили короля больше еще и по этой причине. «Взаимный интерес… располагал горожан поддерживать короля и располагал короля поддерживать горожан против лордов». (Так, по-видимому, и возникло некоторое родство между богатыми городскими жителями и сильным центральным правительством; оно проявляется и сегодня, в политических предпочтениях городских элит.)

Однако чтобы проявить политическую сообразительность, надо прежде всего иметь к тому возможность. «Развитие торговли и производства, — писал Смит, — постепенно способствовали установлению порядка и хорошего правительства, и вместе с ними, прав, свобод и защищенности людей, живших прежде в рабской зависимости от своих превосходительств, в почти постоянном состоянии войны с соседями».

Левого толка критики принципов свободного рынка убеждены, что капитализм — это сплошь жульничество и обман. И они правы. Мы обвели вокруг пальца феодальные власти, чтобы они освободили нас, и мы сумели остаться свободными, лишь продолжая сбивать их с толку. Мы пользовались всяческими хитростями и крючкотворством, чтобы основать свои города, стать богатой буржуазией, и обеспечить себя предметами комфорта. Мы оставили варварскую аристократию в их грязных замках, беспечно забрасывать полы куриными костями.

На этом с принципиальным мошенничеством было покончено. Мы и так сделали самое худшее, что можно сделать для дураков: мы дали им то, чего они хотели. Города богатели, покупали заморские дивные вещи, развивали искусства и ремесла. Среди этих вещей и произведений знатные открывали для себя то, на что они потратили бы деньги куда охотнее, чем на кормежку бандюг. И бюджеты пиров пришлось понемногу сокращать. И варварское гостеприимство пришлось понемногу

умерить.

Адам Смит утверждал: самолюбие феодальных лордов было настолько гипертрофировано, что парадоксальным образом превосходило даже их инстинкт самосохранения:

«Все для нас и ничего для других — этот девиз, похоже, во все времена был практической максимой одержимых жаждой власти. И когда такие люди нашли способ единолично потреблять все, что давали им их владения, у них уже не возникало никакой предрасположенности делиться с кем-то еще. За пару алмазных пряжек или за что-нибудь столь же легкомысленное и бесполезное они могли отдать… стоимость содержания, возможно, тысячи человек в год, и вместе с этим легко отдать весь авторитет, который это могло бы им принести. Но зато пряжками они могли обладать целиком и полностью единолично, и ни одно другое человеческое существо не могло притязать и на малую их часть; тогда как пользуясь более полезным, и более дальновидным способом употребления богатства, они должны были бы делить свое состояние по крайней мере с тысячью человек… и так, на удовлетворение самых глупых, самых низких и самых мерзких прихотей они постепенно разменивали всю свою власть и авторитет».

Никогда не жалуйтесь на тупость власть имущих. Это их самая лучшая черта. За последние годы нам не раз приходилось наблюдать, как различные власть имущие лица обменивали свой авторитет на удовлетворение детских прихотей. Возможно, королевская семья Саудовской Аравии будет следующей, кто пострадает от судьбы, описанной Смитом:

«Продав свои права первородства не как Исав — за черевичную похлебку во время голода и нужды, — а в распутной роскоши, за безделушки и пустяки, более походящие на детские игрушки, чем На предметы, достойные интереса взрослых, серьезных людей, они стали настолько же малозначимыми во власти фигурами, как любой из столь презираемых ими зажиточных бюргеров».

Свержение феодального гнета, установление принципа самоуправления и обретение «свободы в нашем, сегодняшнем, смысле слова свобода» — все это было плодами мошенничества, надувательства и обмана. Не было никаких страстных и мечтательных идеалистов, вырвавших сердце из груди и осветивших путь. Никакие герои не призывали массы сбросить оковы и гордо шагать к светлому будущему. Не было мучеников за идею. «Таким образом, — заключил Смит, — революция величайшей важности для будущего человеческого благополучия оказалась совершена благодаря тому, что два класса людей

преследовали свои личные интересы, и при этом — ни у одного из двух не было и малейшего намерения послужить на благо общества».

Глава 8. «БОГАТСТВО НАРОДОВ», КНИГА 4 «О СИСТЕМАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ» АДАМ СМИТ В РАЗДУМЬЯХ НАД ПРОБЛЕМОЙ КИТАЙСКОЙ ТОРГОВЛИ

Если бы потребовалось назвать конкретную причину, ради которой стоит прочесть «Богатство народов», то ее можно было бы запросто выразить в трех словах: глобальная свободная торговля. Не производит впечатления? Тогда уточним — нам не понаслышке знаком один частный пример глобальной свободной торговли, который тревожит нас, тревожит очень сильно. Для этого примера и одного слова будет достаточно: Китай.

Раздумья о Китае, похоже, способны раскипятить вполне интеллигентные головы до СОСТОЯНИЯ алых китайских фонариков. И в частности, они побуждают вполне здравых людей одурманиваться непостижимыми вычислениями — загадочными, как китайская грамота, — того, какое отношение имеет то или это к цене чая сами-знаете-где. Мы пребываем в недоумении по поводу Китая еще со времен Марко Поло. Он такой необъятный, такой многолюдный, такой… китайский. А ведь до конца тринадцатого века мы и не осознавали, что он там был.

Нет, конечно — торговля с Китаем велась со времен Рима, но разве ведали мы, что творим? Впрочем, сознанию нелегко справиться с феноменом Китая и сейчас. Мы поражены и шокированы. Кажется, что китайцы продают нам все. А вот мы врядли продаем Китаю хоть что-нибудь. Китай становится дико богатым. А что станет с нами?

Панические статьи о нарушении равновесия в торговле гремят в «Нью-Йорк таймс» и других уважаемых изданиях. В 2005 я начал вырывать такие листы из газет и распихивать по карманам, и делал это до тех пор, пока не начал выглядеть как набитое чучело для хэллоуинского костра (хотя, может быть, так им и надо, этим мерзким взрослым, сочиняющим всякую экономическую чепуху?).

Соединенные Штаты импортируют гораздо больше, чем экспортируют, и по большей части — благодаря Китаю. У себя дома я обнаруживаю лейблы «Made in China» на всем, кроме детей и собак. И то — насчет детей я не уверен. У них карие глаза и маленькие носики.

В июне 2005 года квартальный дефицит прибыли с торговли в США достиг 195 миллиардов долларов. В «Нью-Йорк тайме» во

всеуслышанье заявили: «Новости неутешительны: экономика не может обеспечить растущий уровень внешнего долга». То, что мы импортируем все товары, кроме золотистых ретриверов, означает одно — что американские деньги должны быть отправлены за границу оплатить счета. Деньги — это бумага, заключающая в себе обязательство. Американские документы по долговым обязательствам копятся грудами и горами. В одной из статей «Таймс» отмечено: «Чтобы поддерживать экономику на плаву, США занимают около 2,1 миллиардов долларов ежедневно».

И неважно, что международная «текущая задолженность» несравнима с частными долгами, и Ху Цзиньтао не появится у моей двери, угрожая изъять за неплатеж мой компьютер, потому что у него ко мне счет на пятьдесят баксов. «Нью-Йорк таймс» не устает приводить тревожные цитаты. Сенатор Северной Дакоты Байрон Дорган сказал, что нехватка средств достигла «опасных уровней, которые могут повредить будущему этой страны». И конгрессмен Мэриленда Бенджамин Л. Кардин сказал (нарочито избегая слова «будущее», которое многих может заставить просто отмахнуться от такой чепухи): «Эта ситуация серьезно ставит под вопрос нашу способность контролировать собственную судьбу».

В «Нью-Йорк таймс мэгэзин» в июне 2005 года было отмечено, что «проблеме долгового кризиса не уделяется необходимое внимание, в то время как его разрушительное воздействие на американскую экономику набирает силы». Также приводятся слова бывшего главы Федерального резерва Пола Волкера: «Во всей совокупности, текущие обстоятельства кажутся мне более опасными и тяжелыми, чем любые другие на моей памяти». Учитывая, что Волкер стал главой Федерального резерва в мрачноватые для экономики времена администрации Картера — это очень сильное заявление. Хотя, возможно, Волкер предпочел забыть, каким опасным и тяжелым для недовольных мог быть сам Картер?

В «Вашингтон пост» в феврале 2005 года старший иностранный корреспондент Джим Хог-ланд писал: «Горстка азиатских стран во главе с Китаем… держит около 70 процентов мировой иностранной валюты… И Китай мог бы поставить экономику США на колени, устроив глобальную распродажу доллара».

Эксперты были страшно огорчены тем, что происходило с американскими деньгами, и не меньше огорчены тем, что происходило с деньгами китайскими. Китайцы продолжали и продолжают настаивать, что их деньги, юани, стоят намного меньше, чем их оценивает любая современная теория цены. «Критики торговли с Китаем, — отмечено в «Нью-Йорк таймс»

(издании, которое и само является не последним из таковых), — сообщают, что юань очень и очень недооценен… и это дает китайским производителям нечестное преимущество в конкуренции».

В «Таймс», одна из статей под рубрикой «частное мнение», написанная сенатором Чарльзом Шумером и Линдсей Грэм (а может быть, и каким-нибудь недоплачиваемым младшим сотрудником, потакающим капризам политологов) начинается так: «Взволнованные нечестной игрой Китая на свободном рынке, мы предложили законопроект, устанавливающий пошлины на ввоз китайских товаров в США, если Пекин продолжит удерживать цену своей валюты искусственно низкой по отношению к доллару».

В деле свободной торговли валюта другой страны не может быть слишком низкой. Это все равно, что обратиться в Лос-Анджелесе к агенту недвижимости и услышать от него: «Есть отличный дом в Беверли-Хиллз. Цена пять миллионов долларов. Но продавцы согласны принять пять миллионов мексиканских песо!»

Даже беглое, поверхностное чтение «Богатства народов» успокоило бы Шумера, Грэм, Хогланда и всех остальных.

А может, и не успокоило бы. Эти люди — члены американского истэблишмента. Адам Смит был активным противником истэблишмента, по сути, угрожая своими сочинениями их власти и привилегиям. Смит пытался улучшить экономическое положение обычных людей. А это подрывное предприятие, как показала книга 3 «Богатства» о разрушении феодализма. И важной частью подрывной деятельности Смита была его попытка опровергнуть меркантилистский образ мысли (и, вероятно, образ мысли «Таймс» он тоже причислил бы к таковому…).

В книге 4 «Богатства» Смит посвящает столько же места опровержению меркантилистов, сколько он посвящает в книге 1 обоснованию основных принципов разделения труда и свободы торговли. Выстраивая жесткую критику меркантилистского истэблишмента, Смит снова обращается к приведенным ранее аргументам. Он заново применил свою логику к таким вопросам, как, например, государственные субсидии для внутренней промышленности: «Торговля, которую нельзя поддержать ничем, кроме правительственных дотаций, — это неизбежно убыточная торговля». И еще представил дополнительные доказательства того, что достоинство денег субъективно, на тот случай, если редакция какого-нибудь «Нью-Йорк тайме» восемнадцатого века не поняла с первого раза. Смит пытался сделать эти повторения

интересными и для более сообразительных читателей. Касательно оценки стоимости валют, Смит рассказал вот такой анекдот:

«Когда испанцы открыли Америку, их первым вопросом… было — есть ли в округе какое-нибудь золото или серебро?.. Плано Карпино, монах, отправленный в качестве посла от короля Франции к одному из сыновей знаменитого Чингисхана, сообщал, что татары часто спрашивали его, много ли во Французском Королевстве овец и быков? Их вопрос был направлен на тот же предмет, что и вопрос испанцев. Они хотели знать, достаточно ли богатой была страна, чтобы стоило ее завоевывать. Среди татар… скот — это инструмент торговли, т. е. мера стоимости. Богатство, таким образом, в соответствии с их представлениями, заключалось в скоте, как в соответствии с представлениями испанцев оно заключалось в золоте и серебре. Из этих двух вариантов понимание татар, возможно, было более близким к истине».

Меркантилисты никогда не могли как следует убедить себя в том, что коровы в их карманах не были реальной мерой их богатства. Они, как выразился Смит, не видели того, что «вещи могут служить многим другим целям, кроме покупки денег, но деньги не могут служить другой цели, кроме покупки вещей».

Утекающие из страны деньги должны быть некоторого рода проблемой, неважно, сколько высококачественных и недорогих единиц бытовой электротехники страна за это получает. Но, как пишет Смит, «опыт показывает, что иностранная торговля обогащает страну, а почему или каким образом, никто по-настоящему не знает».

Меркантилисты полагали, что позитивный баланс торговли, с его текущим избытком прибыли, был именно тем, к чему следует стремиться, — а еще лучше, как для сенатора Шумера и Грэм — тем, что узаконено. Интересно: почитав как следует Смита — согласились бы они все-таки, что он прав? Или продолжали бы настаивать на своем, объявляя Смита пустозвоном и невеждой? Так или иначе — всем известно, по ком звонит колокол.

«Нет такой торговой страны в Европе, которой не был бы предсказан надвигающийся крах… от нежелательного баланса в торговле», — писал Смит, делая новости «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост» весьма и весьма старыми новостями. «Нет ничего более абсурдного, — писал Смит, — чем вся эта доктрина, все это учение о балансе торговли». Как Смит уже ясно объяснил, каждая свободно сформировавшаяся торговля сбалансирована по определению. Определение не меняется оттого, что один торговец получает айпод, а другой — вызов в налоговую.

Давайте допустим, спора ради, что большой внешний долг за

маленький айпод — это плохо.

Возможно. Но паниковать и бросаться делать что-то этому поводу — еще хуже. Накладывать государственные ограничения на торговлю — означает накладывать ограничения на нашу свободу. Если это происходит, то мы, по сути, отдаем нашу возможность свободного принятия решений в подчинение тем, кого Смит назвал «эти хитрые и искусные звери, которые предстают нам как политики и государственные деятели, чьи советники руководимы лишь сиюминутной выгодой и сиюминутными колебаниями дел». А еще Смит писал о них:

«Чиновникам, которые пытаются указать частным лицам, каким образом им задействовать свой капитал, не должен доверять никто — ни частные лица, ни советники, ни сенат. Потому что капитал нигде не будет в такой большой опасности, как в руках человека, который возымел глупость и самонадеянность считать себя подходящим для этого».

И более того, Смит утверждал, что такие хитрые и искусные звери, как Шумер или Грэм — это также источник угнетения:

«Запрещать великому народу… делать то, что каждый считает нужным, с собственной частью общего продукта, и препятствовать им задействовать их ресурсы тем способом, который они считают самым выгодным, — это проявление насилия в отношении самых священных прав человека».

Если в настоящий момент этот великий народ — китайцы, тогда что? Адам Смит предвидел китайский производственный потенциал (даже если он и не предвидел индустриальную революцию): «Благодаря более обширной навигации, китайцы естественно научились бы искусству использовать и сооружать самим все те различные машины, которые применяют для облегчения труда в других странах». Но во времена Смита это была проблема китайских мыслителей, а не наших. «Китайцы, — писал Смит, — не особенно уважают иностранную торговлю. “Ваша жалкая торговля!” — в такой манере руководители Пекина раньше говорили с мистером де Ланге, русским представителем». (Очевидно, они убедили его. Российская торговля действительно жалкая и до сих пор — во всем, кроме нефти, газа и ядерных боеголовок.)

Смит с пренебрежением относился и к запретам в торговле: «Те рабочие… которые страдали от запрета наших соседей, не извлекут пользу и из наших запретов. Напротив, они, и почти все другие разряды граждан, будут таким образом платить дороже, чем раньше, за определенные товары».

Адам Смит считал ложью все заявления о том, что налоги защищают рабочих: «Наложить на них новый налог… хотя они

уже платят слишком дорого за жизненные нужды — это все равно что заставить их платить еще дороже за большую часть предметов потребления, — определенно, это самый абсурдный способ улучшить их положение».

А что касается беспокойства о том, что все наши денежки утекут за моря, в книге 2 «Богатства» Смит показал, почему это не наносит ущерб экономике: «Мы не должны воображать, что они отправлены за границу ни за что». И причем Смит имел в виду золотые слитки. А золото всегда обладает хоть какой-то ценностью. Например, золото можно подарить на очередную годовщину свадьбы. Американские же деньги, которые получают китайцы, — это валюта «из воздуха», которая в любой момент может превратиться в израсходованную бумагу. А подарки из бумаги не рекомендуются даже на первую, «бумажную» годовщину.

Китайцы, судя по всему, уверены, что американские деньги не превратятся в мусор. И китайцы уверены, что американцы хорошо и выгодно задействуют капитал, в ином случае они не одалживали бы его нам. В самом деле, похоже, весь мир уверен в Америке по-прежнему гораздо больше, чем в Китае. Так зачем же тогда паниковать и бросаться срочно, любой ценой выплачивать китайский долг?

Каждый уверен в Америке, за исключением американских экспертов. Они обеспокоены… На самом деле, я так и не смог понять из всех этих тревожных статей — чем они, в сущности, так сильно обеспокоены.

Если доллар останется в цене, то этот наводящий ужас дисбаланс в торговле никуда не исчезнет. Но если доллар превратится в то, за что вы ругаете щенка, китайцы захотели бы, вероятно, чего-то более существенного взамен того, что посылают нам они. И за мобильный телефон нам пришлось бы отдавать им целый истребитель.

Адам Смит, доживи он до наших дней, наверняка привел бы нам в пример притчу о Японии 1980-х. Японцы давали нам радио, стерео, машины, а мы давали им деньги. Они не нуждались ни в чем из того, что производила Америка, за исключением аудиокассет Майкла Джексона, и то мы даже не делали, собственно, ценную их часть — сами кассеты. Так что японцы решили купить саму Америку. Они покупали офисные комплексы, поля для гольфа и отели. Японцы покупали дорого и набавляли цены за американскую недвижимость — пока с этим пузырем не случилось то, что случается рано или поздно со всеми пузырями. К 1990-му у Америки были все радио, ТВ, стерео и машины, все офисные комплексы, поля для гольфа, отели — и все деньги тоже.

Может быть, китайцы будут более успешными, чем японцы, в попытке сделать нас бедными, давая нам вещи. Но мы свободны отказаться от предложения. Китайцы никак не могут принудить нас к торговле. Они не воевали с нами, как с британцами, в Опиумных войнах, чтобы заставить нас принять их продукты на их условиях. (Хотя кто-то, похоже, вел опиумные войны с нами, судя по тому, что происходит в американских трущобах.)

Война, отмечал Смит, была лучшим предлогом меркантилистов, чтобы сократить импорт и ограничить иностранный долг. Текущий внешний долг может быть безвредным для экономики, «но они думают, что дело обстоит иначе в отношении тех государств, — писал Смит, — которые ведут внешние войны, и содержат флот и армию в отдаленных странах. Это, как они говорят, нельзя осуществить никаким иным способом, кроме отправления денег за границу для оплаты счетов, а народу не следует отправлять за границу большое количество денег, поскольку их всегда можно хорошо применить дома».

Политика меркантилистов, была очень простои — «ограничения на импорт и поощрение экспорта». Но если мы приведем эту политику в действие, тогда получится, что мы делаем для своего народа в мирное время то, что делают врагу во время войны. То есть когда во время войны мы ограничиваем импорт врага блокадой и поощряем врага экспортировать нам его бомбы, пули и артиллерийские снаряды.

Атаковать и врага и себя — не самый здравый способ ведения войны. А между прочим, недавно я узнал, что кое-кто из сената США планировал войну против Китая. Но я не был удивлен. В отношении суперсил восемнадцатого века, Британии и Франции, Смит писал: «Будучи соседями, они по необходимости враги». А в наши дни мы все соседи в глобальной деревне.

Смит думал, что народ должен «относиться к богатству соседей как к возможной причине и удачному случаю самим достичь богатства». Но он не думал, что этот подход работал на деле:

«Каждый народ расположен смотреть с враждебной завистью на процветание всех стран, с которыми он торгует, и рассматривать их достижения как собственные потери. Торговля, которая должна естественно связывать народами, как и отдельных лиц, узами партнерства и дружбы, сама порой становится источником разногласий и вражды».

Так что у нас есть все шансы кончить вооруженным конфликтом с Китаем — и событие это войдет в историю, как Война Потребителей Электротехники с китайскими

канонерскими лодками, совершающими рейды по фонтанам в наших торговых центрах. Но даже если война и начнется, мы не должны беспокоиться, что все наши деньги у китайцев: «Флот и армия содержатся не золотом и серебром, — писал Смит, — но товарами потребления». Упс, мы должны беспокоиться. Китайцы делают все наши потребительские товары. Наш нежелательный баланс торговли с Китаем разрушил нашу промышленную инфраструктуру. У нас нет заводов и квалифицированных рабочих, чтобы сражаться в главной войне.

Военная сила зависит от экономических успехов. Экономический успех зависит от свободы. «Никакая регуляция торговли, — писал Смит, — не может увеличить объем производства страны… Это может только отклонить часть торговых потоков в то направление, в какое они сами по себе не пошли бы». Доверьтесь капитализму — индустрия сама уйдет в том направлении, где можно найти экономический успех. Шумер и Грэм должны придержать язык. Вот самая важная рекомендация экономической политике от Адама Смита: «Закон должен всегд а доверять людям в том, что касается их личных интересов, так как… сами люди, в общем, способны судить об этом гораздо лучше, чем любой законодатель».

Негативный баланс торговли, утверждает Смит, не упраздняет следующий факт:

«Страна может импортировать намного больше ценностей, чем экспортирует, на протяжение хоть полувека… и долги, которые связывают ее с торговыми партнерами, могут даже постепенно возрастать, но все-таки ее реальное богатство, Меновая стоимость годового продукта ее земель и труда, может, в течение того же периода, возрастать в гораздо большей пропорции».

Те из американцев, кого можно было бы назвать неомеркантилистами, наверное, были бы очень удивлены примером, приведенным Смитом для доказательства своей правоты:

«Пример наших североамериканских колоний и торговли, которую они вели с Великобританией до того, как начались нынешние беспорядки, может служить доказательством того, что это предположение истинно».

В 1776 году Британия была самой могущественной страной на земле. Причина этого, писал Смит, была проста: «Наличия защищенности, которую законы Великобритании дают каждому человеку, позволяя спокойно пользоваться плодами собственного труда, единственно достаточно, чтобы сделать любую страну процветающей». Ограничения на это пользование — включая

ограничения на то, чтобы воспользоваться удовольствием провести выходные на диване, щелкая пультом, перед плазменным теликом, сделанным в Китае, — не увеличивают процветание.

В 1776 году Британия была такой могущественной, что могла быть повержена только теми, кто был способен установить еще более совершенные законы, которые дали бы людям еще больше уверенности в неприкосновенности их свободы и плодов их труда.

Глава 9. «БОГАТСТВО НАРОДОВ», КНИГА 4, ПРОДОЛЖЕНИЕ: АДАМ СМИТ, ПРОТИВНИК ИДЕОЛОГИЙ

Меркантилисты были не единственной целью критики Смита. Книга 4 «Богатства» представляет собой также вежливый (но не слишком) разгром французских физиократов. Смит был в дружеских отношениях со многими представителями школы физиократов. И питал уважение к ее основателю, придворному врачу Франсуа Киснею, достаточное для того, чтобы посвятить «Богатство народов» ему. Но Кисней умер незадолго до публикации. Возможно, это было как раз кстати, учитывая все то, что было сказано в «Богатстве» о физиократах. Смит также уважал способности двух самых выдающихся последователей Киснея, ими были Анн Робер Жак Тюрго, управляющий финансами при Дворе Луи XVI, и Пьер Самюэль Дюпон де Немур, который был экономическим советником французского революционного правительства, пока не был обвинен в том, что его взгляды недостаточно радикальны.

Принципы физиократов были настолько недостаточно радикальны, что на первый взгляд могли вообще показаться философией республиканцев из кантри-клуба или каких-нибудь провинциальных членов британской консервативной партии. Физиократы верили в частную собственность, минимальное правительство и бюрократическое невмешательство. Предшественник физиократов, Винсент де Гурней — кого они почитали как некоего святого-крестителя их учения — придумал термин «принцип невмешательства». Физиократы уважали закон. Когда Луи XVI был еще дофином, Кисней советовал ему, что когда тот станет королем, ему следует «не делать ничего, лишь только позволять править законам». (Звучит, конечно, прекрасно, но все-таки — законы, знаете ли, бывают разные). Еще физиократы всегда скептически относились к демократии.

Физиократы считали себя экономистами и были первыми студентами экономики, которые объявили это занятие почетным. До этого «экономист» означало всего лишь «любитель сэкономить» (а проще говоря — скупердяй). Физиократы также были первыми, кто сформулировал связную и последовательную экономическую теорию. Адам Смит соглашался со всеми экономическими выводами, сделанными физиократами. Он соглашался со всем, что касалось их теории — кроме самой теории.

Физиократы прилагали слишком много силы логических суждений и умозаключений к концептам «продуктивного» и «непродуктивного труда»-Различие между ними было до смешного простым, как показал позднее более продуманный анализ, но физиократы были просто одержимы своим предметом. Они убедили себя, что, как обобщил это Смит, «труд ремесленников и рабочих фабрик не добавляет ничего к стоимости всего годового продукта страны», а «денежный фонд в равной степени бесплоден и непродуктивен». Все, что имело значение для увеличения богатства народа, — это фермерское хозяйство. Ну, и еще некоторая польза была признана за добычей природных ресурсов. Так что физиократы сделали разработку шахт частью фермерства — как если бы французские крестьяне, окучивая репу, могли просто копнуть немного поглубже и добыть железо, руду или уголь.

Помимо фермерства, все прочие занятия были посчитаны «неплодотворными», хотя и в некотором отношении «полезными». Физиократы не предлагали ограничить торговлю или производство. Они придерживались мнения, что «это нисколько не в интересах владельцев хозяйств и землепашцев — ограничить или не поощрять в любом отношении промышленность, торговлю или ремесла». Так что физиократы, с присущей всему их учению парадоксальностью, распознали важность торговли и промышленности, но в то же время и не распознали ее. В плане понимания это ставит их в один ряде меркантилистами, которые осознавали что «торговля обогащает страну… но как, или каким способом, никто по-настоящему не знает».

Смит изложил подробное опровержение теории физиократов на нескольких довольно скучных страницах. Он мог бы сохранить затраченные силы, использовав всего одно верно подобранное слово… но слово «бредятина» тогда еще не было в широком употреблении.

Как бы то ни было, что-то было в физиократах такое, что беспокоило Смита больше, чем тот факт, что они неправы. Смит полагал, что экономика была сформирована природой человека. Физиократы полагали, что природа человека была сформирована экономикой. Они думали, что торговые и промышленные страны могли стать богаче единственно благодаря экономии в старом смысле слова — копя доходы, чтобы производить больше капитала — в то время как сельскохозяйственные страны могли стать богаче, выращивая больше еды, делая каждого толстым и счастливым без необходимости что-либо копить. Смит попытался представить мышление физиократов в деталях:

«Народы, которые как Франция или Англия, состоят по

большей части из собственников земли и земледельцев, могут обогатиться за счет промышленности и задействования капитала. Народы, которые напротив, как Голландия или Гамбург, состоят главным образом из торговцев, ремесленников и фабричников, могут разбогатеть только через бережливость, ограничения в тратах. А характеры разных народов, в общем, различаются также, как качество их материальных обстоятельств, а соответственно, и интересы их стран. В тех, упомянутых выше, доброта, широта взглядов, честность, и доброе товарищество, естественным образом составляют часть этого общего характера. В последних недальновидность, посредственность и самолюбивый нрав не располагают к общественным радостям и удовольствиям».

Этот пассаж — редкий пример открытого и едкого сарказма у Смита. Он был шотландцем, а своим процветанием Шотландия была обязана торговцам, ремесленникам и фабричникам. Полностью сельскохозяйственные районы Шотландии были почти такими же мрачными и феодальными, как и во времена Хайлендского восстания. В Англии Смит прожил шесть лет, пока учился в Оксфорде. И его опыт, при всем желании, не опишешь как полный «общественных радостей и удовольствий», Франция была местом разгула социальной несправедливости, деспотизма и интриг, и вовсю изобиловала примерами дурного товарищества, которые впоследствии привели к Французской Революции. А Голландия и Гамбург были богатейшими местами в Европе, населенными тихими, спокойными буржуа, знаменитыми своим талантом к добропорядочной домашней жизни.

Смит также считал, что физиократы слишком привержены идеализму в отношении своего, а не чьего-нибудь еще счастья. Как утверждал Смит (и это второй пример его сарказма), физиократы верили, что «установление совершенного правосудия, совершенных свобод, и совершенного равенства — вот тот простой секрет, который самым эффективным образом обеспечивает высочайший уровень процветания». Но, писал Смит, «если бы страна не могла процветать без совершенных свобод и совершенного правосудия, то в мире вообще не было бы ни одной страны, которая когда-либо процветала».

Большинство людей считают, что у Адама Смита была своя экономическая теория. Но это не совсем так. В «Богатстве народов» много теорий, но нет такой теоретической системы, которую Смит хотел бы установить, за исключением «очевидной и простой системы естественных свобод, которая устанавливает и организовывает себя сама, и развивается в соответствии с собственной гармонией».

У физиократов не просто была теоретическая система — но

они еще и относились к ней также, как позже марксисты будут относиться к марксизму — как к главной во всем, сущностной и определяющей все остальное. Смит цитировал еще одного из последователей Киснея, Маркиза де Мирабу, по поводу «трех величайших изобретений, которые принципиально дали стабильность политическим сообществам». Маркиз назвал этими тремя вещами письменность, деньги и экономическую таблицу Киснея.

Предупреждение об опасности теоретических систем было высказано Смитом еще в «Теории нравственных чувств», в части шестой, хотя этот раздел книги был в действительности написан после «Богатства народов». «Теория» была впервые опубликована в 1759, когда Смит преподавал в Глазго. Но в 1789 он внес в эту главу поправки. К этому времени он познакомился с физиократами и их системой политэкономии. В этой главе, озаглавленной «О характере добродетели», Смит, держась в русле главной темы всей книги, выразил очень странную вещь — что все зло политических систем происходит от недостатка воображения. Для создания политической теории, конечно, требуется некоторое творческое воображение, но это совсем не то воображение, которое Смит описал в качестве источника нравственных чувств. Смит утверждал, что воплощение таких теорий в практике жизни лишено всякого воображения:

«Очаровываясь идеальным духом таких теорий… мы иногда, похоже, ценим средства больше цели и страстно желаем принести счастье нашим собратьям, скорее, с точки зрения изменения их жизни в соответствии с определенной, прекрасной и безупречно выстроенной системой, чем из непосредственного понимания или чувства того, от чего они страдают и чем наслаждаются».

Теоретики, писал Смит, могут быть «заражены воображаемой красотой их идеальной системы», пока «тот дух сообщества, который основан на сочувствии и любви к человечеству» не будет растлен духом системы, который «способен привести эти чувства к безумству фанатизма».

Физиократы были умеренны, неопасны, и желали добра. Но в искусственности их сверхсистематизированной системы, и в их вере в то, что искусственные системы могут изменить человека, скрыты зародыши того зла, которое погубило сотни миллионов людей. Их глупые доктрины о сельскохозяйских угодьях вполне могли бы привести к колониальным зверствам викторианской эпохи, Первой мировой войне, Третьему Рейху, сталинскому разрушению Украины и голодающему Китаю под руководством Мао. Через два века после физиократов от приведения прекрасных теорий в Действие умрет насильственной смертью

больше людей, чем от исполнения инквизиционных бредней теологии во все предыдущие века.

Задолго то того, как тоталитаризм был впервые испытан в действии, Адам Смит описывал его с презрительной насмешкой:

> «Человеку системы… кажется, что он очень мудр и умен, но правда в том, что он так глупо и ревниво влюблен в искусственную красоту собственного идеального плана, что не может вытерпеть ни малейшего отклонения от любой его буквы… Он, похоже, воображает, что способен расставить по клеткам всех индивидуумов огромного общества с большей легкостью, чем рука расставляет фигуры на шахматной доске».

А еще одна правда в том, что клетки предусмотрены, скорее, для таких вот шахматистов. Те самые, за колючей проволокой.

Шестая часть «Теории нравственных чувств» во многом звучит как обращение — скорее к создателям конституции в Национальной Ассамблее на заре Французской Революции, чем к физиократам. Событие, вошедшее в историю как «Присяга в зале для игры в мяч», произошло 20 июня 1789 года. Смитовские поправки к «Теории нравственных чувств» должны были быть отправлены издателю в том же месяце. Предположив, что Смит, как это иногда случается с авторами, опоздал со своей рукописью, мы можем считать оба прочтения одинаково верными.

Если даже Смит и критиковал заранее Французскую Революцию, то все же он и понятия не имел, насколько был прав. Смит умер в июле 1790 года, когда казнь французских короля и королевы и правление террора были еще в будущем. Все жуткие последствия слепого следования идеологии были еще не очевидны. Перебранки за «положение» — на земле или на небесах — в восемнадцатом веке все еще были все еще главным предметом тревог политических обозревателей.

Смит был способен трезво и непредвзято оценить последствия насаждения идеологий задолго до нацистских войн или манифестов Лиги Наций. Он писал: «Даже самые слабые и неразумные из них, став орудием фанатиков, могут стать источником неисчислимых бедствий».

Смитовская критика физиократической школы была уверенной и непреклонной, но все же достаточно мягкой. Например, в «Богатстве народов» он однажды называет их теорию «либеральной и щедрой». И даже пишет, что «из всех тех работ, которые были опубликованы до настоящего времени по предмету политической экономии, эта, возможно, наиболее близка к истине». (Собственное исследование Смита, конечно, еще только

ждало публикации.)

Смитовское приближение к истине было, к счастью, более приблизительным. «Богатство народов» — это скорее рентген, чем диагноз. Оно по большей части свободно от тех совершенных и прекрасных абстракций, за которые люди готовы убивать и умирать. Сложно представить себе разъяренную толпу на баррикадах, атакующую жандармерию с воплями: «За причины улучшения производительных сил труда! За порядок, в соответствии с которым его продукт естественным образом распределяется между всеми различными классами людей!»

Смит должен был быть более строг к физиократам. Ему стоило посоветоваться со своим другом Дэвидом Юмом: тот хотел «поразить их громом, разбить, растоптать и раз и навсегда повергнуть в прах и пепел».

Глава 10. АДАМ СМИТ, БЛАГОДЕТЕЛЬ АМЕРИКИ

Адам Смит не дожил до Французской Революции. Но зато он был свидетелем революции совсем другого рода: «Когда судьба приводит народы к необходимости… разорвать политические связи, которые объединяли их…». То, о чем говорит здесь Смит, на самом деле, конечно, вовсе не было революцией. Это была вспышка раздора между свободными англичанами. Но это изменит человеческую жизнь больше, и подарит больше надежды, чем все радикалы и фанатики революций, вместе взятые.

Смит интересовался положением дел в американских колониях и следил за хроникой случающихся там «беспорядков». Алфавитный список-указатель названий «Богатства народов» содержит больше сотни ссылок на страницы со словом «Америка». В книге 4 Смит посвящает длинную главу политической философии колоний в общем и причинам восстаний в частности, приводя в пример тринадцать частных случаев. В книге 5, где рассматриваются способы и средства управления, Смит опять возвращается к этой теме. И завершающие страницы «Богатства народов» посвящены размышлениям о британской колониальной империи.

И тут нужно пояснить, какой смысл Смит подразумевал под словом империя. Дело в том, что сегодняшним негативным смыслом слова империализм мы обязаны Ленину. Огорченный тем, что капитализму все никак не удавалось окончательно повергнуть в нищету пролетариат и затем рухнуть, Ленин решил, что капитализм «превратился в империализм», чтобы «разграбить весь мир», а не только местных рабочих.

Это Смит называл меркантилизмом. Он знал классические языки, так же как и большинство его читателей. На латыни «император» означает просто «командующий армией». В Римской Республике это был почетный титул, которым награждался победоносный генерал под шумные возгласы одобрения своих солдат. Римской Империи, как было первоначально задумано, полагался imperator, а не гех — царь. Юлий Цезарь принял политический пост императора, но отказался от передаваемого по наследству царского звания. Ко времени Смита не сохранилось никаких «империй зла», кроме разве что парочки разлагающихся и малоэффективных — Китай и католическая Священная Римская. Смит мог свободно пользоваться термином * империя» в нейтральном или даже торжественно-фигуративном смысле, как

это сделал его друг Дэвид Юм, который в своем эссе «Скептик» изрек: «Философская империя простирается над многими другими».

Но Смит не был по-философски оптимистичен в отношении Британской Империи, и особенно в отношении американской колониальной ее части. Правящие классы, предупреждал он, должны или понимать особый характер колоний в Северной Америке, или страдать от последствий «в случае полного отделения от Великобритании, которое… кажется весьма вероятным».

Смит считался неплохим знатоком американского вопроса, настолько неплохим, что в 1778 году британское правительство даже обращалось к нему за советом. Генерал Джон Бергойн капитулировал при Саратоге прошедшей осенью, и американская война продвигалась весьма скверно (ну а с точки зрения американцев, конечно, весьма хорошо). И Смит написал подробнейший меморандум члену министерского кабинета лорда Фредерика Норта Александру Веддерберну, который был другом Смита на протяжении тридцати лет.

Этот документ историки обнаружили только в 1930-х. Но, как ни странно, к тому времени, как он увидел свет, комментарии Смита казались более подходящими к ослабшей Британии двадцатого века, чем к могущественной Британии восемнадцатого:

«Даже в такие времена полного мира и процветания общества, когда у людей редко возникает повод для недовольных жалоб, правительству не всегда гарантировано уважение со стороны народа; и оно всегда будет находиться под угрозой их гнева и недовольства за любые общественные неприятности или проявления несправедливости… таким образом может произойти разделение империи».

«Гнев и недовольство» в отношении правящих классов ничуть не хуже любого другого подходит для объяснения, как случилось то, что Британия, первая лаборатория и оплот очевидной и простой системы естественных свобод, попала в социалистский рассол, от которого она еще до сих пор не полностью обсохла. Но за океаном уже строилась другая, гораздо большая лаборатория.

Смит предсказал Веддерберну, что американцы откажутся от таких условий примирения с Британией, которые предложил в 1775-м Эдмунд Берк. И Смит предсказал, что если Британия продолжит американскую войну, то проиграет, даже если победит: «Там естественным образом установится военное правительство; и… американцы… будут в любой момент готовы взять в руки оружие, чтобы свергнуть его». Смит предсказал исход

войны: «Похоже, наиболее вероятный исход — это подчинение или завоевание части, но только части Америки». Так и было, Британии удалось удержать Канаду. И Смит предсказал исход: «но все-таки единство языка и обычаев будет располагать американцев в большинстве случаев к союзничеству с нами, а не с какой-либо другой страной».

Ни одно из этих предсказаний, кроме последнего, не радовало Смита. Но у него был спокойный и отстраненный — можно сказать, как у Беспристрастного Наблюдателя — взгляд на этот конфликт.

В «Богатстве народов» Смит выразил этические и утилитарные возражения тому, что наши современные моралисты называют колониализмом в негативном смысле:

«Недальновидность и несправедливость, похоже, были теми принципами, которые руководили проектом установления этих колоний. Недальновидность погони за золотыми и серебряными шахтами и несправедливость стремления завладеть тем, что принадлежит безобидным уроженцам, не способным и не желающим причинить какой-либо значительный вред людям Европы и встретившим первых искателей приключений всеми знаками дружелюбия и гостеприимства».

Несовременно в этом пассаже то, что Смит назвал американских аборигенов слегка уничижительным словом «безобидные». И еще более несовременным было его мнение, что «богатство и возвышение колоний в Америке» было улучшением доколумбовых условий, несмотря на «дикую несправедливость европейцев… несущую разрушения и гибель некоторым из этих несчастным земель». Смит был также несовременен в том, что считал достижения колоний целиком заслугой западной цивилизации, а не, скажем, Покахонтаса: «колонии обязаны Европе… появлением образования и широких взглядов, отличающих их активных и предприимчивых основателей». Но Смит давал западной цивилизации как позитивную, так и негативную оценку: «Европейские правительства заселяли и обустраивали Америку, показывая не мудрость и благие дела, но сея беспорядок и несправедливость». Причиной роста колоний было не изобилие возможностей за океаном, а недостаток возможностей дома.

Смит критически относился к британскому правительству, с его «низкими и зловредными Средствами достижения целей меркантилистской системы», чьи ограничения на торговлю были «едва прикрытым знаком рабства» и наложены на американцев «безо всякой веской причины, единственно от беспочвенной зависти британских коммерсантов».

Смит был так разгневан ограничениями торговли, наложенными на американские колонии, что даже позволил себе предлинную жалобную речь — целую тираду о «нации лавочников».

Столь презренный эпитет, конечно, можно было посчитать за оскорбление или, по крайней мере, неприятное пятно на репутации Британии, — но это была расхожая фраза, которой описывалась любая торговая страна. Считается, что впервые он прозвучала из уст Луи XIV и была обращена к голландцам. Заметьте, что Смит не считал лавочниками руководителей своей страны:

«Основать великую империю с единственной целью воспитать из народа покупателей — на первый взгляд, может показаться проектом, который мог прийти в голову только нации лавочников. Но на самом деле, этот проект подходит не нации лавочников, а тому народу, чье правительство находится под влиянием лавочников. Такие, и только такие государственные деятели, способны предположить, что можно найти какую-то выгоду в том, чтобы кровью и потом своих соотечественников основать и содержать такую империю. Скажите владельцу лавки — купи мне хорошее поместье, и я всегда буду покупать одежду только в твоем магазине, если даже если придется платить дороже, чем в других местах — и вы не увидите в нем ни малейшего воодушевления. Но если бы это поместье купил бы вам кто-то другой, этот лавочник был бы очень признателен вашему благодетелю, если бы он предписал вам покупать всю одежду только у него. (И так далее на протяжении двух страниц, пока обличительная речь не заканчивается самой сильной вспышкой гнева.) Таким образом, под действующей системой управления, Великобритания не получает ничего, кроме потерь от необходимости удерживать господство над своими колониями».

Похоже, эта речь была единственным, на что Смита вдохновила американская революция. Это мы, американцы, сходим с ума по великим идеям наших отцов-основателей. Адам Смит не сходил.

Смит был идеалистом, но у него не было романтической веры в чистые идеи, в то время как такого рода вера уже начала завладевать Францией, а по большому счету, и Америкой. Смит не был столь высокого мнения об идеях, что когда он видел хорошую вещь, то автоматически думал, что ее причина — хорошая идея. Пути господни неисповедимы, и оставьте в покое Массачусетс.

Смит критически относился к колонизаторам Он считал их не столько подлинными патриотами, сколько подлинными

скупердяями: «Английские переселенцы пока что не сделали никакого вклада в защиту своей родной страны или в поддержку гражданского правительства. Они сами, напротив, до сих пор нуждались в защите, и почти полностью за счет родной страны».

В меморандуме Смита Веддеберну весь блеск таких деятелей, как Том Джефферсон, Джеймс Мэдисон, Александр Гамильтон, Томас Пайн и т. д., был выражен в одном предложении: «В том поднятии боевого духа, в котором они находятся сейчас, американцы вряд ли согласятся союзничать, даже на самых выгодных для них условиях».

За американским революционным идеализмом Смит распознал обычное честолюбие — «без сомнения, слабую сторону человеческой природы». В «Богатстве народов» он развенчивал отцов-основателей:

«Те люди, которые сейчас управляют решениями так называемого ими “континентального конгресса”, сами чувствуют ту высочайшую степень важности своих действий и положения, какую, возможно даже великим вершителям судеб в Европе доводилось чувствовать редко. Из мелких торговцев, мелких собственников или чиновников они превратились в государственных деятелей и законодателей, и участвуют в создании новой формы правления».

Смит не считал, что эта новая форма правления может дать человечеству шанс достичь новых общественных идеалов. Смит считал Америку практической проблемой. И нам, американцам — практичнейшей из практичных наций — стоило бы обратить внимание на то, какой видел американскую революцию Смит. Нам удалось бы обнаружить кое-какие из наших идеологических ловушек, посмотреть в политическое зеркало и увидеть себя теми, кто мы есть — практическим решением.

Даже в те горячие и неистовые дни, когда рождалась Декларация независимости, в американской революции присутствовал прозаический, деловой аспект. Французская революция не начиналась с распрей из-за таможенных сборов. Санкюлоты [4] не были предпринимателями из среднего класса, как Пол Ревир [5] и Сэм Адамс [6], и, бегая в своих грязных штанах, вряд ли имели шанс ими стать. Якобинцы не носили головные уборы из перьев в знак коммерческого протеста. Если бы там когда-нибудь случилось парижское чаепитие, революционеры не стали бы разбрасываться чаем — они бы резали каждого, кто попался им на глаза и потом друг друга. И заметьте, в честь доктора Гильотена не названо ни одно пиво.

У Адама Смита было практическое решение практической проблемы с Америкой — убраться оттуда как можно скорее.

«Великобритания должна добровольно отказаться от всякой власти над своими колониями и оставить их выбирать собственных магистратов, вводить собственные законы, заключать мир и развязывать войну как им заблагорассудится… Это может расположить их… Поддерживать нас в войне, так же как и в торговле, и, вместо неспокойных и мятежных субъектов стать нашими самыми верными, преданными и щедрыми союзниками». (Которыми, хотя совету Смита и не последовали, они и оказались — кроме 1812 года.)

Смит не думал, что его практическое решение было практическим. Он называл это «мерой, которая не была и не будет принята ни одной страной в мире». И взгляды Смита на то, почему «Мирное решение сейчас» всегда не доходит до слуха, до сих пор применимы. Текущая политическая реальность в Тибете, Чечне, на Западном берегу Иордана и, возможно, увы, в Багдаде, была в точности описана Адамом Смитом:

«Ни одна страна добровольно не отказывается от господства над любыми своими провинциями, каких бы трудов и потерь ни стоило управление ими… Такие жертвы, хотя они часто могут быть приемлемы для достижения целей, тем не менее всегда убийственны для гордости любого народа; еще более важно то, что это всегда противостоит и частным интересам управляющих ими, которые из-за этого лишаются доверия и многих выгод, многих возможностей достижения богатства и признания — все это чрезвычайно редко приносит владение самыми неспокойными и самыми бесполезными для большинства народа провинциями».

У Смита было еще одно практическое, но менее реалистичное решение американской проблемы — слияние с Британией. Бенджамин Франклин предлагал такую идею в 1750-х, но нравы тогда были более спокойные. Смит, похоже, чувствовал, что теперь он был почти единственным человеком, которому эта идея казалась не лишенной смысла. Он говорил Ведцерберну, что политическая агломерация «похоже, редко находит хоть одного защитника… разве что такого далекого от центра событий, независимых и отстраненных взглядов философа, как я сам».

Тем не менее, в «Богатстве народов» Смит высказывал свое личное отношение к идее сделать Америку частью Великобритании: «К этой идее можно, в худшем случае, относится как новой Утопии, определенно менее дивной, но не менее бессмысленной и несбыточной, чем старая». (Америка сама по себе весьма прозаична, как, может быть, и ее население, но… что-то есть, и похоже, было изначально, в Америке такое, что заставляет людей мечтать). Смит говорил Веддерберну: «Этот план… определенно мог бы привести к процветанию, богатству и

стабильности империи». Смит высказывался о преимуществах Англо-Американского союза в книге 4 «Богатства» и снова в книге 5, составив, в целом, около десятка ссылок на этот вопрос. Он полагал, что та же идея объединения может быть подходящей «для всех различных провинций империи, населенных людьми британского или европейского происхождения». Интересно, что Смит чудесным образом предвидел даже отношения Буша и Блэра:

«За период чуть более века» возможно, производительность Америки могла бы превысить производительность Британии. Правление империей, таким образом, естественно переместилось бы в ту ее часть, которая сделала большее вложение в защиту и поддержку целого».

Если бы идеи Смита были приведены в действие раньше, в 1776 году, а не в ходе войны в Ираке, мы жили бы в другом мире. Где, возможно, не было бы американской Гражданской Войны, мировых войн, холодной войны или сования носа Комиссии ЕС во все подряд. С другой стороны, могли бы быть тысячи Белфастов, где «естественно установилось бы военное правительство» и где миллионы людей были бы «в любое время готовы взять в руки оружие, чтобы свергнуть его».

Хотя мы все равно живем в другом мире. Интересно, что Смит и не мечтал о такой Америке, которая стала реальностью. Соединенные Штаты докажут собственный тезис Смита: богатство зависит от разделения труда, разделение труда зависит от торговли, торговля зависит от естественных свобод; следовательно свобода = богатство.

Но на всякий случай Соединенные Штаты обеспечили некоторые сомнительные пунктики этому доказательству. Что археологи будущего раскопают в руинах Американской империи? Правильно, они откопают внедорожники, такие огромные, что их даже не сдвинуть с места. Предположительно, их использовали для церемониальных целей. Вездесущие обломки бассейнов, бессчетные разновидности кроссовок и залежи отходов от фаст-фуда — такие необъятные, что они все равно будут больше любой цифры, названной по оценке экспертов будущего, но уж точно достаточной, чтобы убедить жителей тридцать первого века, что в двадцать первом мы были земноводными, шестиногими созданиями, которые поклонялись жиру в огромных машинах.

Адам Смит был слишком практичным человеком, чтобы так запросто размечтаться о чем-либо. И раз уж мы, американцы, считаемся такими практичными, нам стоит обратить внимание не только на то, что Смит высказал о нашей революции, но и на его слова о том, что наша революция, в конце концов, сделает нас

империей, подобной Британии.

Тот разнос, которому Смит подверг британских империалистов, мог быть задан любому, кто намеревается достичь неслыханных благ за счет создания империи. И не имеет значения, каково это ожидаемое благо: приземленное — материальное процветание, или благородная и возвышенная цель — демократия. Не стоит думать, что полный набор имперских атрибутов гарантирует империи успех, тем более что атрибуты эти — мятежные колонии, неспокойные и нестабильные зависимые государства, и границы, едва удерживаемые взяточничеством или силой. «Они могут, вероятно, — писал Смит, — рассматриваться как дополнение, как своего рода роскошные и броские аксессуары империи».

Адам Смит считал ошибки британской имперской политики такими серьезными и такими опасными для людей, что даже сделал пылкое осуждение этой политики заключительным пассажем «Богатства народов»:

«Больше века назад правители Великобритании… поразили воображение мировой общественности тем, что завладели великой империей на западном берегу Атлантики. Но правда в том, что эта империя и по сей день существует только в воображении. Она была, и до сих пор остается не империей, а проектом империи, не золотой шахтой, но проектом золотой шахты… Без сомнения, именно сейчас то самое время, когда наши правители должны либо осуществить эту золотую мечту, грезы о которой доставляют им и всему народу такое удовольствие, либо должны пробудиться от нее и попытаться пробудить народ. Если проект не может быть осуществлен, необходимо от него отказаться… Великобритания должна освободить себя от затрат на защиту этих территорий во время войны и на поддержку во время мира и постараться примирить свои замыслы с реальными обстоятельствами жизни».

Глава 11. «БОГАТСТВО НАРОДОВ», КНИГА 5 «О ГОСУДАРСТВЕННОМ БЮДЖЕТЕ» АДАМ СМИТ И ТОПИ БЮРОКРАТИИ

И все же Адам Смит был человеком — и ничто человеческое было ему не чуждо. В книге 5 «Богатства народов» это особенно заметно. Действительно, ну кто способен удержаться и не дать пару-тройку житейских советов? Когда Смит давал советы в качестве «независимого философа», они были очень хороши, в том числе и для конкретных дел, как, например, его проницательнейшие предсказания и рекомендации по поводу такой важнейшей политической проблемы, как отношения с Америкой. Но в книге 5 он решил обратить свой гений к более приземленным политическим вопросам, и… поддался искушению прокатиться с ветерком вниз с вершины Олимпа.

Смит был способен на гораздо большее, чем вязнуть в бюрократической трясине социальной политики. В «Теории нравственных чувств» он, как уже было сказано, всячески предупреждал против мыслителей, «которые сводят свои доктрины к системам искусственных определений, разделений и подразделений». Смит называл это «возможно, одним из самых эффективных средств уничтожения всякого здравого смысла, который только может быть в любой этической или метафизической доктрине».

Смит рискнул показаться тем самым «человеком, который думает, что он мудр и умен», как Джеймс Карвилл или Энтони Гидденс. Уже в книге 4, касаясь противостояния испанских и британских колоний, Смит совершил главную ошибку политического советника, ту же ошибку, которую он увидел и осудил в учении физиократов: «Характер каждого народа формируется характером их правительства». К середине книги 5 Смит уже разглагольствовал, как уставший от жизни резидент Вашингтона после полного ежеминутных, высочайшей важности политических решений рабочего дня:

«Ибо, хотя организация и увещевание народа — всегда самые легкие и самые безопасные инструменты правления, как подавление и насилие — всегда самые худшие и самые опасные, все-таки, похоже, человеку свойственна какая-то природная дерзость — и он почти всегда пренебрегает хорошим инструментом, кроме тех случаев, когда не может или не решается воспользоваться плохим».

Приземленными политическими вопросами смитовского

времени были — как ни печально это обнаружить — в точности те же, что и наши сегодняшние: закон и порядок, негодяи у политической кормушки, недостатки системы образования, религия в политике, путаница в налогообложении, растущий национальный долг и бешеные затраты на оборону. Два с четвертью века неразрешимости этих проблем, похоже, показывают определенную степень их… неразрешимости.

Если бы мы смирились с этой неразрешимостью, то современные СМИ не наводняли бы бесчисленные и вездесущие политические консультанты, комментаторы и эксперты. «Нью-Йорк тайме» могли бы оставлять гораздо больше места для рекламы нижнего белья. И воскресную телевизионную болтовню всяких партийных работников можно было бы к превеликому удовольствию зрителей заменить на повторный показ какого-нибудь сериала, например «Умерь свой пыл». А если бы нам потребовалось мнение о насущных и гнетущих общественных вопросах, мы могли бы просто прочесть книгу 5 «Богатства» и обнаружить там готовые коктейли рассуждений Смита по всем вопросам, смешанных в любых пропорциях.

«О затратах на правосудие»

Несмотря на название этого раздела, Смиту было особо нечего сказать о затратах на судебную власть, кроме того, что это дорого. «На самом деле, правосудие никогда не вершилось даром ни в одной стране», — писал Смит (звуча почти как Роберт Блейк, актер и подозреваемый в убийстве, который произнес знаменитую фразу — «я был невиновен, пока не доказали, что я банкрот»), Смита, конечно, огорчало, что юридическая система имела более непосредственное отношение к независимому доходу, чем к независимой честности: «Те люди, которые подавали прошения (королю) о правосудии, всегда охотно платили за это… Эта схема управления правосудием, направленная на получение государственного дохода, редко могла быть непродуктивной в очень крупных делах». Я, когда заходит речь о справедливости, признаюсь честно, думаю о таких пустяках, как штрафы за превышение скорости в одном маленьком городке в Нью-Гэмпшире, который называть не буду, потому что живу там.

Я буду вынужден ехать медленно и еще медленнее, потому что Смит, как и политический аналитик современности, лучше всего справлялся с масштабными и наиболее общими вопросами. Смит так ясно ответил на сложнейший вопрос о сущности правосудия. Но почему он не мог ответить так же ясно на

маленький-маленький вопросик — как мне получить хоть немного?

Адам Смит высказывался о природе правосудия как таковой столь ясно и отчетливо, что мог пойти выступать на телевидение и быть хозяином студии и всеми гостями ток-шоу сразу.

«Гражданское правительство… на самом деле устанавливается для защиты богатых от бедных», — вещал Смит как непременный чокнутый гость от левой партии.

Потом он звучал как чокнутый хозяин правопартийных взглядов: «Среди бедных, ненависть к труду и любовь к праздной жизни и удовольствиям — это страсти, которые склоняют их посягать на чужую собственность».

Потом снова как чокнутый левый: «Там, где наибольшие состояния, там и наибольшее неравенство».

А потом как еще один гость, даже еще более чокнутый правый, чем правый хозяин, и который при этом выпил слишком много кофе: «Только под защитой гражданского магистрата владелец состояния может спать спокойно. Ибо он во все времена окружен неизвестными врагами, с которыми он никогда не сможет примириться, хотя и никогда не стремился вызвать их неприязнь».

И под занавес все это представление выливается в обсуждение стратегий прихода к власти. Какими же качествами должны обладать эти гражданские магистраты, защитники закона и вершители правосудия? Среди необходимых качеств политических лидеров Смит выделил «выдающиеся умственные способности», которые, тем не менее, «всегда подлежат испытанию и обсуждению» (как если бы выдающиеся умственные способности когда-либо были решающим фактором в политике). В то же время, и успешные бизнесмены — не самые лучшие кандидаты, потому что, как считал Смит, «случайные люди у власти… во все времена приносили неприятности обществу». Смит полагал, что некоторого рода рекомендацией мог бы служить возраст, «будучи очевидным и весомым качеством, которое признается без споров». Действительно, в политике даже в пятьдесят три можно быть свежим лицом, полным потенциала — столько лет было Смиту, когда «Богатство народов» вышло в свет. Но в политических лидерах Смит почитал «превосходство, данное от рождения… богатство семьи или древность рода; аристократические качества, которые, чаще всего, либо основаны на богатстве, либо сопутствуют ему». Смит полагал, что такого человека «происхождение и состояние… естественно располагают к обладанию определенным авторитетом». (Да, вот это мнение уж слишком старомодно. Видимо, Смит все-таки не слишком

подходит на роль героя новых медиа.)

Без сомнения, личная позиция Смита была выше такой вульгарщины, как политика. Возможно, он поддержал бы обоих: и Буша, и Керри. Но он не стал бы ожидать многого от той реформы Верховного Суда, которую они оба предлагали провести: «Когда судебная власть объединена с исполнительной, — писал Смит, — редко случается, что правосудие не приносится в жертву тому, что обычно называют политикой».

У Смита было одно конкретное предложение по усовершенствованию судебной системы: соревнующиеся судебные палаты, где «каждая палата, заинтересованная в том, чтобы работать лучше, чем другая, приводила бы все возможные доказательства и прочее, была бы более исполнительна и беспристрастна». Это прекрасная идея — для еще одного ТВ-шоу. Хотя у нас ведь есть апелляционный суд — очень хотелось бы надеяться, что он служит подобным целям, а не каким-либо другим.

«Об общественных учреждениях и работах»

Что касается приворовывания бюджетных средств и всех вытекающих из этого обстоятельств — похоже, и тут с восемнадцатого века ничего не изменилось. Смит намекал на эти обстоятельства: «Большой мост через реку не стали бы строить в том месте, где никто не ХОДИТ, чтобы только приукрасить вид из окон близлежащего дворца». Он употребил глагол «не стали бы» в строго политическом смысле, в значении, не имеющем отношения к «не будут» — потому что эта фраза продолжается словами «но, как мы видим, такие вещи иногда случаются».

Смит сделал неопровержимое заявление об основании общественных учреждений: «Большая часть таковых… может быть легко организована так, чтобы приносить определенный доход государству, достаточный для оплаты затрат на их устроение и содержание». Но, похоже, еще более неопровержимым заявлением было то, что совершенно безнадежно ожидать, что выделенные для общественных фондов средства будут действительно направлены туда, куда они предназначались: «При нарастающем произволе властей, авторитет исполнительной власти постепенно поглощает авторитет всех других властей в государстве и берет на себя управление всеми сферами государственных доходов».

Смит видел потенциал в работе частных исполнителей государственных заказов: «Общественные услуги выполняются лучше всего тогда, когда вознаграждение предоставляется только

после их выполнения, и в размере, пропорциональном прилежанию, с которым эти услуги выполнены». Но наблюдая за некоторыми организациями, предоставляющими свои услуги британскому правительству — такими, как Ост-Индская компания — он все-таки пришел к довольно скептическому заключению: «Эти компании… за время своего длительного существования доказали, в общем, свою бесполезность или даже обременительность».

Все, что Смит мог предложить по вопросу сомнительных общественных проектов — это слабый голос здравого смысла, который, как известно, никогда не оказывает особого влияния на политику: «Они должны создаваться только там, где общество нуждается в них, и… их размах и роскошь должны соответствовать тому, что общество может себе позволить». Похоже, Смит не смог бы предотвратить недавний счет США на 200 миллионов за мост в Кетчикане, Аляска (население 7410 человек). Но, по крайней мере, он не предложил бы строить Купол Тысячелетия.

«О затратах на образовательные учреждения для молодежи»

Любая дискуссия по вопросам политики образования имеет свойство быстро превращаться в бои насмерть. Потому что каждый проторчал в школе шестнадцать или двадцать лет, был сыт по горло и, получая аттестат зрелости, заслуженно чувствовал себя зрелым… нет, даже слишком зрелым и похожим на перезрелый и готовый взорваться огурец. Смит, похоже, не был исключением: например, он назвал университеты «святилища, в которых нашли убежище и покровительство все на свете устаревшие системы и отброшенные предрассудки — после того, как от них избавились во всех других местах».

У Смита было несколько собственных предложений по улучшению системы образования. Большее предпочтение он отдавал естественным наукам: это «ценнейший плод экспериментов и наблюдений, предмет, в котором пытливое внимание способно совершить так много полезных открытий». Он был против предметов, «в которых, кроме нескольких простых и почти очевидных истин, даже самое пристальное внимание и усилие мысли не обнаружит ничего, кроме тумана и неопределенности». Смит, видимо, имел в виду метафизику, но, заменив ее на современный эквивалент, — какую-нибудь постструктуралистскую гомоэротическую феминистскую литературную критику — мы вполне можем согласиться с его

точкой зрения. Он приводил в качестве подтверждения древнегреческую программу, состоящую из «физики, или натурфилософии; этики, или моральной философии; и логики», заключая, что «это общее разделение, похоже, совершенно соответствует природе вещей». Хотя я не уверен, какое место в этой стройной системе заняли бы автодело, физкультура и ланч. А еще он безжалостно осудил онтологию, назвав ее «эта наука словоплетства» (что лично меня весьма порадовало, потому что на экзамене по философии за ответ на этот вопрос я получил «неуд»).

Но благоразумные мнения, как оказалось, иссякают там же, где заканчивается предметная программа. Смит вскоре снова оказался на сомнительной бюрократической территории. Он был против того, чтобы сделать образование полностью бесплатным — чтобы студенты получали не невесть что, а то, за что они платят. И он протестовал против правительственного контроля над школами «Посторонние управленческие полномочия такого характера… скорее всего, будут использованы невежественно, исполняя чьи-то случайные прихоти». Смит сам был учителем, и поэтому прекрасно знал из собственного опыта, какое давление на учителей порой оказывают якобы вышестоящие инстанции:

> «Преподаватель, вынужденный подчиняться таким полномочиям, неизбежно теряет свой высокий статус и вместо заслуженного уважения порой получает такое отношение, как будто он самая презренная в обществе фигура. Только имея защиту в лице кого-либо из представителей власти, он может оградить себя от дурного отношения, которого, тем не менее, ему все же редко удается полностью избежать, потому что такая протекция чаще всего достигается не способностями или прилежанием в своей профессии, а низкопоклонничеством и заискиванием перед вышестоящими».

Что также известно как вступление в профсоюзы и обязанность голосовать за того, за кого надо.

Еще Смит подчеркнул один серьезный пробел в системе общего образования: «Нет общественных учреждений для специального женского образования, — писал он, — хотя нет ничего бесполезного, абсурдного или фантастического в том, чтобы проводить для женщин курс самых общих знаний». Никогда не слышали, чтобы домохозяйки восемнадцатого века бросались в гневные слезы, обсуждая книгу «Нужны ли мужчины»? Оказывается, они просто не умели читать.

Смит расхваливал частные школы. Он заявлял, что «те предметы, знание которых составляет по-настоящему хорошее образование… чаще всего не преподают в публичных учреждениях, а вот в частных школах они преподаются наилучшим образом». В качестве примеров он приводил «фехтование и танцы». Однако, у меня трое детей — и должен сказать, нахождение в «публичных учреждениях» вовсе не мешает им вальсировать и скакать тут и там, при этом тыкая друг дружку.

Оппонентом Смита в этом накаленном диспуте был сам Смит. Он защищал обязательные требования к образованию: «Чтобы получить разрешение заниматься любой свободной профессией, каждый человек обязан сперва получить соответствующее образование». Он был всецело за то, что школьные фонды должны поддерживаться за счет средств налогоплательщиков: «Государство просто обязано заботиться о том, чтобы не допустить полного разложения и дегенерации низших слоев народа». И вообще, Смит считал любое образование хорошей профилактикой общественных недугов: «Наука — отличное лекарство от яда фанатизма и предрассудков».

Однако, похоже, научный прогресс и до сих пор не зашел так далеко. И хотя многие из идей Смита со временем стали реальностью, я не стал бы утверждать, что прогресс публичного образования не допустил-таки полного разложения и дегенерации кое-кого из народа — по крайней мере тех, кто смотрит передачи типа «Фабрики звезд».

И все же, читая то, что Смит написал об образовании, мы приходим в такое смущение… наверное, такое же, как и сам Смит, когда писал все это. Наверное, нас смущает тот факт, что все эти вещи написаны преподавателем, тем, кто действительно знал всю правду о школе. Не странно ли звучит из его уст такое заключение об учебе: «Похоже, нет наилучшего во всех отношениях способа провести этот длинный период жизни между детством и временем, когда люди начинают делать настоящие вложения в реальные дела». Впрочем, может быть, это и есть главная тайна, зачем нужно образование, — мы просто не знаем, что еще делать с детьми.

«О затратах на учреждения для обучения людей всех возрастов»

Адам Смит был, возможно, первым, кто осознал, что политикам нужен эвфемизм для слова «церковь». Есть что-то

очень современное в этих «учреждениях для обучения людей всех возрастов» — можно подумать, речь идет о курсах керамики, йоги или какой-нибудь трансперсональной медитации. Смит безоговорочно был расположен к вынесению всех этих вещей за пределы забот государства:

> «Вопросы веры, как и прочих духовных материй… не должны входить в сферу влияния ни одного государственного ведомства… они могут заботиться о защите свободы граждан в этих вопросах, но отнюдь не предназначены, чтобы этим предметам учить».

И все-таки в том, что касается образования, Смит чувствовал необходимость некоторой связи с политикой. С одной стороны, разделение церкви и государства — это очень хорошо. С другой стороны, может быть, правительству следует финансировать религию.

В «Богатстве» Смит приводит высказывание Дэвида Юма о том, что «каждый мудрый законодатель будет учиться не позволять духовенству пользоваться своей профессией для получения материальной выгоды». Если проповедник будет вынужден обеспечивать себя сам, то ему придется, по словам Юма, «заискивать в восхищении своей аудитории, стремиться привести их в возбуждение и готовность служить ему, а не вере. В насаждаемых таким образом учениях не отдается никакой дани истине, морали или благопристойности. Так может быть принят любой догмат, отвечающий беспорядочным возбужденным чувствам». В общем, Юм был уверен в том, что правительству следует делать с «духовными проводниками», чтобы избежать Аль-Каиды: «Поощрять их незаинтересованность и леность, предоставляя фиксированные государственные зарплаты».

Но это означало бы включение в госбюджет религиозных и псевдорелигиозных причуд оригиналов всех сортов — например, поющих гимны методистов, бредящих пятидесятников, конгрегатов-окунателей баптистов и еще бог знает кого. Так что, с третьей стороны, может быть, стоит сохранить принцип официальной государственной религии. «Эта система управления церковью, — писал Смит, — была изначально самой предпочтительной для сохранения мира и доброго порядка».

Так что, возможно, ничего и не нужно было делать для полного разделения церкви и государства. Смит утверждал, что государство без официальной религии было тем, что ни один «позитивный закон, скорее всего, никогда до сих пор не устанавливал и, возможно, никогда не установит ни в одной стране». В следующем параграфе он объясняет, почему

государства в конце концов махнули рукой на мелкие религиозные дрязги: «Учитывая, что во все времена религиозные секты были очень многочисленны и каждая слишком маленькой, чтобы серьезно нарушать общественное спокойствие… правительства уверенно решили оставить их в покое, лишь обязав оставить в покое друг друга». Вот так мы и получили разделение церкви и государства в Америке — стране, основанной религиозно помешанными.

Смит был всецело и безоговорочно за свободу веры, хотя и не в том смысле, который рассчитан на удовлетворение верующих:

> «Учителя каждой маленькой секты, пребывая почти в одиночестве, так или иначе вынуждены входить в отношения и искать сотрудничества с учителями других сект, и те уступки, которое они нашли бы взаимно приемлемыми, могут со временем упростить большинство их доктрин до состояния той непосредственной и здравой веры, свободной от всякого абсурда, обмана или фанатизма, которую желали бы видеть установленной в народе мудрые люди всех времен».

(Это напомнило мне шутку о том, что выйдет, если скрестить свидетеля Иеговы с даосистом — получится тот, кто ходит по домам только потому, что кто-то додумался строить дома на пути его Дао.)

И все-таки Смит некоторым образом похвалил… скажем так, субкультуры — однако таким образом, который наверняка привел бы в ярость всех их приверженцев вместе взятых:

«Человек невысокого положения… как правило, далек от того, чтобы быть выдающимся членом любого крупного общества… И ничто в его обычных делах и поведении не может вызвать столько всеобщего внимания и изумления, чем его вступление в какую-нибудь маленькую и, лучше всего, экстравагантную секту. С этого момента он чувствует себя так, как будто поднялся на новый уровень общественного положения, какого у него никогда не было раньше».

И не думайте, что Смит был сторонником «мейнстрима» того времени — римского католицизма: «Это самая жуткая комбинация, которая когда-либо была сформирована против авторитета и безопасности гражданского правительства, так же как против свободы, разума и счастья человечества».

Да, похоже, миссионер из Адама Смита вышел бы никудышный.

«О налогах»

Адам Смит много думал о налогах. И надумал на восемьдесят с лишним страниц. Он начал с четырех разумных и целесообразных максим налогообложения: сбор налогов сам не должен требовать больших затрат, проводиться тогда, когда удобно налогоплательщикам, быть пропорциональным доходу, которым плательщики «пользуются, благодаря защите государства», и быть «определенным, а не произвольным или случайным».

Последняя максима, очевидно, самая целесообразная, и ей уделяется больше всего внимания. Законы о налогах чаще всего оказываются бесконечно и безнадежно запутанными, и даже если какой-то налог снижается — это еще не значит, что автор нововведения не намухлевал с повышением в какой-то другой статье. Налогообложение, по-видимому, нарушает принцип Смита, гласящий о том, что «высокий уровень неравенства… не означает также и высокой степени неопределенности». Впрочем, о том, что этот принцип не работает, известно всякому влюбленному или ожидающему счета по почте.

Смит был противником налогов на наследство, размер которых почти всегда так же не определен и случаен, как сама смерть. И о них едва ли можно сказать, что они сбираются в то время, когда налогоплательщику удобнее всего их платить.

Смит не считал панацеей потребительские налоги: «Все налоги на товары потребления… приводят к снижению количества продуктивного труда». Он не стал бы так страстно продвигать НДС в Соединенных Штатах. Один тот факт, что это используется где-то еще, уже является аргументом против. ;«Искусство, которому правительства всех времен учатся другу друга охотнее и быстрее всего, — высасывать деньги из карманов людей», — писал Смит.

Смит был против корпоративных налогов, потому что «владелец международного фонда по сути является гражданином мира», и «налог, который уводит капитал от какой-либо отдельной страны, будет осушать и источник всеобщего дохода, и государств, и народа».

Смит привел здравый аргумент в пользу налога на собственность: «Ничто не может быть более разумно и обоснованно, чем то, что фонд, который обязан своим существованием хорошей работе правительства, должен усиленно облагаться налогом». И, раз правительство было учреждено для защиты богатых от бедных, он призывал к налогам, растущим пропорциональным доходу: «Вполне Обосновано, что богатые

должны делать вносить средства в общественные расходы не только в пропорции, соответствующей их доходу, но в размере, превосходящем эту пропорцию». Полагаю, богатые согласились бы — только при условии, что правительство заставит бедных завязать с граффити и слушать рэп хоть немного потише.

Смит противился некоторым налогам на либералистских основаниях:

> «Невозможно было бы определить точный размер налога, скажем, на торговую лавку, если бы он должен был соответствовать размаху торговли, которая в ней ведется. Это затребовало бы прямо-таки инквизиционные меры и не было бы поддержано ни в одной свободной стране».

Мы очень гордимся нашим современным либерализмом и свободой, но это высказывание намекает, что в погоне за новыми свободами мы, похоже, обронили парочку старых.

У Адама Смита была одна действительно блестящая идея по поводу налогов: дополнительный сбор «с тех людей, кто служит в правительстве». Он чувствовал, что они «как правило, склонны вознаграждать свои труды в размере более чем достаточном». «Следовательно, жалованье чиновников, в большинстве случаев, очень даже способно вынести дополнительный налог», — писал Смит. И он предсказал, что это будет «всегда очень популярным налогом».

И все же размышления о налогах приводят к дурным мыслям… Только представьте на минуту, что бы вы сделали с зашедшим навестить вас налоговым инспектором, если бы не законы божеские и человеческие? Те, кто продвигают всевозможные налоги, похоже, так же далеки от верного пути, как и те, кто отказывается их платить.

По мнению Смита, самым лучшим способом увеличения дохода с налогов было введение налога на роскошь. Причем не только на прихоти богатых, но и на «превышающие разумную необходимость траты низших слоев народа».

А вот предоставленное самим Смитом свидетельство того, что в восемнадцатом веке считалось «разумными и необходимыми затратами» для бедного человека:

> «Можно усомниться, является ли потребление мяса жизненной необходимостью для кого бы то ни было. Зерно и овощи в сочетании с молоком, сыром, маслом, как показывает опыт, могут и без всякого мяса составить самый обильный, самый полноценный, самый

питательный и дающий силы рацион».

Но стоит принять во внимание, из чего на самом деле состоял такой рацион:

> «Положение бедняков в большей части Англии было бы не столь ухудшено повышением цен на птицу, рыбу или дичь, сколь значительно улучшено падением цены на картофель».

Так что, оказывается, и голая картошка бедным нисколько не вредит:

> «Грузчики, и разносчики угля в Лондоне, и те несчастные женщины, что живут проституцией, — возможно, самые сильные мужчины и самые красивые женщины в Британии; говорят, что они, по большей части, происходят из низших слоев народа Ирландии, которые кормятся, в основном, этим Корнем».

В восемнадцатом веке бедные еще не приобрели современного статуса, приравненного к особо ценному источнику всяких причуд, моды и наркотиков. Низшие классы обычно открыто признавали низшими, а не втайне считали низшими, скрывая при этом свое чувство вины за неправедные мысли. Даже такой благопристойный человек, как Адам Смит, признавал их более низкое положение, не задумываясь ни о какой пристойности. Исполняя роль политического советника, Смит написал следующее, очевидно, не давая себе ясный отчет, что этим он вступает в противоречие с самыми важными положениями «Богатства народов»:

> «На трезвых и работящих бедных налоги [на роскошь] действуют как законы, регулирующие расходы, и располагают их или умерить общие траты, или воздерживаться от тех чрезмерностей, которые они не смогут больше с легкостью позволять себе. Возможно, такая форсированная законом бережливость не ослабит, а напротив, усилит их способности к должному содержанию семьи».

Возможно. Как и то, что раздумья над налогообложением не только наводят на дурные мысли, но способны вообще свести с ума. Сложно преодолеть ощущение, что Смит был немного не в своем уме, когда заявил следующее: «Как бы то ни было, каждый

налог, для того человека, кто платит его, — это не знак рабства, но знак свободы. Он обозначает, что этот человек, хотя и подчиняется правительству, но на деле является полноправным обладателем своей собственности, и сам не является собственностью какого-либо хозяина». И Смит должен был быть совершенно не в своем уме, когда писал о налоге на доход землевладельца от аренды его земли: «Хотя часть этого дохода будет пущена на оплату затрат государства, зато никаких дополнительных препятствий для производства установлено не будет».

Да, налоги доводят до крайнего безумия. И Смит опять демонстрирует это заявлением, которое просто невозможно произнести, не страдая помутнением рассудка: «В дополнение ко всему, когда ресурсы подобающих объектов налогообложения исчерпаны… налоги должны быть наложены на менее подобающие».

Но все-таки не все мелкие рекомендации Смита были бесполезными, противоречивыми или сумасшедшими. Например, ему удалось одной фразой перечеркнуть популярное представление о том, что совершенно нормально для правительственных чиновников заниматься бизнесом: «Не может быть великой та страна, у руководителей которой остается досуг, чтобы торговать вином или держать аптеку».

Он также прояснил еще кое-что в тумане, окутывающем наш любимый национальный внешний долг. Оказалось, им скрыт еще один амбар, из которого правительству может быть очень удобно подворовывать:

> «Каждый новый налог ощутим для народа, в большей или меньшей степени, его введение всегда вызывает недовольный ропот, и встречает неприятие и противостояние… Долг же не сразу становится ощутимым, и не вызывает ни ропота ни жалоб». А «Когда национальные долги наконец-то собраны, все же редко, я полагаю, случается, чтобы они были честно и полностью выплачены».

И также выгодно заниматься фальсификацией, влекущей обесценивание валюты, которая может быть выдана за ошибку, а на деле быть «несправедливым и вероломным мошенничеством». Что в свою очередь неизбежно ведет к инфляции, которая «… влечет всеобщее и самое разрушительное разорение частных лиц; обогащая в большинстве случаев праздных и неумеренных должников за счет потерь работящих и бережливых кредиторов».

Так что как знать — может быть, каждый раз, когда вы

обналичиваете счет за социальную страховку, вы делаете свой вклад чью-то в покупку поля для гольфа.

В главе «О затратах на оборону» Смит посоветовал нам радоваться, что хорошая оборона стоит очень дорого: «В современных войнах огромные затраты на огнестрельное оружие дают очевидное преимущество той стране которая, наиболее способна позволить себе такие затраты». Вот, оказывается, почему рухнула Берлинская стена. Защитная база, как в «Звездных войнах», в конце концов не сработала — но только США могли позволить себе построить нечто подобное, чтобы это выяснить. И экономическая ситуация в СССР вовсе не способствовала серьезным угрозам Америке взаимным банкротством из-за гонки вооружений.

Адам Смит имел бы все шансы бы стать советником первого ранга по национальной безопасности в администрации Рейгана. Но даже самый лучший совет не всегда можно дать дважды. «Изобретение огнестрельного оружия, — писал Смит, — изобретение, которое, на первый взгляд, очевидно служит разрушению, на деле способствует как стабильности так и распространению цивилизации». Между прочим, долина Тигра и Евфрата — колыбель цивилизации. И у иракцев предостаточно стволов.

Политический советник даже лучше, чем те политики, которым он дает советы, должен знать свое место. И это место должно быть где угодно, но только не в непосредственной близости от экономики. Под конец книги 4 «Богатства» Смит отмечает: «Правители… полностью свободны от той обязанности… для должного исполнения которой никакая человеческая мудрость или знание не могут быть достаточными — обязанности надзирать над работой частных лиц». И далее Смит выводит общее заключение об обязанностях власть имущих:

> «Первое — обязанность защищать общество от насильственного вторжения других независимых обществ; во-вторых, обязанность защищать, насколько это возможно, каждого члена общества от несправедливости и угнетения любым другим его членом…; в-третьих, обязанность организовывать и обеспечивать некоторые общественные работы и определенные общественные учреждения, установление и содержание которых не входит в интересы какого-либо частного лица или небольшой группы лиц».

И все-таки насчет этого третьего пункта — если работы и учреждения не в интересах никакого лица, почему же мы, лица,

платим за то, чтобы их организовывать и содержать? Этот вопрос снова возвращает нас — и Адама Смита — обратно к политике.

Глава 12. НЕНАПИСАННАЯ КНИГА АДАМА СМИТА

Адам Смит так и не написал книгу, целиком посвященную политике. Были определенные уважительные причины тому, что третья часть смитовской трилогии об улучшении — сочинение о юриспруденции — так никогда и не было закончена. Сначала он был занят, работая над поправками к «Теории нравственных чувств». Потом он был занят, работая правительственным чиновником в Шотландии. А потом он умер.

Но хотелось бы узнать: не было ли еще каких-нибудь причин? Весь грандиозный проект Смита был построен на прочном фундаменте моральной философии. Может быть, он в глубине души осознавал, что политика — неподходящее место для философии, и тем более неподходящее для морали? Но в таком случае, почему он не осознавал это, когда писал книгу 5 «Богатства народов»? Странная смитовская сноска в «Теории» о том, что его больше волнуют «фактические проблемы», а не «вопросы права», совершенно неприменима к рассуждениям о политике. Политика вся завязана на вопросах права, что, на самом-то деле, не так уж и правильно.

(Политические системы основаны на парадоксах, слишком глубоких для философии. Адам Смит знал об этом, когда писал «Теорию нравственных чувств» в 1750-х. Он намекал на это в первой главе: «Тюрьма определенно более полезна для Общества, чем дворец; и тот, кто ее основывает, в общем, намного больше руководствуется духом патриотизма, чем тот, кто строит дворец». И все-таки ни один отец не скажет новорожденному сыну: когда-нибудь ты будешь начальником тюрьмы!

Самые лучшие намерения политических систем в момент опровергаются лишь одной дилеммой. Политическое лидерство нагружено пафосом «заботы о преуспевании и процветании страны, посредством установления безупречного управления, устранения недостатков и непорядков», — писал Смит. Но в отрицание этому — и на деле — политики слишком часто «ввергают страну в беспорядки и неблагополучие, совершают шокирующие преступления, и позволить им установить их “безупречное управление” было бы разрушительно для всех свобод, безопасности и правосудия».

Политика невосприимчива к очевидной и простой системе естественных свобод. Для политики такой системы просто нет, иначе она ставила бы под сомнение само существование

политики. Вообразите себе политика, который восходит на трибуну, выдерживает должную паузу и говорит: «А, делайте что хотите».

Что касается более успешных деятелей, чем этот бедняга, Смит — не особенно стесняясь в выражениях — описал их общий характер в одном из разделов «Теории нравственных чувств», добавленном в 1790-м:

> «Им не хватает скромности; они часто самонадеянны, высокомерны и нахальны; великие почитатели самих себя, презирающие других людей… Их чрезмерное самомнение, основанное лишь на собственном непомерном самообожании, ослепляет простонародье… Нередко случающийся и зачастую поразительный успех самых невежественных мошенников и самозванцев… показывает, как легко народные массы попадают под влияние и становятся жертвами самых низких и безосновательных претензий».

Но — и в политике всегда есть место «но». Как и следующему за ним «хотя»:

> «Случается, что эти претензии подтверждаются реальными и твердыми заслугами, когда они отражены в делах со всем тем блеском, с которым были предъявлены, когда они поддерживаются заполученным высоким положением и огромной властью… хотя даже и тогда человек способен поддаться тщеславию и попусту выставлять себя на всеобщее восхищение».

Что было для Смита в политике самым убийственным, так это неспособность даже самых законных политических систем провести четкую разделительную черту между справедливостью и несправедливостью. И это отнюдь не вина политики. В «Богатстве народов» Смит выдвинул конкретные требования к политическому порядку, который будет способствовать благоденствию страны:

> «Коммерция и производство вряд ли смогут долго процветать в таком государстве, которое не печется постоянно и с самым большим усердием о правосудии, в котором люди не чувствуют себя в безопасности и не уверены в безопасности своей собственности, в которых доверие к свободным договорам и контрактам не охраняется законом, и в котором государство не

обладает достаточным авторитетом, чтобы внушить народу доверие и безусловное уважение к закону».

Правосудие необходимо для защиты собственности. Но все же, во многих отношениях, собственность неизбежно и необходимо несправедлива: «Там, где есть владение огромными состояниями, там всегда есть и огромное неравенство». Смит писал, что мы вправе вершить правосудие в соответствии с законом, но «там где нет собственности… гражданское правительство вовсе не так необходимо». Но в таком случае, мы получим отрицание закона и священного права собственности, как в беззаконном собственничестве феодализма или Мао. Так что, выходит — политические системы все же должны быть установлены, чтобы защитить несправедливость собственности справедливостью закона.

Но Адам Смит не был поклонником абсурда. С политической критикой такого рода куда лучше справлялись Джонатан Свифт или Бернард де Мандевиль. В начале 1700-х Мандевиль написал «Басню о пчелах», поэму и комментарий к ней, в котором заявил: «Я льщу себе, что показал… то, что мы называем злом, когда говорим, что зло правит этим миром — великий принцип естественной морали, столь разрушительный на первый взгляд, но все же… созидающий человеческие общества».

Даже самый никчемный работяга
Сделал что-то для общего блага.

<…>

… миллион бедняков надрывался,
Чтобы кто-то в роскоши купался.
И на Гордость пахал еще миллион.
Сами Тщеславие и Зависть Министрами промышленности оказались,
Их советниками были Прихоть и Непостоянство В одеждах, мебели и яствах.
Так эти странные и глупые пороки повернули Торговли колесо, и им бессменно рулят.

<…>

Вот так изобретательность вскормил порок,
А там уж и до производства путь был недалек, И скоро до

неслыханных высот взлетят Удобство, роскошь и разврат,

И будет бедному из бедных по плечу Такое, что не снилось раньше богачу.

Другой работой Мандевиля была «Скромная защита разгоряченной публики; или Эссе о непристойности». В своих попытках эпатировать буржуазию он был даже большим провокатором, чем Свифт. Его сочинения даже самого Смита заставили потерять скептицизм и чувство юмора — в «Теории нравственных чувств» он пишет: «Некоторые же представляют… что такое естественное развитие общества стирает все различия между пороком и добродетелью, что мне кажется взглядом крайне ошибочным и губительным: я имею ввиду представления доктора Мандевиля».

И все-таки у этой политической головоломки есть кое-какие практические решения. Хотя бы — популистское расширение принципа смитовских, естественных свобод, выраженное в столь любимом современными скептиками афоризме Уинстона Черчиля, из его речи для Палаты Общин в ноябре 1947 года: «Демократия — самая худшая форма правления, если не считать все остальные, испытанные на деле в истории». Но во времена Смита демократия, кроме древней афинской, еще не была испытана на деле. И у Адама Смита не было столь трогательной веры в античность, чтобы к ней обратиться.

Теоретически — нет ничего сверхъестественного и дивного в управлении народа народом. Например, в одной из лекций по моральной философии, Смит теоретизировал, что рабство не могло быть отменено в республике, потому что «законодатели такой страны сами являются рабовладельцами».

Как уже было упомянуто, представления о демократии в восемнадцатом веке были информацией двухтысячелетней давности. Как любой образованный человек, Смит знал историю Пелопонесских войн. Это слишком длинная история, чтобы рассказать ее вкратце; в конечном итоге — демократическим, и в общем, славным во всех отношениях Афинам тогда весьма и весьма не поздоровилось. Смит не считал слишком вдохновляющими и более недавние мелкие эксперименты с демократией. Он посмотрел на протестантов-кальвинистов в Швейцарии, и сделал вывод, что их «право выбирать собственного пастора… похоже, не было продуктивно ни в чем, кроме беспорядка и смуты, и способствовало порче нравов, в равной степени, служителей и народа». (И к тому же не очень-то демократично со стороны Джона Кальвина было сжигать Мигеля Сервета на столбе в 1553 году.) Не впечатляло Смита и то, что он видел в те времена в демократии американских колоний. Он

заключил, что «при таких стихийных и необдуманных попытках установления демократии неизбежно появление сеющих раздор и опасных группировок», и предсказал, что если американцы отвоюют свою независимость, «эти группировки будут в десять раз более опасными, чем прежде». Он предполагал, что внутренние раздоры в Америке «вскоре выльются в открытое насилие и кровопролитие». Смит был неправ — насчет «вскоре». Это случится, но гораздо позже — форт Самтер был захвачен девяносто пять лет спустя.

Но тот, кто не верит в народное большинство, должен, видимо, верить в народное меньшинство:

> «Лучшие люди, естественная аристократия каждой страны… должны защищать и сохранять за собой право на уважение и власть. От их авторитета зависит стабильность правительственной системы, а значит, и спокойствие в стране».

Но это доверие «естественной аристократии» привела Смита к опасной, я бы даже сказал, латиноамериканской линии рассуждения:

> «Там, где военные силы находятся под командованием тех, кто в большой степени заинтересован в поддержке гражданских властей, потому что они сами во многом эту власть разделяют, постоянная армия не может представлять опасность для свободы народа… Но та безопасность, которую это дает правительству, может вызывать, без всякой очевидной причины, особого рода ревность, которая, в некоторых современных республиках, похоже, стоит за действиями антиправительственных активистов, во все времена решительно готовых побеспокоить мирную жизнь других граждан».

Очень сложно представить Адама Смита, пишущего такую бессмыслицу о морали и экономике. Где же его невидимая рука, держащая дирижерскую палочку? Ведь Смит поставил во главу безупречного Беспристрастного Наблюдателя. Он блестяще описал, как естественные свободы работают в нашей этике и кошельках. Почему его не посетила идея, что те же самые свободы могут работать в кабинке для голосования? Составляя свой рецепт для политической кухни, он, похоже, сам того не заметив, заменил органическую естественную свободу на обработанную сомнительными препаратами и генно

модифицированную «естественную аристократию».

Но критиковать в этом Смита также бессмысленно. После двухсот тридцати с лишним лет опыта мы сами все еще толком не знаем о демократии. Мы открыли, что она работает. Но если вы сравните страны с высочайшим уровнем демократии со странами, в которых нет демократии, но наличествует высочайший уровень всех других вещей, которые мы ценим — они точно такие же. Попытка всеобъемлющего анализа деятельности любого демократически избранного правительства неизбежно ставит перед сложнейшей загадкой — почему она работает? Хотя каждые демократические выборы в довольно мрачных тонах иллюстрируют то, как она работает. Может быть, благодаря разнообразию в проявлениях идиотизма, мы, люди, уравновешиваем друг друга? А может быть те, кто добивается политической власти, все же существенно отличаются от прочих паразитов и хищников — тем, что гораздо хуже не тогда, когда их много, а тогда, когда их мало.

Политика в маленьких дозах может сделать жизнь лучше — примерно таким же образом, как принятие маленьких порций яда каждый день, как утверждают, сделало понтийского царя Митридата нечувствительным к яду. Но все же политике самой по себе не находится места в проекте по улучшению жизни. Политика — совершенно иной проект. Похоже, Смит все-таки знал это. В «Теории нравственных чувств» он ясно высказался о необходимости различения морали и политики:

> «Может ли правительство сделать людей счастливее, научив мудрости и добродетели? Боюсь, что ни одно правительство на свете не способно восполнить недостаток таковых».

Смит выступал за различение — и разрыв всех связей — между экономикой и политикой в «Богатстве народов»:

> «Низменную жадность и монополизирующий дух торговцев и производственников, которые ни при каких условиях не должны быть правителями человечества, хотя это, возможно, и не может быть исправлено полностью, все же необходимо стремиться пресекать и ограничивать их амбиции только сферой собственных дел».

Подводя неутешительный итог, Смит был краток:

> «Насилие и несправедливость правителей

человечества — это древнейшее зло, от которого, я боюсь, человек навряд ли сможет когда-нибудь отыскать целебное средство».

Глава 13. АДАМ СМИТ СОБСТВЕННОЙ ПЕРСОНОЙ

Адам Смит признавал только одно средство от насилия и несправедливости со стороны правителей человечества — чтобы человечество правило само собой. Он не предлагал нам демократическим путем выбирать лидеров — они все равно оказываются преступными и несправедливыми. И еще дураками. Которые не прочь завалиться на правительственный диван с кем-нибудь из персонала. И вместо того чтобы решать жизненно важные для нации вопросы, они так и валяют дурака, слушают своих бестолковых и несущих бред политических консультантов и, улыбаясь от уха до уха, знай себе фотографируются с другими знаменитостями. Чего же Смит хотел от нас? Он просто хотел, чтобы мы включали все наши умственные и физические способности и относились к правителям человечества так, чтобы в случае несправедливости и беспредела без зазрения совести и в мгновение ока оставлять их в их грязных замках бросать на пол куриные кости.

И в этом, и во всем другом философия Смита была твердо основана на практической реальности. Его интересовали те мысли, которым можно было найти непосредственное применение. «Теория нравственных чувств» и «Богатство народов» обогащают читателя скорее рабочими, практическими, чем онтологическими (что бы это ни значило) идеями. Однако это вовсе не то же самое, как если бы на семинаре по философии мы бросили в урну «Критику чистого разума» Иммануила Канта и стали бы критиковать мою младшую сестру за то, что она стала встречаться с этим мерзким и грязным байкером.

Нет, Смит все же был философом. «Нравственные чувства» и «Богатство» не предлагают готовой практической программы ни для морали, ни для экономики, ни для политики, но они могут предложить нам программу для практического мышления.

По одному из определений (взятому мной из словаря), философия — это «совокупность личных идей и умозаключений». (И, между прочим, приходится дочитать аж до пункта 4а, чтобы встретить хоть одно применимое определение сего предмета.) У нас нет особой нужды интересоваться совокупностью идей и умозаключений человека, который чинит нам машину, если только он не пришел к умозаключению ее угнать или залить клея в карбюратор. Личная жизнь механика — или даже президента — это «не нашего ума дело». Но если речь идет о философе — все-

таки приходится признать, что его жизнь, скажем так, занимает в его деле не последнее место. У нас есть законное право интересоваться, какие экзистенциальные переживания и события привели Адама Смита к его идеям и умозаключениям, или наоборот. Да, жизнь человека не подтверждает истинность его мыслей. Но жизнь может быть свидетельством и вещественным доказательством испытания его мыслей в деле.

Особой важностью это свидетельство обладает в случае философов, которые отдаются какой бы то ни было свободе и испытывают эту свободу своей жизнью. Например, Жан-Жак Руссо, столь почитаемый восемью или девятью поколениями романтиков и радикалов. Автор сочинения «Об общественном договоре» на протяжении тридцати лет жил с неграмотной прачкой, причем обращался с ней крайне скверно, а их пятеро детей были отданы в сиротский приют сразу после рождения, и Руссо даже не удосуживался дать им имена. И Смит однажды выразил дань почтения Руссо, в одной из бесед с гостями сказав, что «его сочинения притягательны эмоциональностью и силой умозаключений, Руссо ведет читателя к разумности и истине». Хотя в другой раз в письме из Парижа Дэвиду Юму Смит высказывался о Руссо как о «лицемерном педанте», говоря Юму: «Я полностью убежден, что Руссо — великий пройдоха… и рано или поздно это каждому станет понятно». Так или иначе — вряд ли Смит позволил бы себе быть ведомым Руссо или кем бы то ни было еще, к разуму, истине, или чему бы то ни было, без оглядки и многократной критической проверки карты местности. В отличие от Руссо, Смит никогда бы не изрек: «Все в мире в корне зависит от политики».

Кем на самом деле был Адам Смит и где тот предел, за которым нас это не касается

У нас есть все основания интересоваться личной жизнью Адама Смита. Но есть две проблемы. Первая проблема — сам Смит. Он не вел дневник. Его переписка сохранилась обрывочно, потому что он не озадачивался коллекционированием и сохранением писем, которые писал или получал. Он сжег свои школьные записи. У него не было подобострастного обожателя, который бы записывал каждое его слово. И он не вел блог.

Вторая проблема — это мы и то, что и как мы привыкли узнавать о великих людях и тех, с кем пересекались их жизни. Например, биография Линдона Джонсона велась чуть ли не в реальном времени с начала его активной политической карьеры,

и чтобы прочитать сие писание, нужно потратить времени не меньше. Но что нам это дает? Человеческая душа постижима лишь для Бога, и мы все равно не узнаем о тайнах духовной жизни человека, сколь пространно он не изливался бы в дневниках и каким бы толстым ни был посвященный ему том из серии «Жизнь замечательных людей».

Дело в том, что «личность» в восемнадцатом веке еще не была изобретена. Коперниканский взгляд на космос уже был принят, и Земля больше не считалась центром Вселенной, но романтический неоптолемейский взгляд на космос тоже еще не вошел в моду: собственная персона еще не заняла место земли, вокруг которой вертелось бы все остальное. Комплект причуд и характерных черт, которые отличают одного человека от другого, не считался в высшей степени важным. В 1700-х слово «личность» означало, преимущественно, просто тот факт, что речь идет об одушевленном лице, а не о вещи. Тот смысл этого слова, в котором мы понимаем его сейчас, как принято считать, ввел в моду и широкое обращение философ-трансцецденталист Ральф Уолдо Эмерсон.

Что было у человека восемнадцатого века, так это характер. Если он вообще обладал какими-либо выделяющимися индивидуальными качествами, то характер единственно считался достойным упоминания. А самым лучшим, по всей видимости, считался характер скучный: «Порок всегда капризен; добродетель всегда постоянна и упорядочена», — писал Смит в «Теории нравственных чувств». По мнению Смита, «различие между человеком принципа и чести и недостойным человеком в том… что один остается верен, во всех случаях, уверенно и непоколебимо, своим убеждениям и ценностям, и на протяжение всей жизни руководствуется ими в своих поступках. Другой же действует по-разному и случайно, в зависимости от того, какое настроение, склонность или интерес преобладают в данный момент».

Так что, с точки зрения Адама Смита, почти каждого современного человека можно назвать недостойным. Неудивительно, что столь многие из самых почитаемых — и несовременных — людей восемнадцатого века не «оживают на страницах» для нас, современных. Впрочем, некоторые — как Руссо — оживают так хорошо, что их и сегодня хочется прикончить. Ричард Брукхизер отлично описал, что подразумевалось под характером человека в его биографии Джорджа Вашингтона «Отец-основатель»:

«Мы беспокоимся о нашей аутентичности — являемся ли мы “на самом деле” теми, за кого себя выдаем. Американцы

восемнадцатого века гораздо больше интересовались внешней историей и были менее склонны прокладывать бездну между внешним и внутренним миром человека. “Характер” был ролью, которую каждый играл и вживался в нее, также подразумевая и то, что эта роль всегда оценивалась другими. Это было и представление и рецензия в действии. Каждый человек обладал характером, то есть каждый был действующим характером, как персонаж на сцене».

Характер Адама Смита — почти как у Фреда Мерца в «Я люблю политическую экономию» — был настолько постоянным, упорядоченным и скучным, что он мог бы стать истинным образцом для подражания в глазах любого сторонника его идей и взглядов. Смит прожил большую часть своей взрослой жизни со своей матерью-вдовой, Маргарет Дуглас Смит, и незамужней кузиной Джанет Дуглас. Обе они нежно любили Адама, и он их тоже. Вот, в общем-то, и все.

Признание Смита о его чувствах к матери в письме, рассказывающем его другу и издателю Уильяму Стрэхану о ее смерти в возрасте девяноста лет, определенно не годится для каких-нибудь сенсационных мемуаров двадцать первого века: «Человек, который, я уверен, любил меня больше, чем кто-либо другой любил или будет любить; и кого я сам любил и уважал больше, чем кого бы то, когда бы то ни было».

Только один анекдот из домашней жизни Смита дошел до нас — благодаря сэру Вальтеру Скотту, который был тогда студентом. Как рассказал Скотт, однажды во время чая, Смит привел свою кузину Джанет «в полное смущение тем, что, невзирая на ее настойчивое приглашение присесть за стол, ходил и ходил кругами… и останавливался, только чтобы стащить кусочек сахара из сахарницы, которую многоуважаемая кузина была вынуждена в конце концов поставить к себе на колени, чтоб сохранить от самого неэкономичного расхищения». Впрочем, сэр Вальтер Скотт и знаменит тем, что мог сделать историю из чего угодно.

Когда Смиту было около пятидесяти пяти, он взял в свой дом на воспитание и содержание девятилетнего Дэвида Дугласа, сына другой кузины. Скейтборды, телевидение и компьютерные игры еще не изобрели: Смит пользовался этим и давал Дэвиду уроки. (Хотелось бы надеяться, что на «Колебания в стоимости серебра в течение последних четырех веков» не делался особенный упор.) Дэвид Дуглас стал наследником Смита. В противоположность знакомым нам историям о наследниках знаменитостей, Дуглас вел достойную жизнь, заслужил признание и впоследствии взошел на скамью парламента Шотландии как лорд Рестон.

Нет никаких свидетельств, обвиняющих Адама Смита в безответственности, обмане, непорядочности или хотя бы в том, что он немного перебрал на светском рауте. Зато есть немало свидетельств противоположного характера. Например, когда Смит отказался от профессорской должности в Глазго, чтобы стать наставником юного графа Бэклу, и ушел посреди учебного семестра, он пытался возвратить студентам заплаченные ими деньги. Студенты так любили его, что никто из них не хотел принимать возмещение. Смит упрашивал: «Вы не должны отказывать мне в этом удовлетворении; нет, джентльмены, вам не стоит этого делать». Потом он схватил ближайшего молодого человека за курточку и сунул деньги ему в карман».

Смит получил пожизненный пансион за наставничество графа Бэклу, который впоследствии называл его «друг, которого я любил и уважал не только за его блестящие таланты, но и за все личные добродетели». Годы спустя граф помог Смиту получить правительственную должность, и Смит ответил на это предложением отказаться от своего пансиона. Единственным способом, которым граф мог отговорить Смита от этого пункта чести, было обращение к более личному пункту ее же. Как Смит объяснил в письме другу, «на это граф ответил мне… что я принял в расчет лишь то, что отвечало моей собственной чести, но не принял в расчет то, что пристало его; и что он никогда бы не хотел навлечь тень подозрения, что помог своему доброму другу получить службу, чтобы освободить себя от уговоренного долга».

Адам Смит неплохо заработал в качестве одного из представителей, как он сам выражался, «незажиточной породы людей, в целом называемых писаками». И большую часть от заработанного он отдал. Один источник информации об этом появился на свет из делового письма Смита, которое было продано на аукционе в 1963 голу. В этом письме Смит объяснял, что двести фунтов (а это стоимость его девятимесячного пансиона) необходимо было отправить «уэльскому племяннику», чтобы молодому человеку не пришлось отказываться от интересной должности. Смит не держал экипажа и не тратился чрезмерно на содержание дома или одежду. Он развлекался преимущественно обедами с близкими друзьями по воскресеньям. «Размер его состояния на момент смерти был таковым, что мог бы соответствовать только весьма умеренным доходам, — писал один из его знакомых, — близкие часто подозревали, что большая часть его сбережений была отдана организациям, занимающимся анонимной благотворительностью».

Внешне Адам Смит был крупным человеком, с большими

руками, большими зубами и большим носом — в общем, таким, какими нам, наверное, представляются все почтенные джентльмены восемнадцатого века. На портретах он слегка смахивает на Джорджа Вашингтона, чуть более полного и не такого зубастого и зараженного демократией. «Его облик был мужественным и приятным, — рассказывал один друг. С «улыбкой невыразимой доброты», — рассказывал другой.

Есть один беспокоящий аспект, способный вызвать повышенный интерес современного читателя. Да, именно касающийся романтических скандалов с участием Адама Смита: их не было вовсе. И более того, даже о нескандальных событиях такого рода у нас очень мало информации. Единственным биографом Адама Смита, знавшим его лично, был Дуглас Стюарт, занявший место Смита на посту преподавателя моральной философии в Университете Глазго и сын одного из его университетских приятелей. Стюарта можно заподозрить в том, что он о многом умалчивает… но он рассказал только одну историю:

«В ранние годы жизни господина Смита, как было хорошо известно его друзьям, на протяжении нескольких лет его особым расположением пользовалась одна юная леди необыкновенной красоты и совершенств… Какие обстоятельства воспрепятствовали их союзу, мне неизвестно, но я полагаю, что после этого разочарования он оставил все мысли о женитьбе. Леди, о которой я упомянул, также умерла незамужней… Я имел удовольствие видеть ее, когда ей исполнилось девяносто. Она все еще хранила следы ее былой красоты».

Хотя Стюарта можно подозревать в равной степени и в том, что он просто любил засиживаться ' допоздна за чтением любовной поэзии.

Автор более недавней (1995 год) и более подробной биографии Смита, Иан Симпсон Росс, вынес такой вердикт: «Боюсь, что биограф Смита сможет вынести из исследования его личной жизни не многим более, чем несколько заметок к изучению сублимации».

Но я не был бы по-настоящему современным читателем, если бы не попытался. Смит оставил пару намеков на то, что он был таким же мужчиной, как и все другие. В «Теории нравственных чувств» есть один интересный комментарий — мнение, возникающее, думается, у всех на свете мужчин, когда мода противоречит их естественным вкусам: «Леди… на протяжении последнего столетия имеют склонность сжимать приятную округлость их природных форм в угловатые наряды». И в «Богатстве народов» есть неожиданное замечание о кормящихся

картошкой «несчастных женщинах, живущих проституцией», которых Смит назвал «возможно, самыми красивыми женщинами Британии». Позволим современному читателю произнести многозначительное «хммм…»

Во время путешествия по Франции с юным графом Бэклу Смитом заинтересовалась одна французская маркиза, которая, по словам биографа Джона Рэя, «была весьма известна своими любовными победами». Но ее притязания смутили Смита, и он поспешил уклониться от них, чем немало удивил своих спутников. Однако, по слухам, причиной тому было не только целомудрие. Говорили, что истинной причиной, по которой Смит отверг внимание маркизы, была его любовь к английской леди, пребывавшей в том же городе. Если это и было так, то, по всей видимости, вылилось лишь в еще одно разочарование вдобавок к описанному Стюартом. Возможно, Смит отказался от брака навсегда больше, чем однажды. Мужчины известны такой феноменальной способностью.

Но не спешите думать, что Смит был полным неудачником. Сохранилось одно письмо, красноречиво свидетельствующее о том, что Адам Смит покорил сердце, а возможно и все остальное, мадам Риккобони в Париже. Она была знаменитой актрисой, которая бросила сцену, чтобы стать еще более известной создательницей романтических новелл.

Это письмо было адресовано ее другу, драматургу и актеру Дэвиду Гэррику, и до 1960 года ни один из биографов Смита почему-то не удосуживался перевести его с французского. Вот что говорилось в нем о Смите:

«Ох, эти шотландцы! Эти шотландские собаки! Они появились, чтобы принести мне эту адскую смесь наслаждения и страдания! Я как те глупые юные девушки, которые готовы ловить каждое слово любовника, без тени упрека и сожаления. Ругайте меня, бейте меня и колотите! Но я люблю господина Смита, я люблю его так сильно. И пусть бы черт побрал все наши образованные умы, всех наших философов, и вернул мне господина Смита».

Нужно отметить, что и Смит выразил в свою очередь почтение мадам Риккобони, внеся ее имя в одно из поздних дополнений к «Теории нравственных чувств»:

«Поэты и создатели романов, которые наилучшим образом изображают тонкости и превратности любви и дружбы, такие как Расин, Вольтер, Ричардсон, Мариво и Риккобони, в этих материях могут быть намного более мудрыми учителями, чем Зенон, Хрисипп или Эпиктет».

Но вернемся к теме личности и характера: будучи личностью

выдающейся, Смит все же обладал характером не столь уж ординарным для своей эпохи. Он был тот еще персонаж: например, он ’.разговаривал сам с собой и при этом любил качать головой из стороны в сторону. Когда он шел, то со стороны казалось, как будто ему со всех сторон что-то преграждало путь. Он рассказывал друзьям, что однажды он прогуливался по Хай-стрит в Эдинбурге и услышал, как женщины с рынка, глядя на него, шептались, что какого-то явно богатенького помешанного отпустили гулять одного.

Смит был невероятно рассеян. В период работы над «Богатством народов», когда он жил в доме матери в Киркалди, он вышел однажды в сад в домашнем халате; охваченный своими мыслями, он загулялся так, что вышел на дорогу и прошагал аж пятнадцать миль, до самого Дамферлайна, прежде чем колокольный звон прервал его раздумья, и он осознал, что стоит в халате и домашних тапочках посреди толпы прихожан, спешащих в церковь.

Некто, кому посчастливилось обедать в обществе Смита в Лондоне, рассказывал, что Смит так увлекся разговором, что не только налил в чайник кипящую воду, но и положил туда же хлеб и масло, а потом налил себе чашку и заявил, что это худший чай, какой он пробовал в жизни. Его коллеги из Университета Глазго старались избегать играть с ним в вист — и не потому, что он мошенничал, а потому, что если его вдруг озаряла какая-нибудь идея, он тотчас же сдавался и бросал игру. Однажды за обедом в Далкейт-Хаус, резиденции графа Бэклу, Смит начал вразнос критиковать одного важного политика, в то время как ближайший родственник оного сидел напротив него за столом. Смит остановился, когда осознал это, но все равно пробормотал себе под нос, что черт бы всех побрал, но сказанное было правдой до единого слова.

Большинство из этих анекдотов попадают в категорию, которую журналисты называют «слишком хороши, чтобы проверять». Но есть свидетельство тому, это вполне могло быть правдой — в студенческом конспекте смитовской лекции по риторике. На этой лекции Смит привел в пример рассеянность характера одного их персонажей французской пьесы, и студент на полях прокомментировал это забавной пословицей на латыни — что-то вроде «ну конечно, кто бы говорил».

Когда Смит служил правительственным чиновником в Эдинбурге, у него была положенная по традиции охрана, состоящая из одного человека, наряженного в замысловатое одеяние военного стиля и экипированного семифутовой палкой. Каждый день, когда Смит приезжал, тот обязан был давать своего

рода маленькое представление из нескольких строевых па. Однажды Смит зачаровался этим действом и, пользуясь своей бамбуковой тростью вместо палки, попытался повторить каждое движение солдата, шаг в шаг. И после никто не мог убедить Смита в том, что он сделал что-то странное. Дугалд Стюарт Писал, что у Смита была эстетическая теория, что большая часть удовольствия, получаемого нами от подражательных искусств, связана со сложностью точного подражания. Может, Смит думал именно об этом. А может, просто дурачился.

Но насколько бы Смит ни был рассеян по характеру, он был невероятно собран и ответственен в том, что касалось общественного долга. Он очень высоко ценил социальные аспекты жизни; в «Нравственных чувствах», в разделе, посвященном благопристойности, он писал: «Общество и общение… самые лучшие средства дня восстановления спокойствия ума». Он был членом множества клубов, от Лондонского Королевского Общества до некоего, называемого Избранное Общество Эдинбурга, которое обсуждало вопросы типа идеального размера ферм в Шотландии и предлагало вознаграждение лучшему трубочисту, вычистившему больше всех труб. Он даже получил почетное звание капитана Эдинбургской гвардии, хотя упражнялся ли он в военном деле до или после случая с охранником, мне неизвестно.

Смит, судя по всему, был очень приятным в общении человеком. Джон Рэй рассказывает историю о французском профессоре геологии, которого Смит убедил прийти на вечер музыки волынок. По словам профессора — эти волынки были «самым омерзительным шумом». Но после тот же самый профессор признался, что «никого в Эдинбурге он не навещал чаще, чем Смита».

В числе друзей Смита были Дэвид Юм, Эдвард Гиббон, Уильям Питт-младший, Сэр Вальтер Скотт, Вольтер, Руссо, Эдмунд Берк, Джеймс Уатт, Бенджамин Франклин и Ларошфуко. Сегодня просто невозможно представить такой круг знакомых. Подобных людей вообще нет.

Самым близким другом Смита был Дэвид Юм, с которым он познакомился в Эдинбурге около 1750 года. Они оба были тогда молодыми интеллектуалами, полными благородных помыслов. Пассаж в «Теории нравственных чувств» описывает смитовскую версию таких теплых дружеских отношений:

«Из всех привязанностей человека, основанных на взаимном интересе и долгом опыте знакомства и общения, искренняя дружба более всего заслуживает уважения… Такая привязанность, основанная на добродетельной любви, может быть названа самой

счастливой, ибо она будет самой постоянной и преданной».

А об отношении Юма можно сделать красноречивый вывод из посвященного Смиту и детально продуманного комического эпизода из двенадцати сотен слов; это письмо было отправлено из Лондона в Глазго, где Смит с нетерпением ожидал новостей о том, как была принята в столице публикация «Теории нравственных чувств». Сначала Юм перечислил каждую важную персону, кого он обеспечил копией книги и рекомендациями ее автора, перед тем как сказать:

«Я решил повременить с письмом тебе, пока не соберу достаточно информации об успехе книги, чтобы предсказать с приемлемой вероятностью, будет ли она предана забвению или внесена в регистры храма бессмертия. Хотя с момента публикации прошла только пара недель, мне кажется, уже появляются такие яркие признаки, что я могу почти отважиться предсказать ее судьбу. Однако должен сказать еще, что меня недавно посетил один гость, недавно прибывший из Шотландии. Он рассказал мне, что Университет Глазго намеревается объявить важную должность свободной…»

И далее Юм приводит целый параграф сплетен о том, кто может занять этот пост, ведущих к сплетням об одном их общем знакомом, ведущих к отступлению о другом их друге Лорде Кэймсе и его книге, о которой Юм говорит:

«Надо же, и пришло кому то в голову приготовить соус, смешав в композицию полынь и алоэ — я имею ввиду, соединив метафизику и шотландский закон… Но возвращаясь к твоей книге, и ее успеху в этом городе, я должен сказать тебе — нет, меня опять прерывают! А ведь я строго просил не позволять никому меня беспокоить!

Впрочем, этот гость был довольно интересным — он тоже пишет книги, и у нас был хороший разговор о литературе. Ты говорил мне, что тебе любопытны литературные анекдоты, поэтому я расскажу тебе парочку…»

Что Юм и делает

«Но какое отношение все это имеет к — моей книге? — спросишь ты. Мой дорогой Смит, терпение: приди в спокойствие, покажи себя философом наделе, подумай об истинах и поспешных решениях, о тщетности скорых человеческих суждений — как мало они руководимы разумом в любых делах и вопросах и еще менее в философских, запредельных пониманию толпы».

За этим следует подходящая латинская цитата, а за ней опять поток увещеваний и призывов к невозмутимости и история об афинском политике Фокионе, который всегда подозревал, что совершил какую-то ошибку, когда ему аплодировала толпа. «Предполагая, — продолжал Юм, — что ты уже подготовил себя к самым мрачным рассуждениям, я должен сообщить тебе печальные новости — твоя книга была не слишком удачной, ибо публика, похоже, аплодирует ей с восторгом. Самые неумные люди ищут ее во всех книжных лавках, и толпа умеющих читать рассыпается в чрезмерно громких похвалах».

В этой книге, которую читающая толпа так громко хвалила, Адам Смит писал, что «большая часть человеческого счастья происходит из сознания что, что ты любим». Смит не был, как бы то ни было, одним из тех ужасных индивидуумов, о которых сказано: «он был обожаем всеми». Например, он не нравился Сэмюэлу Джонсону. Предположительно, они встретились впервые на вечере в Лондоне, и позднее тем же вечером Смит решил отправиться в другое место, сказав о Джонсоне, что «он грубиян, настоящий невежда». Джонсон в беседе нападал на Смита за то, что Смит во всем защищал Дэвида Юма, несмотря на его атеистические взгляды, но Смит упорно продолжал восхвалять Юма.

— Что же сказал Джонсон? — спросили Смита.

— Он сказал «Неправда».

— А что ты сказал?

— Я сказал «Ты сукин сын».

Возможно, эта байка и не совсем правдива. Но пусть она будет сохранена историей — в качестве иллюстрации того, что порой происходит, когда встречаются величайшие умы эпохи.

Достоверно известно лишь то, что Смит и Джонсон действительно обменялись парочкой неприятных слов. Но когда Босвелл рассказал Джонсону, что Смит терпеть не может белые стихи, Джонсон сказал «Сэр, я был однажды в компании Смита, и мы не могли стерпеть друг друга, но если бы я узнал, что он так сильно любит рифму, как вы мне говорите, я бы обнял его». Но возможно, все это и придумано, потому что Смит впоследствии стал членом Литературного Клуба, в котором Джонсон всегда был в центре внимания. И Джонсон высказывался в поддержку «Богатства народов», говоря, что «человек, который сам никогда не занимался торговлей, может без сомнения написать о торговле очень хорошо, и ничто так сильно не требует быть освещенным философией, как торговля».

Жизнь Адама Смита — очень экономичный очерк

Адам Смит родился в 1723 году, после смерти отца, который тоже носил имя Адам Смит, и был адвокатом и управляющим таможнями в округе Киркалди, Шотландия. Свободомыслящий фрейдист, если такие бывают, мог бы, наверное, сделать какие-нибудь далеко идущие выводы из отношения Смита-младшего к свободной торговле.

Его семья была заслуженно преуспевающей, с хорошими связями. Он провел детство в том же Киркалди, неподалеку от Эдинбурга. Когда ему было четыре, с ним произошло одно большое приключение — его украли цыгане, хотя, к некоторому разочарованию, он был найден и благополучно доставлен домой уже пару часов спустя. Джон Рэй по этому поводу сказал: «Боюсь, он стал бы очень бедным цыганом». Я не уверен. Вместо гадания и испытания методов психической атаки современные цыгане, вполне возможно, держат парочку транснациональных корпораций.

Смит учился в маленькой деревенской школе в Киркалди, которая, должно быть, все же сильно отличалась от той деревенской школы, в которой учатся мои дети: Смит начал учить латынь в десять. В четырнадцать его отправили учиться в Университет Глазго — в то время это был обычный возраст для первокурсников колледжа. Так что, в отличие от современных тинэйджеров, у них по крайней мере было основание вести себя как разудалые студенты колледжа — хотя у нас нет никаких свидетельств, что так вел себя и Смит.

Любимым предметом Смита была математика (которая имеет или не имеет смысл — в зависимости от того, полагаете вы или нет, что математика срабатывает в свободной рыночной экономике). А любимым учителем Смита был Фрэнсис Хатченсон, философ, этик, и один из тех просвещенных умов эпохи Просвещения, чей свет остался скрыт интеллектуальной историей. Хатченсон был первым профессором в Глазго, который читал лекции на английском, а не на латыни. Он был убежденным защитником личной свободы. Это именно Хатченсон, а не Джереми Бентам первый объявил, что определяющим фактором в этике является «наибольшее счастье наибольшего числа людей».

Смит был отчасти в долгу перед Хатченсоном за тот тезис, что право на собственность основано на труде. (Хотя известно, Джон Локк приводил такой же аргумент.) Хатченсон полагал, что человек обладает правом на собственность, потому что обладает правом на вознаграждение за труд, затраченный на приобретение этой собственности. И Хатченсон косвенно подал Смиту идею Беспристрастного Наблюдателя. Хатченсон пришел к выводу, что

симпатия не могла быть основой морали, потому что мы часто одобряем действия других людей, даже тех, кому мы не симпатизируем. А Смит нашел способ обойти этот аргумент.

В течение первого года работы в университете пресвитерианское духовенство пыталось отлучить Хатченсона от церкви. Его посчитали слишком религиозно оптимистичным, потому что он полагал, что Бог дал нам способности отличать добро от зла, даже если мы не верим в него. Конфликт был сглажен, но, похоже, произвел впечатление на Смита. В своих работах Смит всегда выражал неприязнь к религиозным распрям, и отчасти к самой религии, но в то же время ему удавалось быть, в своем духе, всегда религиозно беспристрастным.

Смит получил грант на образование, позволяющий ему поступить в Оксфорд. В детском возрасте он не отличался хорошим здоровьем, но не был слабаком. Он проезжал верхом триста пятьдесят миль от Глазго до Оксфорда.

Но он ненавидел это место. «В Оксфорде, — писал он в “Богатстве народов”, — большая часть профессоров, похоже, за эти долгие годы оставили даже претензии на то, чтобы быть хорошими учителями». Смит проводил время, читая книги, которые были сверхпрограммными даже по смитовским стандартам. Он читал работы на латыни, греческом, французском, итальянском и английском. Смит, который к тому времени уже переписывался с Дэвидом Юмом, хотя они еще и не встретились лично, однажды был пойман за чтением «Трактата о человеческой природе» Юма. Книга была конфискована недремлющими членами консервативной партии. Его пребывание в Оксфорде, с семнадцати до двадцати трех, похоже, было единственным периодом в жизни Смита, когда он почти не имел друзей.

В 1746 году он закончил Оксфорд, вернулся домой к матери и стал зарабатывать лекциями по английской литературе. Смиту нравились Александр Поуп и Грей, и он не любил короткие и более популярные поэмы Мильтона. Он считал Драйдена лучшим поэтом, чем Шекспир, и соглашался с Вольтером, что Шекспир писал хорошие сцены, но не хорошие пьесы. В предисловии к «Лирическим балладам» Вордсворт назовет Смита «самым худшим критиком, которого произвела шотландская земля, не считая Дэвида Юма, — хотя сорняки такого рода, похоже, естественны для ее тернистой почвы».

Впрочем, Смит сам не был слишком высокого мнения о своих лекциях. В «Теории нравственных чувств» есть комментарий о том, что некоторые вещи — «не более чем дело вкуса», и восприятия такого рода отличаются «тонкостью и

деликатностью». Впрочем, энтузиастов самообразования Эдинбурга в лекциях Смита привлекал больше его английский, а не рассуждения о литературе. Смита слушали как того, кто самым модным образом потерял свой шотландский акцент. Благо для нас, что это произошло, а иначе чтение «Богатства народов» напоминало бы посещение самого ужасного вечера Роберта Бернса.

В 1751 году, когда ему было двадцать восемь, Смит получил должность профессора логики в Университете Глазго. Вскоре он получил повышение и занял более престижную должность на кафедре моральной философии. Смит был популярным профессором — как уже говорилось, его очень любили студенты. Доктор Трончин, медик Вольтера, отправил своего сына учиться под руководством Смита, и будущий премьер-министр, лорд Шелбурн, тоже отправил своего младшего брата. Смит привлекал студентов даже из такой дали, как Россия. Его ученики Семен Ефимович Десницкий и Иван Андреевич Третьяков станут впоследствии профессорами Московского университета, где будут продвигать идеи Адама Смита. Однако, похоже, их так никто и не подхватил.

В Глазго Смит также служил квестором (кто-то вроде заведующего финансами), куратором отделений колледжа, вице-ректором, претором университетских встреч и занимал немало других должностей с не менее забавными названиями. И на всех постах он вел активную деятельность, и ему доверяли. Так что — между рассеянностью и легкомыслием такая же большая разница, как, например, между внешней политикой Британии и Франции.

Смит очень тепло отзывался о времени службы в Университете Глазго:

> «Период, длинной в 13 лет, который… я помню как самый полезный, и следовательно, самый счастливый и самый почетный период в моей жизни».

Хотя надо учесть, что Смит писал это в благодарственном письме университету за избрание его на должность ректора в 1787 году — разве он мог сказать что-то иное?

В 1763 году Смиту предложили должность наставника для сопровождения семнадцатилетнего графа Бэклу в его путешествии по Франции. И он принял это предложение с радостью.

Мнение Смита о таких турах на континент было внесено в «Богатство народов»:

> «В Англии с каждым днем все более и более входит в

> традицию отправлять молодых людей путешествовать в другие страны сразу после окончания школы… Считается, что нашим молодым людям такие путешествия очень идут на пользу. Молодой человек, который едет за границу в семнадцать или восемнадцать и возвращается домой в двадцать один, становится на три или четыре года старше… В этом возрасте трудно не повзрослеть за три или четыре года… В других же отношениях, они чаще всего возвращаются домой более самоуверенными, но и более беспринципными, более распущенными и менее способными к приложению своих достойных качеств к серьезному делу, будь то учеба или бизнес, по сравнению с тем, каким он мог бы стать, проведя тот же период времени дома».

Граф Бэклу, похоже, был очень милым молодым человеком. Когда он вырос, то стал, как написано в одиннадцатом издании Британской энциклопедии, «известен своей щедростью и благодеяниями» (в том числе и к Адаму Смиту — добавим мы). Наверное, Смит надеялся, что граф никогда не прочтет «Богатство».

Предложение этой работы поступило от отчима графа, Чарльза Тауншенда, будущего канцлера министерства финансов, который даст повод началу американской революции введением налога на торговлю чаем. В то время «Богатство народов» еще не было написано — но Тауншенд был впечатлен и первой книгой Смита.

«Теория нравственных чувств» пользовалась большим успехом во Франции. Смита приглашали во все интеллектуальные салоны, хотя его языковые возможности были далеки от совершенства. Возможно, многие из замечаний Смита были восприняты Киснеем, Тюрго, Гельвецием, Дидро, ну и, конечно, мадам Риккобони. Если вспомнить о том, что отражено в письме Гэррику, то можно представить, какого рода замечания она приняла наиболее близко к сердцу.

Во время путешествия в Женеву Смит встречался с Вольтером пять или шесть раз. Очевидно, Вольтер рассказал Смиту историю о том, как их общий друг, старый негодяй граф Ришелье, одолжил одну гравюру у венского посольства и так и не вернул ее обратно. И еще Вольтер подкалывал Смита, говоря, что «у англичан есть только один соус — растаявшее масло». Встреча великих умов, часть II. Французский профессор, которому пришлось терпеть волынки, рассказывал, что Смит очень чтил память о встречах с Вольтером.

В конце 1766 года Смит вернулся домой, чтобы погрузиться в работу над «Исследованием о природе и причинах богатства народов». На протяжении следующих десяти лет Смит писал, правил и переписывал.

Публикация «Богатства» произвела почти моментальный эффект, и не только в хорошем смысле. В книге 5, как и можно было предположить, многие пункты произвели впечатление на влиятельных людей. А любой совет, данный правительству, каким бы он ни был обоснованным, интеллигентным и подкрепленным принципами, может привести только к одному результату — увеличению правительственных деклараций. В 1777–1778 годах премьер-министр лорд Норт предложил ввести четыре новых налога, идеи о которых почерпнул из «Богатства».

Это были налог на прислугу, вписанную в категорию, названную Смитом «непроизводительный труд»; налог на жилые дома, о которых Смит писал, что «рента за дома должна выплачиваться как за пользование непроизводственным объектом»; налог на собственность, продаваемую на аукционе, — Смит неосторожно отметил, что определенные сделки с собственностью, «публичные или общеизвестные… могут облагаться налогом непосредственно». И еще был налог на солод, что означало налог на пиво, эту роскошную статью расходов низших слоев народа. Но у Смита были добрые намерения — он отметил в рассуждении о «налогах на потребительские товары», что «тот доход, что есть сейчас, получаемый от высоких налогов на солод, пиво и эль, может быть увеличен… более низким налогом на солод». Но мы-то знаем, что благими намерениями выложена дорога отнюдь не к дешевому пиву.

Но «Богатство народов» произвело также и хорошие эффекты — такие, как весь современный свободный мир. Аргументы Смита помогли сформировать Парижское соглашение, положившее конец революционной войне. Граф Шелбурн, чей младший брат прибыл в дом Смита в Университете Глазго, был ранним сторонником и защитником смитовских идей, он говорил, что был захвачен и вдохновлен ими впервые во время путешествия, которое они вдвоем проделали из Глазго в Лондон в 1761 году. Шелбурн стал премьер-министром в 1782 году, и на следующий же год подписал мир с Соединенными Штатами. Шелбурн заявил, что Парижское Соглашение было заключено во многом под влиянием «великого принципа свободной торговли».

Четыре года спустя Питт-младший обратится к тому же принципу в его Билле Консолидации, реформирующем британские таможенные и акцизные законы. Века меркантилистских средств и правительственного регулирования

привели к тому, что парламенту были представлены 2573 персональных прошения об утверждении тех или иных реформ, предлагавшихся в проекте этого билля. Питт также пытался привести в действие идею Смита о конституционном объединении с Ирландией. Конфликт, произошедший на этой почве, продолжается и по сей день.

Есть история, что за несколько лет до смерти Смит посетил один дом в Лондоне, где собиралось избранное общество, в том числе Генри Дандас, Уильям Гренвиль, Уильям Уилберфорс, Питт и Генри Аддингтон, сменивший впоследствии Питта на посту премьер-министра. Когда в зал вошел Смит, все они встали.

— Садитесь, джентльмены, — сказал Смит.

— Нет, — ответил Питт, — мы будем стоять, пока вы не сядете первым, потому что все мы ваши ученики.

Это вполне могло произойти. Но как политики мира в действительности видели Адама Смита, возможно, лучше выразил Чарльз Джеймс Фокс, представитель консервативной партии, который долгое время был главным политическим противником Питта. Именно Фокс, а не Питт всецело разделял убеждения Смита о политической либерализации, социальной толерантности и поддержке авторитета парламента над королевским приоритетом. Фокс был одним из горячих, благонамеренных и прогрессивных умов с беспорядочной личной жизнью, такого типа, как Тед Кеннеди, который очень симпатизировал Французской Революции и был против британского вторжения во французские революционные беспорядки. Фокс говорил писателю Чарльзу Батлеру, что он никогда не читал «Богатства народов», и объяснял: «Есть что-то во всех этих вопросах, что превосходит мое понимание; что-то такое широкое и значительное, что я не способен объять сам и не могу найти никого, кто смог бы».

И естественно, как предсказал бы вам любой студент политологии, именно Фокс был первым, кто процитировал «Богатство народов» в парламенте:

«Есть принцип, положенный в основу превосходной книги о богатстве народов… который неопровержим, потому что истинен. В этой книге говорится, что единственный способ достичь богатства — это организовать дела так, чтобы доходы превышали расходы. Этот принцип применим в равной степени к индивидуумам и к народу».

В 1778 году Смит был назначен уполномоченным по таможенным делам Шотландии, с большой зарплатой и различными дополнительными привилегиями — типа того самого марширующего охранника у дверей Таможенной Палаты.

Между продажами книг и работой чиновником Смит делал деньги попытками упразднить таможенные сборы и одновременно попытками собирать их. Он бы не подумал, что это так забавно, как думаем мы. Это был его семейный бизнес. Не только отец Смита заведовал таможнями в Киркалди, но и его двоюродный брат, третий Адам Смит, который продолжал занимать пост главного инспектора внешних портов. За это время в службе британских таможен случилась одна неприятная история халатности и казнокрадства. Но поставить лису следить за гусями — если это была теоретически подкованная, честная, и незаинтересованная лиса — было все же лучше, чем обычная практика поставить гуся присматривать за гусями.

После семи лет работы с таможнями Смит писал Уильяму Идену, секретарю Торговой Палаты, что «совокупность доходов от шотландских таможен выросла по меньшей мере в четыре раза, по сравнению с теми, что были семь или восемь лет назад… Я льщу себе, что вероятно и в дальнейшем они будут расти».

В то же самое время маловероятно, чтобы Смит свирепствовал на таможенной службе. Напротив, он считал непомерные налоги на импорт чуть ли не уголовно наказуемым фактом и писал в «Богатстве народов»:

> «Это закон, который в противоположность всем обычным принципам правосудия, сначала создает соблазн, а потом наказывает тех, кто поддался ему». Смит даже выражал некоторую заботу о самих контрабандистах, утверждая, что контрабанда, более чем разрушительная для экономики, «была бы разрушительна и для контрабандиста, человека, который, без сомнения, виновен в нарушении законов своей страны, но чаще всего не способен на преступление естественных законов и был бы, во всех отношениях, образцовым гражданином, если бы законы его страны не сделали преступлением то, что природой никогда не полагалось таковым».

Смит даже зашел так далеко, что заявил:

> «Притворяться в угрызениях совести за покупку товаров у контрабандистов… это одна из тех педантских деталей лицемерия, которые, вместо того чтобы располагать к чьему-либо доверию, напротив, выставляют человека еще большим жуликом».

Так что к пожилым леди в туристическом автобусе,

пересекающим границу на пути от Ниагарского водопада, с сумочками, набитыми наркотиками, прописанными докторами в Канаде, Адам Смит отнесся бы с мягкостью.

В поздние годы Смит перевез мать и незамужнюю сестру в новый, красивый и просторный дом в Эдинбурге. Там он и прожил последние двенадцать лет своей жизни, в делах и общении, в соответствии с программой, рекомендованной им рабочим Англии и Шотландии в книге 1 «Богатства»:

> «Напряженный труд, умственный или физический, продолжаемый в течение нескольких дней, у большинства людей влечет большое желание расслабиться и отдохнуть отдел… Это зов природы, которому волей-неволей необходимо следовать, иногда просто облегчая выполняемую работу, а иногда также и отвлекаясь от работы веселым времяпрепровождением».

Природа огласила свой последний зов 17 июля 1790. Здоровье Смита ухудшилось. В последних поправках к «Теории нравственных чувств» он добавил две дюжины параграфов, по большей части одобренных и включенных в окончательную версию, о стоическом отношении к смерти:

> «Следуйте вперед без ропота и жалоб. Следуйте спокойно, довольно, радостно, принося благодарность Господу, который в своей бесконечной щедрости даровал нам безмятежную и тихую гавань смерти, во все времена готовую принять нас из бушующего океана человеческой жизни».

Смит худел и слабел с каждым днем, но в воскресенье, перед тем как он умер, он дал традиционный еженедельный обед своим друзьям. Его последними известными словами были: «Я полагаю, мы могли бы перенести эту встречу в какое-нибудь другое место».

Глава 14. АДАМ СМИТ НА НЕБЕСАХ

Куда же Адам Смит предлагал перенести встречу? И что это была за «непосредственная и здравая вера, свободная от всякого абсурда, обмана или фанатизма», которую желали бы видеть установленной он и все остальные мудрые люди? (Разве не были бы похороны слишком скучными без доли абсурда? А какая свадебная церемония совершается без обмана?) Из его работ мы можем узнать — и порой, в мучительно подробных деталях — что Адам Смит думал. Но во что верил Адам Смит — определить намного и намного сложнее.

Смит, в общем, придерживался основного русла взглядов интеллигенции эпохи Просвещения, которые можно утрированно назвать деизмом — верой в то, что единственным делом Бога было придумать и завести вселенские часы. Джон Рэй называл Смита более точно — теистом. Различие заключается в том, что теизм подчеркивает значимость веры в Бога, в то время как деизм подчеркивает неверие в сверхъестественные аспекты религии, которые, в широком рассмотрении, и являются всеми в совокупности сущностными аспектами того, что принято понимать под словом «религия». Смит верил в более активно вовлеченного во вселенские дела Бога: «Размышление о мире без отца — пожалуй, самое меланхоличное из всех размышлений». Хотя, все мы знаем, насколько «активно» порой отцы участвуют в заботе о детях.

Смит часто деперсонализировал Бога, используя слово природа. Часто, но не всегда. В «Теории нравственных чувств» Смит, написав, что «творения природы… похоже, все стремятся к увеличению счастья и предохранению от несчастья», продолжил предложением, что когда мы препятствуем этим творениям природы в их стремлениях, мы «делаем себя, если можно так выразиться, в некоторой степени врагами Бога».

До какой степени Адам Смит был образцовым христианином, определить еще сложнее. Хотя и в самом христианском учении говорится о том, что никого нельзя по праву назвать таковым. Один современник Смита, любитель сплетен Джон Рамсей, назвал Смита «удручающе немногословным» в том, что касалось религиозных вопросов, но также рассказал, что во время священной мессы Смита обычно видели с открытой улыбкой на лице. (А что, разве в этом есть что-то странное?) В опубликованных текстах Смита я обнаружил только одно непосредственное упоминание Иисуса Христа, и это упомянутые вскользь «… заповеди нашего Спасителя…» Но это написано

уважительно, с большой буквы. Возможно, Смит думал, что значимость христианской веры очевидна каждому, без дополнительных наставлений.

В последней редакции Смит удалил из «Теории нравственных чувств» длинный теологический параграф, полный христианских обоснований воздаяния за достойные и недостойные дела. Дело было в том, что этот пассаж, в совокупности с похвальной речью Дэвиду Юму, вызвал, метафорически выражаясь, стероидную ярость мускулистых христиан девятнадцатого века. Как сообщают, Смит пошел им на встречу и вырезал оскорбительно звучащий пассаж, объяснив, что он был «неуместен, и в нем не было необходимости». Возможно, так оно и было. Его основной темой было наше личное желание воздаяния, — а это вопрос, по сути своей, далекий от помыслов о божественном. Но у Адама Смита, как нам известно, были свои взгляды на божественный промысел. Например, Смит почти определенно отметил бы, что эволюция является разумным замыслом.

Смит снова и снова выражал свое безразличие к метафизике. Хотя когда он стал профессором Университета Глазго, то подписал Вестминстерское исповедание веры, подтверждающее его принадлежность к пресвитерианской церкви. Предположительно, подпись все еще была в силе, когда он принял титул ректора тридцать шесть лет спустя. Адам Смит не был первым, кто предпочитал не распространяться о своих религиозных взглядах — или, может быть, просто находил эту тему слишком скучной, чтобы о ней размышлять. «Природа, — говорил он, — не предписывала нам сделать такого рода возвышенные медитации главным делом и занятием нашей жизни».

Все это вовсе не говорит о том, что Смит был религиозным скептиком — разве только о том, что он был настолько скептичен, что со скепсисом относился и к скептицизму. Смит следовал логике «глубокого личного неубеждения». «Приведен к заключению, но не убежден», — произнес Смит, после того как проиграл в дебатах в одном из клубов в Глазго. Если он и не отрицал религию, то отрицал религиозность и заявлял, что это попросту глупо, когда «публичное и личное поклонение божественному представляют единственной добродетелью, достойной вознаграждения или освобождения от наказания в будущем».

Смит не верил в аскетизм и «тех черствых и меланхоличных моралистов, которые постоянно попрекают нас за наше счастье». У него также были сомнения по поводу стоицизма и «совершенного бесстрастия, которое нам предписывают стоики,

убеждая не только умерить, но и вырвать с корнем все наши личные и пристрастные чувства». Он называл это «черствой, тупой нечувствительностью к событиям человеческой жизни».

Смит уважал Юма, но удивлялся утилитарным взглядам, которых придерживался Юм. Смит писал, что если принять утилитаризм всерьез, то «у нас не будет других причин восторгаться человеком, кроме тех, что сродни причинам, по которым мы хвалим удобный и добротно сделанный комод».

Адам Смит не доверял ни одной форме казуистики или софистики и тем ловким и ложным обоснованиям, которые хитроумная, но пустая игра слов может подвести под любые пороки и недостойные дела. Смит писал, что человек, который учит казуистике (юрист, эксперт по связям с общественностью* лоббист, стратег и имиджмейкер политических кампаний) — это всегда человек крайне ненадежный, который серьезно и по доброй воле стремится обмануть других, но в то же самое время хочет польстить себе, что он действительно говорит истину.

Смита не впечатляло большинство философов. И особенно его не впечатляли такие, о которых он высказался в одном из комментариев, перефразируя Цицерона: «Наверное, нет такой бессмыслицы… которую когда-либо не утверждал кто-нибудь из философов». «Философы, — писал Смит, — склонны лелеять с особой нежностью странное пристрастие рассматривать со всех возможных сторон минимальное количество принципов, как будто именно это наилучшим образом демонстрирует искушенность и изощренность их ума». (Он приводил в пример Эпикура, но… буду ли я неправ, если скажу, что едва ли он сам мог удержаться от такого подхода к делу?) По мнению Смита, в философии было что-то тщеславное: «Люди любят парадоксы, и еще больше любят создавать видимость понимания того, что превосходит понимание обычных людей». Многие высказывания Смита можно назвать чуждыми и даже враждебными философской точке зрения: «Философские обоснования… хотя они зачастую могут привести в замешательство и усложнить понимание, но все же не способны разрушить ту необходимую связь, которую Природа установила между причинами и следствиями». Хотя порой Смит сомневался в однозначности разума: «Абсурдно и непостижимо представление, что понимание и различение верного и ошибочного могут быть изначально порождены одним лишь чистым разумом».

Адам Смит замыслил и во многом претворил в жизнь монументальный проект по улучшению каждого аспекта человеческого существования. Скептицизм мало кто посчитал бы набором строительных инструментов. Возможно, единственным

философом, пытавшимся создать нечто хорошее с помощью скептицизма, был Сократ — если вы считаете философию Платона достаточно хорошей. Адам Смит считал: «Сочинения Платона… столь одухотворены его верой и любовью к человечеству». Но в «Богатстве народов» нет ничего, подобного абсурду Океании, Утопии или того же «Государства», в котором говорилось, что «гимны богам и восхваления великих людей — единственная поэзия, которая может быть признана в нашем Государстве» (Книга 10). И хотя Адам Смит был скептиком, в «Богатстве народов» и «Теории нравственных чувств» нет и тени того пессимизма, которым отмечены античные скептики — такие, как Пиррон из Элиды, Аркесилай, или Энесидем (которые возможно и были пессимистами только потому, что верно предполагали — никто не потрудится сохранить их работы или как следует запомнить их имена).

Скептицизм был просто способом Адама Смита не озадачиваться рассмотрением тех вещей, которые нельзя увидеть. Он видел, что людям свойственны симпатия, воображение и желание преуспевать в жизни. И видел, что всевозможные разновидности того, что он называл «спекулятивные системы» преграждали людям добрый путь. По отношению к этим спекулятивным системам Смит всегда применял свой скептический инструментарий и всегда был готов предоставить слишком дальнозорким провидческим схемам и страдающим чрезмерной точностью учебникам жизни целебные очки здравого смысла. Он выпустил весь воздух из напыщенной философии одним остро отточенным словом, подобрав синоним для понятия «метафизика»: он назвал ее «пневматика», наука о воздухе. Смит писал:

«Спекулятивные системы во все времена принимались людьми слишком поверхностными, далекими от настоящего понимания, и никогда не определяли суждения людей трезвых и здравомыслящих, особенно в вопросах их конкретных личных интересов. Софистика редко имела влияние на мнения мыслящих людей, кроме частных вопросов философии и чисто умозрительных рассуждений; и только в этих вопросах всерьез принималась во внимание».

Так что — заботьтесь о своих делах, а спекулятивные философы, утописты, политики и экономисты позаботятся о себе сами.

Приложение

ФИЛОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ АДАМА СМИТА

Любое рассуждение о работах Адама Смита неизбежно оставляет еще очень много необдуманных мыслей. В этой

маленькой книге нет места для всех, и даже для многих из его изречений, афоризмов, эпиграмм, озарений, наблюдений, максим, аксиом, здравых мыслей и просто интересных личных мнений. Вольтер, который во многом вдохновлял Смита, собрал свои краткие поучительные заметки в одну книгу, названную им «Философский словарь». Когда издатели Вольтера, уже после его смерти, готовили к публикации полное собрание его сочинений, они обнаружили целую груду всевозможных литературных «излишков» — памфлеты, речи, небольшие эссе, заметки и так далее. Они позаимствовали заголовок Вольтера, и упаковали все это в «Словарь», создав композицию, которую едва ли можно было назвать словарем, и которая была философской разве что в самом широком смысле. Я решил еще раз позаимствовать вольтеровскую идею и смешать разнородные интеллектуальные ингредиенты из коллекции Адама Смита в хороший коктейль — бодрящий и питательный для ума.

Приложение. ФИЛОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ АДАМА СМИТА

Банки, мусульманские

Если закон запрещает преследовать выгоду, это не значит, что он мешает ее получать.

«Богатство», книга I

Бедные, но счастливые

Такой порок, как легкомыслие, всегда губителен для обычных людей.

«Богатство», книга 5

Бездомные, альтернативный взгляд на проблему

Попрошайка, который греется на солнце у обочины дороги, находится в большей безопасности, чем король.

«Теория нравственных чувств», часть 4

Бизнес и правительство, иллюзорность необходимой связи между ними

Алчность и несправедливость всегда близоруки.

«Богатство», книга 3

Бизнес, правительственное регулирование

«Попросту бесполезная» — высочайшая похвала, которую можно справедливо пожаловать регулируемой правительством компании.

«Богатство», книга 5

Благополучие

Пытаться увеличить богатство любой страны, предоставляя ей или удерживая в ней ненужное количество золота и серебра, так же абсурдно, как попытка увеличить благополучие отдельной семьи, заставляя ее держать ненужное количество кухонной утвари.

«Богатство», книга 4

Богачи

Для большей части богатых людей главное наслаждение от богатства состоит в приемах и церемониях, на которых они могут показать свое богатство другим, и оно никогда не бывает столь полным в их глазах, чем когда они демонстрируют владение вещами, которых нет ни у кого другого.

«Богатство», книга 1

Войны, смитовский план по их сокращению

Если бы затраты на войну оплачивались всегда только из роста бюджета за год… войны, вероятно, заканчивались бы гораздо быстрее и затевались бы с меньшим энтузиазмом.

«Богатство», книга 5

Война как экономический стимул, без которого нам лучше бы обойтись

Посреди самой разрушительной внешней войны… большая часть фабрик и заводов могут спокойно процветать; и, напротив, они могут нести убытки по восстановлении мира. Они могут преуспевать, когда часть страны лежит в руинах, и начать угасать при ее благоденствии.

«Богатство», книга 4

Война, интерес общественности к ней

В великих империях многие люди, живущие в столице, так же как и в отдаленных от сцены военных действий провинциях, редко ощущают какое-либо неудобство от войны, и даже получают от нее определенное удовольствие, с восхищением читая газеты, которые рассказывают о подвигах флота и армий их страны. Для них это удовольствие стоит лишь небольшого различия в налогах, которые они платят во время войны, и тех, к которым они привыкли во время мира. Они, в общем, не так уж радуются восстановлению мира, который кладет конец их восторгам.

«Богатство», книга 5

Враги из числа местных жителей

Нет ничего более презренного, чем война с индейцами в Северной Америке.

«Богатство», книга 5

Голод

Кто бы ни исследовал, с самым пристальным вниманием, историю голодных времен, поражавших любую часть Европы в наше время или в течение двух предыдущих веков… обнаружит… что голод никогда не возникал по иной причине, кроме насилия правительства, пытающегося неподходящими средствами предотвратить голод.

«Богатство», книга 4

Голод и его избежание

Ничто не делает больший вклад в выращивание зерна, чем торговля зерном.

«Богатство», книга 4

Гордость и честолюбие, в их защиту

Гордости часто сопутствуют многие достойные добродетели… Честолюбию сопутствуют многие добродетели, вызывающие симпатию.

«Теория нравственных чувств», часть 6

Деньги

Деньги… это надежный друг.

«Богатство», книга 4

Деньги — надежный друг, когда мы можем найти его

Когда у нас есть деньги, мы можем с большей легкостью достичь каких-либо иных целей, чем посредством любой другой вещи. Как часто оказывается, и в предприятиях, не связанных напрямую с деньгами, самое трудное дело — это найти деньги.

«Богатство», книга 4

Доброе дело, его экономический анализ

Недавнее решение относительно квакеров в Пенсильвании — освободить всех их черных рабов — может удовлетворить нас тем, что их число все же не может быть очень велико.

«Богатство», книга 3

Евросоюз

Политики Европы вечно не позволяют событиям свободно идти своим чередом.

«Богатство», книга 1

Жадность, чем она хороша и как она разрушает монополистские союзы среди торговцев и промышленников

В свободной торговле законный союз заключается только при согласии каждого торговца в отдельности, и такой союз не сможет продолжать существование, если кому-либо из его участников это станет невыгодно.

«Богатство», книга 1

Жены

Представительницы прекрасного пола, как правило, намного более нежны, чем мы, но чрезвычайно редко обладают такой же щедростью.

«Теория нравственных чувств», часть 4

Зарплаты, слишком низкие по сравнению с прибылью

Требования тех, кто живет на зарплату… естественно возрастают с ростом народного богатства, и не могут возрастать сами по себе.

«Богатство», книга 1

Зарплаты, слишком высокие по сравнению с прибылью

Жаловаться на свободное вознаграждение за труд… означает сожалеть о необходимом эффекте и причине процветания нации.

«Богатство», книга 1

Знаменитости, вся правда о их жизни

Человек выдающийся и занимающий высокое положение в обществе, как правило, у всех на виду. Каждый хочет взглянуть на него, и разделить, хотя бы посредством своей симпатии, то ликование и радость жизни, на которые такого человека вдохновляет его успех… Редко случается, что слово или жест, исходящие от него, не получают признания или отвергаются… Он

в любой момент обладает возможностью вызвать огромный интерес к своей персоне, предстать объектом всеобщего восхищенного созерцания и дружеских чувств. Но все это, тем не менее, ведет его к потере личной свободы и зачастую омрачается сильнейшей завистью и лицемерием со стороны окружающих.

«Теория нравственных чувств», часть 1

Знаменитости, вынужденные оправдывать ожидания

Ибо хотя быть у всех на виду и быть счастливым — вещи все же совершенно разные, все-таки уйти в тень от блистательного света почестей и признания, чувствовать, что нас не замечают… это разочаровывает самые страстные желания человеческой природы.

«Теория нравственных чувств», часть 1

Знаменитости, последнее слово о них

Склонность восторгаться богатыми и знаменитыми и презирать бедных и невысокого положения… это великая и самая распространенная причина растления наших нравственных чувств.

«Теория нравственных чувств», часть I

Иммиграция, чрезмерные волнения по ее поводу

Из всех видов багажа человек труднее всего поддается транспортировке.

«Богатство», книга 1

Интерьер, дизайн

Декорации из трофеев, музыкальных инструментов или оружия сами по себе или изображенные на картинах и в лепке создают обычное и приятное украшение наших залов и гостиных. Декорации такого же рода, но составленные из хирургических инструментов, ножей для ампутации или пил для обрезки костей и т. д. были бы абсурдными и шокирующими.

«Теория нравственных чувств», часть 1

Исповедь

Ни один человек не обращается к исповеднику за отпущением грехов только потому, что не совершил самый щедрый, самый бескорыстный или самый великодушный поступок, который мог совершить в сложившихся обстоятельствах.

«Теория нравственных чувств», часть 7

Италия

Италия все еще продолжает использовать в своих интересах всеобщее восхищение многочисленными монументами и другими произведениями искусства, которыми владеет, хотя богатство, создавшее их, уже иссякло и создавший их гений уже истощился.

«Богатство», книга 2

Качество

Качество — это такая спорная материя, что вся информация подобного рода кажется мне весьма неопределенной.

«Богатство», книга 1

Корпорации и управление ими

Деятельность акционерной компании всегда регулируется советом директоров… и подлежит, во многих отношениях, контролю генерального совета владельцев. Но в большинстве своем, эти владельцы редко претендуют на понимание чего-либо в делах компании; и… не беспокоятся ни о чем, кроме получения своей части дивидендов, от того, что сумеют принести компании директора… Таким образом, директора этих компаний, распоряжаются, скорее, деньгами других людей, чем своими собственными, и поэтому не стоит ожидать, что они будут заботиться о них с теми же бдительностью и усердием, с которыми партнеры частных деловых сообществ заботятся о деньгах собственных. Как управляющие при доме богатого человека, они склонны рассматривать мелочи, как нечто недостойное внимания своего хозяина, и запросто освобождают и себя от внимания к ним. Таким образом, управлению подобными организациями, как правило, сопутствуют невнимательность и халатность,

«Богатство», книга 5

Кредитные карты

Если что-то где-то может быть сделано с помощью денег, то с необходимостью сколько-то должно быть заплачено за их использование.

«Богатство», книга 2

Культура

Музыка и танцы — главные развлечения почти всех варварских народов.

«Богатство», книга 5

Культура, продолжение

Все дикари слишком заняты собственными желаниями и потребностями, чтобы уделять много внимания другим людям.

«Теория нравственных чувств», часть 5

Культура, дальнейшие мысли

Увы, в цивилизованном обществе люди из низших слоев часто впадают в вялую тупость, и их сознание приходит в оцепенение.

Либералы на лимузинах

Владельцы больших капиталов… чаще всего, к сожалению, обладают непосредственным или косвенным влиянием на деятельность правительства. Ради уважения и власти, которыми

они пользуются, занимая такое положение, они готовы жить и в той стране, где их капитал… принесет им меньше прибыли.

«Богатство», книга 5

Либералы на лимузинах, продолжение

В общественных, так же как и в частных расходах, огромное богатство часто служит оправданием большим ошибкам и пустому расточительству.

«Богатство», книга 4

Мода и ее жертвы

В каждом цивилизованном обществе… всегда существовали две разные схемы или системы морали, действенные в одно и то же время; из которых первая может быть обозначена как строгость или простота; а вторая — как либеральная, или, если хотите, распущенная система. Первую по большей части ценят, и пользуются ею как руководством обычные люди, а вторую, в основном, принимают и почитают те, кого называют модниками.

«Богатство», книга 5

Монархия или демократия, что хуже?

Англия… в мирное и изобильное время часто впадала в лень и беспечность, что, возможно, естественно для монархий; но во время войн непременно действовала со всем тем бездумным сумасбродством, к которому так склонны демократии.

«Богатство», книга 5

Мужья

Жить настолько легко, насколько это вообще возможно — в интересах каждого; и если заработки или привилегии человека будут совершенно одинаковыми, вне зависимости от того, исполняет он или нет какие-нибудь дополнительные и требующие усилий обязанности, то без сомнения он предпочтет… отказаться от их исполнения совсем или, если он подчинен некоторой власти, не позволяющей ему сделать это, выполнять их настолько безразлично и небрежно, насколько позволит власть.

«Богатство», книга 5

Мужья, продолжение

Разделять или не разделять радости наших компаньонов — это дело желания или вежливости; но не делать серьезное лицо, когда они рассказывают нам о своих несчастьях — настоящая бесчеловечная грубость.

«Теория нравственных чувств», часть 1

Наркотики, почему законы против них не работают

Не большое количество питейных заведений… влечет предрасположенность людей к пьянству… напротив, эта предрасположенность возникает по другим причинам, и она сама естественно влечет появление множества питейных домов.

«Богатство», книга 2

Ненависть

Наши чувства, мысли, намерения стали бы тогда объектами наказания… Каждое судебное разбирательство оборачивалось бы настоящей инквизицией. Не было бы уверенности даже в самом невинном и осмотрительном поведении — оставались бы под подозрением и преследованием, возможно, скрытые за ним дурные желания, дурные взгляды, дурные помыслы.

«Теория нравственных чувств», часть 2

Одежда, совет нелепо одетым молодым бездельникам

Насколько людям постыдно не одеваться, настолько же постыдно не заниматься трудом, как положено всем.

«Богатство», книга 1

ООН

Забота о предусмотрительном и уважительном отношении к законам или правилам, утвержденным в независимых государствах, — это зачастую не многим более, чем своеобразный этикет и демонстративность.

«Теория нравственных чувств», часть 6

Планирование государственное

Страх наказания никогда не будет тем достаточно весомым мотивом, который способен вызывать и поддерживать постоянное и прилежное усердие в работе.

«Богатство», книга 5

Политика, неизбежность ее зла

Несправедливо, что все общество в целом должно вкладывать средства в те затраты, выгоду от которых приобретает только малая часть этого общества.

«Богатство», книга 5

Права потребителей

Производитель должен заботиться о возбуждении интереса потребителя ровно настолько, насколько это необходимо.

«Богатство», книга 4

Правда, официально заверенная

Записи дебатов Палаты Общин — это не всегда самые аутентичные записи.

«Богатство», книга 5

Президенты бывшие

Из всех государственных деятелей в отставке, тех, кто для собственного спокойствия и облегчения жизни научились преследовать другие цели и презирать те почести, которые они больше не могут получать — многие ли из таких людей достигли в новом деле успеха?

«Теория нравственных чувств», часть 1

Президенты бывшие, продолжение

Человек боевого духа и больших амбиций, но подавленный своим нынешним положением, так или иначе будет искать возможности отличиться… Он будет готов удовлетворить свои амбиции любым путем, даже за счет войны или гражданских беспорядков.

«Теория нравственных чувств», часть 1

Разбогатевшие

Их богатство само по себе восхищает публику, но тщеславие, которое почти всегда сопутствует таким внезапно полученным состояниям, и глупое хвастовство, с которым они обычно показывают это богатство, возбуждает все-таки больше раздражения и негодования.

«Богатство», книга 5

Рост ядерной мощи, его положительный аспект

В будущем… обитатели всех стран и частей света могут прийти к тому равенству куража и силы, которые одни будут внушать благоговейный страх перед несправедливостью по отношению к друг другу и требовать известного рода уважения по отношению к правам друг друга.

«Богатство», книга 4

Санта Клаус

Похоже, в маленьких детях есть инстинктивная предрасположенность верить в то, что им говорят. Природа, видимо, сочла необходимой для их защиты склонность доверять тем, кто заботиться о них в столь нежные годы… Их вера, поэтому, чрезмерна, и требует долгих и трудных лет опыта и столкновений с губительной ложью, чтобы снизить их веру до разумного уровня, в котором есть место различию и недоверию.

«Теория нравственных чувств», часть 7

Свобода предпринимательства от политики

Хотя неумеренность правительства в тратах и должна была, без сомнения, задерживать естественный прогресс Англии в богатстве и улучшении жизни, все же ей не удалось этот прогресс остановить.

«Богатство», книга 2

Советов по выбору профессии и их бесполезность

Большинство людей склонны переоценивать свои возможности и способности — эту пагубную черту человеческой природы отмечали философы и моралисты всех времен. Реже отмечали, что такие люди зачастую безрассудно верят в свою фортуну… Презрение к риску и надежда на предполагаемый успех ни в какой другой период жизни не влияют на человека так сильно, как в том возрасте, когда молодые люди выбирают

будущую профессию.

«Богатство», книга 1

Социальные гарантии

[В древних Афинах] детей освобождали от обязанности содержать своих престарелых родителей, если те не научили их какому-нибудь ремеслу или иному делу.

«Богатство», книга 5

Сочувствие

Предположим, например, что Китай со всеми мириадами жителей оказался внезапно разрушен и разорен страшным землетрясением. Не интересно ли поразмыслить, как отреагировал бы на это человек европейской гуманности? Я представляю, что поначалу он беспрестанно выражал бы свои соболезнования и сочувствие, предавался бы меланхоличным размышлениям о бренности и фатализме человеческой жизни… Но когда все сантименты будут высказаны, прекрасная философия иссякнет, он вернется к своим делам и удовольствиям с такой же легкостью и спокойствием, как если бы никакой катастрофы не произошло… И если сегодня от переживаний он не мог заснуть, то уже завтра будет храпеть с безмятежностью, несмотря на недавнюю гибель сотен миллионов своих собратьев.

«Теория нравственных чувств», часть 3

Стандарты жизни

Удобства европейского правителя не всегда намного превосходят удобства работящего и бережливого крестьянина, в то время как удобства последнего намного превосходят удобства многих африканских царей, абсолютных хозяев жизней и свобод десяти тысяч голых дикарей.

«Богатство», книга I

Статистика

У меня нет особой веры в политическую арифметику.

«Богатство», книга 4

Стих белый

Его верно назвали «белым», потому что он и правда белый, как ни о чем не говорящий пустой лист. Даже я сам, за всю жизнь не сочинивший ни единой рифмы, мог бы написать такой белый стих так же быстро, как говорю.

Смит в интервью анонимному газетчику

Сюжет, достойный авангардной драмы

Потеря ноги может быть расценена во многих отношениях как большее несчастье, чем потеря возлюбленной. Но тем не менее, надо заметить, что нелепо разыгрывать трагедию из потери такого рода.

«Теория нравственных чувств», часть 1

Требования законные

О бедном человеке можно сказать, в некотором смысле, что ему требуется карета и шестерка лошадей… но, однако, это отнюдь не является законным требованием.

«Богатство», книга 1

Туристы, которые возвращаются домой и достают всех рассказами о том, как замечательно в других странах работает транспорт

В Китае… главные дороги и навигационные каналы, как рассказывают, во многом превосходят вещи такого рода, известные в Европе. Но впечатления такого рода чаще всего распространяют простоватые и дивящиеся всему путешественники или глупые и лживые миссионеры.

«Богатство», книга 5

Успех, за и против

Власть и богатство… это гигантские и действенные машины… состоящие из самых хитроумных и тонких пружин, которые нужно содержать в порядке с самым тщательным вниманием, и которые, несмотря на всю прилежную заботу, готовы в любой момент разлететься на кусочки и повергнуть в прах их несчастного обладателя…

Радости богатства и успеха… возбуждают воображение, как что-то великое, прекрасное и благородное, достижение чего стоит как всех трудов, так и всех тягот, которые люди приобретают вместе с ними. Мы можем лишь заключить — да, такова природа вещей! Это та хитрость, которая зачинает развитие, и держит в постоянном движении человеческие общества.

«Теория нравственных чувств», часть 4

Ученые

До изобретения книгопечатания, понятия «ученый» и «живущий подаянием», похоже, были очень близкими по значению синонимами.

«Богатство», книга 1

Хилтон, почему у нее так много врагов

Превосходство в чем-либо, даже в самых не пользующихся уважением профессиях, является объектом амбиций; соперничество и подражание такому человеку требуют самых больших усилий, а зачастую, и сомнительных средств.

«Богатство», книга 5

Экономики, две причины существования

Политическая экономия, которая считается ветвью науки о государственном управлении и законодательстве, занимается двумя разных предметами: первое — обеспечением хорошего дохода и стабильности для народа, или тем, каким более

подходящим образом занять население так, чтобы люди могли обеспечить такой доход и стабильность сами; и второе — обеспечением государства доходом, достаточным для содержания общественных служб.

«Богатство», книга 4

Экономики, две другие причины существования

Дешевизна потребительских товаров и поощрение производства — вот две заботы, которые являются главным делом политической экономии.

«Богатство», книга 5

Юмор, сортирный

Часто на публике гораздо более убийственна маленькая неприятность, чем большая беда.

«Теория нравственных чувств», часть 1

notes

Примечания

1

Уильям Уилберфорс (1759–1833) — британский политик и филантроп, член партии тори, член парламента Британии Известен речью, произнесенной в Палате общин 12 мая 1789 года против работорговли. (Прим. перев.)

2

Гарриет Элизабет Бичер-Стоу (1811–1896) — американская писательница, автор знаменитого романа «Хижина дяди Тома». (Прим. перев.)

3

Джон Браун (1800–1859) — американский аболиционист, Один из первых белых аболиционистов, защищавших партизанскую борьбу и практиковавших ее с целью отмены рабства. (Прим. перев.)

4

Санкюлоты (фр. sans'culottes) — название революционно настроенных бедных людей в Париже во время Великой Французской революции. Слово происходит от выражения sans culotte, т. е. «без кюлот»; в XVIII в., мужчины из богатых сословий носили кюлоты (они же бриджи, то есть короткие обтягивающие штаны чуть ниже колен) с чулками, а бедняки и ремесленники носили длинные брюки. (Прим. перев.)

5

Пол Ревир (1734–1818) — американский ремесленник, серебряных дел мастер, ставший одним из самых известных героев Американской революции. В ночь с 18 на 19 апреля 1775 г., накануне битвы при Лексингтоне и Конкорде, Ревир верхом проскакал к позициям повстанцев, чтобы предупредить их о приближении британских войск. Благодаря Ревиру (его подвиг был воспет американским поэтом Генри Лонгфелло в стихотворении «Скачка Пола Ревира») бунтовщики успели подготовиться к встрече с королевскими войсками. (Прим. перев.)

6

Сэмюэл Адамс (1722–1803) — один из основоположником Американской революции, создатель тайной антибританской организации «Сыны свободы», инициатор Бостонского чаепития (Прим. перев.)